

Breathe Me

A love like ours
can never die.

INTERNATIONAL & AMAZON BEST-SELLING AUTHORS
C. R. JANE & IVY FOX

Annotation

Говорят, что настоящая любовь приходит только раз в жизни. В моем случае они были неправы.

Я трижды отдавала свое сердце.

Голубоглазому парню с чувствительной душой, который читал стихи, когда думал, что никто не смотрит. Зеленоглазому спортсмену, который заставлял меня смеяться так же сильно, как и плакать. И темноглазому мальчику, чье темное сердце всегда билось только для меня.

Они были для меня всем, пока внезапно их не стало.

Они просили меня сделать выбор, но просили о невозможном.

Теперь моя очередь просить больше того, что они готовы дать. У меня осталось всего три месяца, и я просто хочу провести их с ними. Примут ли они мое предложение, или четыре сердца проживут оставшиеся дни своей жизни в сожалении о том, что могло бы быть?

Письма отправлены.

Все, что мне остается, это ждать. Ждать чтобы понять, принадлежат ли их сердца все еще мне.

Потому что, пока мое бьется, оно всегда будет принадлежать им.

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) — t.me/themeofbooks

Переводчик [_Sinelnikova](#)

Breathe Me

Саундтрек

Hands Down *Dashboard Confessional*

How Long Will I Love You *Ellie Goulding*

Don't Forget Me *Way Out West*

Easy *Camilla Cabello*

Grace *Kate Havnevik*

More *Halsey*
In My Blood *Shawn Mendes*
The Way I Loved You *Taylor Swift*
Worst In Me *Julia Michaels*
You Are the Best Thing *Ray LaMontagne*
You Are In Love *Taylor Swift*
Like Real People Do *Hozier*
Fools in Love *Inara George*
In Your Eyes *Taska Black*
Angels *The xx*
I wrote this song 4 u *Lil Bo Weep*
Good For You *Selena Gomez*
Not About Angels *Birdy*
Young and Beautiful *Lana Del Rey*
Breathe Me *Sia*

ПРОЛОГ

СЕЙЧАС

ВАЛЕНТИНА

— Да. Я понимаю. Я буду там завтра в десять. Тогда увидимся, доктор. Спасибо. До свидания, — тихо отвечаю я, надеясь, что доктор Ченнинг не услышит дрожи в моем голосе, когда я прощаюсь с ним.

Я вешаю трубку и кладу ее лицевой стороной вниз на туалетный столик, мои руки так сильно трясутся, что я чуть не роняю чертову штуковину на пол. Все мое тело не может унять дрожь. Я обнимаю свой живот и наклоняюсь в кресле, просто чтобы не упасть с него, медленно вдыхая и выдыхая, надеясь, что это успокоит мое неровное сердцебиение.

К сожалению, даже если бы я могла унять нерегулярное биение в груди, у моего желудка другие представления. Желчь отчаяния и тоски застревает у меня в горле, оставляя мне всего несколько секунд, чтобы добежать до ванной, прежде чем меня вырвет. Мои колени ударяются о плитку, без сомнения оставляя синяки, пока я очищаю свой организм от всех этих мучительных чувств. Поразительно, сколько мерзости я могу выплеснуть в фарфоровую миску, поскольку мой аппетит уже не тот, что раньше. Увы, химиотерапия так действует на человека. Лечение предназначено для спасения жизни, лишает вас всех предлагаемых ею качеств.

И в моем случае, очевидно, это также было бесполезным занятием.

Голос доктора Ченнинга сказал все это. Возможно, он не хотел прямо говорить по

телефону, что я безнадежна, предпочитая встретиться со мной лицом к лицу, чтобы сообщить плохие новости завтра утром, но по одному его тону я поняла, что для надежды больше нет места.

Вот и все.

Мой конец.

День, которого я боялась последние двенадцать месяцев, наконец настал. После года химиотерапии и анализов я должна признать тот факт, что все это было напрасно. Моя судьба решена, и теперь мне решать, как я с этим справлюсь. Буду ли я ползать в позе эмбриона и плакать от поражения, или я заставлю оставшиеся дни, которые мне еще остались, что-то значить?

После того, как меня вырвало всем, на что я была способна, я поднялась с пола и подошла к раковине, чтобы прополоскать рот. Я выплюнула излишки жидкости для полоскания рта, а затем ополоснула водой, повторяя процесс три раза, прежде чем прекратить. Это бесполезно. Я все еще чувствую вкус всех своих печалей и сожалений на кончике языка. Я держусь за края раковины и, к моему величайшему несчастью, мельком вижу свое бледное обезумевшее отражение в зеркале ванной.

Где та девушка, которая привыкла бороться за то, чего хочет?

Где она?

Потому что прямо сейчас она мне ужасно нужна.

Не в силах продолжать смотреть на отражение в зеркале еще минуту, и в отчаянной потребности избавиться от этого отвратительного привкуса во рту, я выбегаю из ванной и направляюсь на кухню. Прежде чем я даже осознаю, что делаю, моя рука уже открывает дверцу холодильника, доставая оттуда запечатанную бутылку водки, ту самую, которую я купила очень давно, чтобы отпраздновать, когда получу отчет о состоянии здоровья. Алкоголь был лишь одной из многих вещей, которым я не могла предаваться, но это было тогда, когда у меня еще была собака в этой драке. Поскольку я фактически только что получила свой смертный приговор, выпить несколько рюмок, наименьшая из моих забот. Если я собираюсь всю ночь извергать свои кишки, с таким же успехом могу частично обвинить в этом Absolut.

Я беру рюмку и наполняю ее до краев, осушая одним глотком. Горькая жидкость обжигает мои внутренности, но это не разубеждает меня в том, чтобы выпить еще. У меня такое чувство, будто вся грудь охвачена огнем, но я бы предпочла испытать это чувство в десять раз сильнее, чем печаль, нависшую над моей головой, пробирающуюся до костей.

— Знаешь, что тебе нужно, Вэл? Мороженое "Роки роуд", — говорю я вслух с нерешительным смешком, изо всех сил стараясь не думать о том, что я поддалась на разговоры сама с собой в своей пустой квартире. Свободные комнаты, еще одно болезненное напоминание о том, что мне придется столкнуться со всем этим в одиночку. — Да, это то, что тебе нужно, — бормочу я себе под нос после очередного шота, выталкивая эту мучительную мысль из головы.

Одна жалостливая вечеринка за раз, Валентина.

Я собираюсь потянуться к дверце холодильника, чтобы взять пинту вкусного шоколада, когда определенное изображение останавливает меня на полпути. Моя рука тянется к картинке, висящей на дверце моего холодильника, удерживаемой магнитом в виде Эйфелевой башни, который я купила на Amazon. Не обращая внимания на мое бедное разбитое сердце, я обвожу взглядом три лица, которые когда-то были мне так же знакомы,

как мое собственное. Я ставлю бутылку обратно на столешницу, так что обе мои руки свободны, чтобы ухватиться за память о днях, когда мое будущее все еще было тем, чего я с нетерпением ждала, о котором я радостно мечтала и планировала, когда они были рядом.

Большинство фотографий того периода моей жизни находятся либо в какой-нибудь обувной коробке, засунутой в мой шкаф, либо заархивированы в незаметной папке на моем ноутбуке, и то и другое скрыто от моих глаз, поэтому у меня нет постоянного напоминания обо всем, что я потеряла. Просто слишком больно проходить через бесконечное количество свидетельств того, как сложилась бы моя жизнь, если бы один выбор был сделан по-другому.

Однако я никогда не могла позволить себе расстаться с этой картинкой. В конце концов, это была наша самая первая. Я помню тот день, как будто это было вчера, хотя кажется, что это было целую жизнь назад. Папа принял это, когда Логан, Куэйд, Картер и я вошли в жизнь друг друга, не подозревая ни о ком из нас, насколько важными мы станем друг для друга. Я до сих пор помню сияющую улыбку на лице моего отца, когда он наблюдал, как мы сидим на моем крыльце, поглощая пиццу и рассказывая анекдоты. Мы встретились всего несколько часов назад, и все же мы были настолько синхронны, как будто знали друг друга всю свою жизнь.

В последующие годы папа часто говорил о родственных душах. Как иногда в жизни у нас бывает больше одной, и как мне повезло, что я так скоро нашла все свои. Это означало, что у меня будет больше времени для роста и воспитания нашей любви. Увидеть, как она расцветает во что-то экстраординарное и уникальное, превышающее все остальные. Он не предупредил меня, что у всего есть срок годности. Даже настоящая любовь иногда увядает. Точно так же, как хрупкая роза, однажды срезанная у стебля, теряет свою красоту и погибает прямо у вас на глазах. Но папа всегда был романтиком, отказываясь признавать такие пессимистические мысли, и, по крайней мере, некоторое время, я тоже.

Я не могу сдержать улыбку, которая появляется в уголках моих губ, когда я позволяю себе вспоминать тот день, даже если мое сердце сжимает безжалостный кулак печали, призывающий меня действовать осторожно.

Светлые волосы Логана тем летом нуждались в стрижке. Они постоянно падали на его изумительные голубые глаза. Каждый раз, когда я видела его, он проводил пальцами по челке, убеждаясь, что ничто не мешает ему смотреть на меня. И Логан всегда смотрел только на меня.

Куэйд по-прежнему носил брекеты, но это никоим образом не мешало его ослепительной улыбке. Он либо рассказывал анекдот, либо смеялся над ним, гордо демонстрируя свою заразительную металлическую ухмылку при каждом удобном случае. С его темно-зелеными глазами цвета леса и лохматыми каштановыми волосами было невозможно не найти его милым, даже когда он, свернувшись калачиком, смеялся над нами.

А еще был Картер — одинокий волк нашей маленькой стаи. Он никогда не произносил больше, чем лишнее слово здесь или там, но это не означало, что он был менее наблюдательным, чем другие, совсем наоборот. Не было ни одного момента, когда я не чувствовала бы на себе его пристальный взгляд из-под любопытных век. Поначалу он почти ничего не говорил, но каждый раз, когда он открывал рот, чтобы заговорить, я была загипнотизирована. Картер оказывал такое влияние на людей.

Черт возьми, они все это делали.

Прежде чем я поняла, что на меня нашло, я влюбился в трех друзей, безоговорочно и бесповоротно. В то время, когда у меня был только мой отец, которого я могла называть

своим, они проникли в мое сердце и стали семьей, о которой я всегда мечтала. Тогда мы все были так молоды, но даже в таком нежном возрасте я знала, что такое истинное счастье. Оглядываясь назад, возможно, именно невинность юности заставила меня поверить, что я всегда буду чувствовать себя так.

Здоровой. В безопасности. Любимой.

В глубине души я знаю, что они были причиной, по которой у меня было так много надежд с самого начала. Я думала, что осуществлю так много мечтаний, если они будут рядом со мной. Еще один болезненный смешок покидает меня, когда я соскальзываю на пол, прислоняясь к холодильнику для поддержки, глядя на каждое улыбающееся лицо, дразнящее меня тем, что, когда мне было двенадцать лет, у меня было все и вся, что мне когда-либо понадобится или чего я когда-либо захочу. У меня была семья.

Семья.

За последний год я слышала это слово миллион раз. Именно на семью все говорят мне, что я должна положиться в этот сложный период своей жизни. Когда ты болен, люди реагируют двояко. Либо они выражают свои соболезнования, уклоняясь от вас как можно быстрее и вежливее, либо вы получаете массу любопытных вопросов, дополненных обилием непрошенных советов.

— Почему ты всегда приходишь на прием к врачу одна?

— Неужели у вас нет никого, кто мог бы держать вас за руку во время лечения?

— Должен же быть кто-то, на кого ты можешь опереться в это трудное время.

— У вас нет семьи? Друзей?

— Ты должна искать утешения в людях, которые любят тебя и заботятся о тебе, Валентина.

— Сейчас не время цепляться за семейные распри или обиды.

— У тебя что, никого нет?

Сначала, когда меня засыпали такими навязчивыми вопросами, я придумывала оправдания почему я всегда была одна. Но это было тогда, когда у меня еще оставались силы лгать. После нескольких месяцев безуспешных испытаний лекарств желание удовлетворить их любопытство вежливыми ответами исчезло.

— Нет, у меня никого нет.

— Да, я одна.

— Моей семьи больше нет.

Однако, увидев их жалостливые взгляды, я тоже перестала говорить правду. По крайней мере, когда я лгала, я этого не получала. Я могу иметь дело с любознательными натурами людей, но, к сожалению, я не могу справиться с их жалостью. Так что теперь я притворяюсь невежественной в ответ на их испытующие взгляды и вопросы и меняю тему, как только кто-то заводит разговор о семье.

Семья.

Да, раньше у меня она была. У меня был отец, которого я обожала больше жизни, и три лучших друга, которые значили для меня очень много. Я жила и дышала ради них, пока не перестала это делать.

Мой взгляд возвращается к фотографии в моей руке, где те же трое красивых мальчиков улыбались и радостно смотрели друг на друга, а я оказалась прямо среди них с моей собственной глупой ухмылкой, ярко сияющей мужчине за камерой. Они были моей семьей, и до моего последнего вздоха они останутся таковыми, пусть даже только в моем сердце.

Интересно, счастливы ли они. Дает ли им жизнь, к которой они стремились в детстве, удовлетворение, которого я не могла им предложить.

Вопреки моему здравому смыслу и к огорчению, моего сердца, на протяжении многих лет, в те одинокие ностальгические ночи, когда я хотела чувствовать себя ближе к ним, Google был единственным другом, на которого я могла положиться. Это дало мне небольшое представление о достижениях всех моих мальчиков. Теперь мужчины с налаженной карьерой смогли добиться успеха во всех целях, которые они ставили перед собой, в то время как я с треском провалила свои. Гордость и печаль вырывались у меня одновременно, на одном выдохе, когда я могла заглянуть в их жизни. Жизни, которой я была лишена возможности поделиться с ними из-за одного решения, которое разделило нас всех.

Боже, у нас тогда было так много мечтаний. Полный список того, что мы хотели сделать в нашей жизни. Я даже записала свои и заставила трех моих лучших друзей сделать то же самое, просто чтобы мы могли полежать на траве Сан-Антонио, посмотреть на летнее небо и помечтать о наших списках вместе. Мы были так уверены, что возьмем мир штурмом, рука об руку, и что ничто никогда не встанет на пути к нашему счастью.

Забавно, за что цепляется память. Как она предпочитает сохранять одни воспоминания такими яркими, в то время как другие так безжалостно искажает, но те летние дни, когда мы шептались друг другу о наших желаниях, являются такой же частью меня, как и эта убивающая меня болезнь. Те же самые амбиции кажутся мне сейчас всего лишь несбыточными мечтами... недостижимыми, и вспоминать о них больно.

Как и ожидалось, водка начинает делать свое дело, заставляя мой разум погрузиться в размышления о том, что могло бы быть, если бы все сложилось по-другому для всех нас. Образы всех мест, в которые мы бы отправились и которые посетили вместе, всех экзотических блюд и культур, которые мы бы испытали и которыми наслаждались, танцуют в моей голове, как жестокая шутка. Но мои своенравные мысли на этом не заканчиваются. Какой бы глупой ни казалась мне сейчас эта идея, я даже представляю себя в белом халате в какой-нибудь престижной больнице, лечащим больных и немощных, вместо того чтобы быть одной из них. С тех пор, как я позволила себе провалиться в кроличью нору сожалений и несбывшихся мечтаний, меня преследует другой болезненный образ тот, где мой живот больше, чем жизнь, и четыре пары рук баюкают его. Чистая любовь, исходящая из наших переплетенных рук к жизни, которую я принесу в этот мир.

Пьяная слеза падает на фотографию в моей руке, и я вытираю ее дочиста, пока она не испортила эту маленькую физическую память сверх всякой меры. То, что такой жизни никогда не будет, не означает, что я не могу сохранить подарок на память, который дал мне надежду, что однажды это возможно.

Хватит, Валентина. Перестань погрязать в том, что могло бы быть, и начни думать о том, что еще можно сделать, мысленно выговаривая я. Тебе нужен список? Тогда давай создай новый.

Я поднимаюсь с пола, хватаю бутылку водки одной рукой, а другой крепко сжимаю фотографию, направляясь в свою гостиную. Я сижу за маленьким столом, который у меня в углу, и сдвигаю медицинские журналы на пол, чтобы освободить место для того, что я собираюсь сделать. Я беру лист бумаги и записываю все, что я хотела сделать в своей жизни, добавляя рядом две колонки с заголовками 'Реально' и 'Возможно'. Я записываю все, о чем я в какой-то момент своей жизни мечтала, выпивая прямо из бутылки водки, чтобы заглушить боль, которую вызывают те же самые написанные слова. Я не уверена, сколько

проходит времени, но головокружение, которое я получаю, является хорошим показателем того, что я часами сижу на одном и том же месте.

Закончив, я внимательно просматриваю свой список. То, что, как я надеялась, даст мне какой-то контроль и комфорт, только усиливает хмурость на моем лице. Когда я начинаю подводить черту под теми, которые я никогда не смогу выполнить вовремя, другие выделяются как сильные кандидаты на то, что я все еще могу сделать.

Посетить Лувр и съесть выпечку в кафе в Париже.

Танцы под дождем в Праге.

Прогулка на природе по Швейцарским Альпам.

Пить вино на юге Испании и дремать под деревом.

Есть мороженое, прогуливаясь по площади Сан-Марко в Венеции.

Купание нагишом на экзотическом пляже греческих островов.

Я постукиваю кончиком ручки по столу, когда ко мне обращаются образы осуществления этих мечтаний. Да, я хочу делать все эти вещи, но я не хочу делать их в одиночку. Когда я жаждала посетить все эти места и пуститься в такое приключение, это было в компании мужчин, которых я любила больше всего. Что бы это дало, если бы я делала все это без них? Это была бы бессмысленная и нерешительная попытка обрести счастье.

То ли опьяненная храбростью, то ли слишком обезумевшая от горя, я вытаскиваю три новых стационарных письма и на каждом пишу имена, которые не произносила почти десять лет.

Логан.

Куэйд.

Картер.

В каждом письме я пишу о том, чего все еще жаждет мое сердце, и заканчиваю их все одним, единственным вопросом, тем, который, возможно, определит остаток моих дней.

“Позволишь ли ты настоящему счастью ускользнуть у тебя из рук во второй раз, или у тебя хватит смелости совершить этот прыжок вместе со мной?”

Я запечатываю каждое письмо в конверт с поцелуем и оставляю их разложенными на моем столе. Каждое письмо окружает фотографию того единственного детского воспоминания, которое полностью изменило мою жизнь. Удивительно поэтично, что эта почитаемая фотография, посвященная дню, когда в моей жизни появились все три мальчика, теперь окружена письмами, которые, я надеюсь, вернут их в нее. Единственное отличие в том, что тогда они могли дать толчок моей жизни заново, и время было понятием, которого у нас было в избытке.

На этот раз это не так.

Время больше не мой союзник, и, возможно, оно никогда им на самом деле не было. Возможно, такова была моя судьба все это время, и мне была дана лишь небольшая отсрочка... маленькое окно в счастье.

Если они не услышат мой призыв, по крайней мере, у меня всегда будут эти воспоминания, которые будут напоминать мне, что когда-то в моей жизни я была целой.

Меня любили.

И они были любимы.

ГЛАВА 1

ТОГДА ВАЛЕНТИНА

Я вытираю лоб предплечьем, августовская жара начинает сказываться на мне. Папа сказал, что к жизни в Техасе придется немного привыкнуть, но я не волнуюсь. Если теплая погода в Сан-Антонио, это то, чего я должна ожидать круглый год, то меня это вполне устраивает. Мы прибыли всего несколько часов назад, и я уже могу сказать, насколько нам здесь понравится. Конечно, все, что можно сравнить с серыми мрачными улицами Детройта, это улучшение, но мне нравится идея на этот раз жить в настоящем двухэтажном доме, с задним и передним дворами в придачу, а не в какой-нибудь убогой квартирке в двенадцатиэтажном здании, где никто не знает своих соседей и даже не заботится об этом.

Этот дом — символ нашего нового начала, место, где мы с папой действительно можем быть счастливы и начать все сначала.

Собирая вещи для нашего большого переезда, я убедилась, что ничто в этом доме не заставит нас думать о маме или ее отсутствии. Я выбросила каждую мелочь, которая могла напомнить нам о ее отъезде два года назад. Папа сказал, что я пожалею, что не сохранила хотя бы несколько ее фотографий, но, если мне нужно напоминание, все, что мне нужно сделать, это посмотреть в зеркало. У меня ее темные, иссиня-черные волосы, ее кожа оливкового оттенка и ее полные, рубиновые губы. Единственное, что я унаследовала от папы, это его золотисто-карие глаза, за что я очень благодарна. Вместо того, чтобы видеть все черты, которые я унаследовала от своей эгоистичной, тщеславной матери, я сосредотачиваюсь на нем и чистоте своих глаз.

У моего папы самые добрые глаза в мире. Такие же, как солнце, сияющее над головой, теплые и искренние, и они всегда горят еще ярче всякий раз, когда смотрят на меня. Почти так же, как сейчас.

— Как насчет того, чтобы вместо этого взять одну из коробок поменьше, малыш? — Он усмехается и подмигивает, когда обнаруживает, что я пытаюсь поднять одну из коробок потяжелее из грузовика, который мы арендовали.

— Если я буду брать только маленькие коробки, то этот переезд займет целую вечность, папа, — восклицаю я, указывая на бесконечное количество больших коробок позади меня.

— Потребуется столько времени, сколько потребуется. У нас полно времени. — Он нежно улыбнулся, беря коробку, которую я пыталась донести, насвистывая всю обратную дорогу в дом и оставляя меня с пустыми руками.

Если что...это мой папа.

Всегда Дзен, как будто у него есть все время в мире, и ничто никогда не выводит его из себя. Хотела бы я, чтобы это было чем-то другим, что я могла бы унаследовать от него. К

сожалению, в этом отношении я тоже больше похожа на свою мать, всегда беспокойная и капризная. Или, может быть, из-за того, что со мной случилось, мне всегда кажется, что я работаю вопреки времени. Как будто у меня есть определенное количество времени, чтобы делать все, что я захочу, пока оно не закончится. Возможно, это также причина, по которой я так рада начать эту новую жизнь в новом месте. Может быть, теперь я наконец смогу дышать и просто наслаждаться каждой секундой вместо того, чтобы беспокоиться о том, наступит следующая или нет.

Большинство двенадцатилетних детей боялись бы оказаться оторванными от дома своего детства. Идея оставить всех своих друзей позади, пойти в новую школу, где никто не знает твоего имени, была бы пугающей для большинства девочек моего возраста.

Однако я? Я рассматриваю это как возможность получить все то, что я упустила.

Кроме медсестер и врачей, с которыми я встречалась изо дня в день, и других онкологических больных, которым делали химиотерапию в то же время, когда я принимала свою дозу, у меня не было настоящих друзей, на которых я могла бы рассчитывать. Никто настоящему не скучал по моему переезду в Техас. Даже моя собственная мать. Но теперь, когда моя жизнь, наконец, принадлежит мне, я собираюсь сделать все, что было в моем списке дел, чего я не могла сделать, когда была больна. И если мне действительно повезет, папа увидит, какая я счастливая и здоровая, и тоже начнет жить своей собственной жизнью. Может быть, даже начнет встречаться. Кто знает? Возможности безграничны, и я, например, не могу дождаться, когда мы начнем жить нашей лучшей жизнью, вдали от документов о разводе и больничных палат.

Поскольку папа непреклонен в выполнении всей тяжелой работы, я складываю три коробки поменьше, по одной друг на друга, чтобы вернуть их внутрь. Он, вероятно, будет хмуриться из-за моего упрямства, беспокоясь, что я буду напрягаться, но рано или поздно ему придется освоиться с программой. Я не фарфоровая. Я не сломаюсь и у меня не будет приступа только из-за небольшой напряженной деятельности.

Это было тогда.

А это сейчас.

Чем скорее папа смирится с тем фактом, что все наши страхи и беспокойства о моем здоровье остались в прошлом, тем лучше. И для того, чтобы это произошло, ему придется смягчиться и дать мне немного пространства для маневра, чтобы попробовать новые вещи, которые до этого момента были невыполнимы. Например, ему придется позволить мне делать работу по дому, и когда я этим летом пойду в новую школу, он не сможет сказать нет, когда я скажу ему, что хочу попробовать свои силы в спорте. И ему определенно придется разрешить мне есть нездоровую пищу, как любому другому подростку.

Я не могу сдерживать радостного смеха при мысли о том, чтобы съесть сочный чизбургер в торговом центре или заняться повседневными делами, такими как мытье посуды или вынос мусора. Кому-то это может показаться глупым, но я приветствую нормальность всего этого.

Обычность никогда не звучала так мило.

С этими захватывающими обыденными образами, танцующими в моей голове, я с головокружением выпрыгиваю из грузовика с тремя коробками на буксире только для того, чтобы солнечные лучи ослепили меня и приковали к месту. Когда мои светлые глаза, наконец, привыкают к яркому свету, я вижу двух мальчиков на другой стороне улицы, перебрасывающих футбольный мяч от одного к другому. Я прикусываю нижнюю губу, чтобы

подавить смех, который хочет вырваться наружу, когда мальчик с лохматыми каштановыми волосами не обращает внимания на то, куда он бросает, поскольку он слишком занят, махая мне, и бросает футбольный мяч прямо в своего отвлекшегося белокурого друга. Мальчик с каштановыми волосами быстро подбегает к своему другу, который теперь лежит плашмя на траве, и протягивает руку, чтобы поднять его. Они оба слишком далеко, чтобы я могла слышать, что они говорят друг другу, но это, должно быть, забавно, потому что они оба начинают смеяться, толкая друг друга в плечи, как будто ничего не произошло.

Внезапно воздух прорезает громкий свист, заставляющий их замереть и смущающий меня до чертиков.

— Папа, что ты делаешь? — Спрашиваю я сквозь стиснутые зубы, мои щеки краснеют.

— Смотри и учись, малыш. — Он подмигивает мне и машет двум мальчикам, направляющимся к нам.

Я не могу удержаться от смеха, наблюдая, как они пытаются решить, стоит им заходить или нет, но, должно быть, это не было слишком большой дилеммой, потому что через несколько секунд они оба переходят улицу и идут по моей подъездной дорожке.

— Эй, ребята, вы заинтересованы в том, чтобы заработать несколько долларов?

— О каком количестве мы говорим, мистер? — Спрашивает тот, что с футбольным мячом в руках, приподняв бровь.

— Как насчет десяти долларов для каждого из вас? Я бы сказал, что это справедливая сумма за честные два часа работы за то, что вы поможете мне и моей дочери разгрузить этот грузовик.

Другой мальчик, блондин, заглядывает в грузовик, а затем глубоко выдыхает, потирая затылок, и начинает считать все коробки.

— По моим подсчетам, это больше похоже на четырехчасовую работу для нас двоих, сэр. Но если вы добавите обед и заплатите нам дополнительные десять долларов, я могу позвонить нашему приятелю, и мы закончим это за те два часа, которые вы хотите.

— Ты заключаешь выгодную сделку, сынок. Пицца вас устроит, мальчишки?

Они оба кивают с яркими улыбками на лицах, время от времени украдкой поглядывая на меня.

— О, где мои манеры? — Папа хлопает себя ладонью по лбу.

Мне так хочется закатить на него глаза, но прямо сейчас я слишком нервничаю, чтобы сделать это.

— Меня зовут Эрик Росси, а эта леди прямо передо мной моя дочь Валентина, — с гордостью объявляет он, притягивая меня к себе и кладя обе руки мне на плечи, успокаивающе сжимая.

— Привет, я Куэйд, а это мой лучший друг Логан, — представляет парень с каштановыми волосами и металлической ухмылкой, разделяющей его лицо надвое.

Даже с фигурными скобками его улыбка заразительна, и я не могу сдержать собственной глупой ухмылки.

— Я Вэл.

— Я это уже говорил, малыш, — насмешливо произносит папа себе под нос.

На этот раз я действительно закатываю глаза.

— Приятно познакомиться, Вэл, — добавляет Логан, протягивая мне руку для пожатия, но это бессмысленное усилие, поскольку я все еще держу в руках три коробки, которые достала из грузовика.

Видя ошибку своего поведения, он снова потирает затылок, застенчивая улыбка трогает уголки его губ, отчего он выглядит еще более привлекательным.

— Так твой друг живет далеко? — Спрашиваю я, пытаюсь выйти из своего неловкого положения.

— Кто? Картер? Не-а. Он живет прямо по соседству с тобой. Мы пойдем за ним, — парирует Куэйд, дергая Логана за локоть.

Они разворачиваются и останавливаются посреди подъездной дорожки, разговаривая друг с другом со скоростью мили в минуту. Опять же, я не могу их слышать, но мне бы очень хотелось, чтобы я могла, так как они выглядят так, будто вот-вот столкнутся головами. Однако, что бы они там горячо ни обсуждали, это быстро решается, и оба мальчика в безумном порыве бегут через наш двор к соседнему.

— Добро пожаловать в Сан-Антонио, малыш. Я думаю, мы только что познакомились с твоим приветственным комитетом. — Папа посмеивается, забирая три коробки у меня из рук.

— Нет, это не считается, поскольку ты вроде как заставил их действовать. Предлагая пиццу и наливные. Ты не можешь подкупать детей, чтобы они были моими друзьями, папа.

— Ах, Вэл. Эти парни умирали от желания под любым предлогом встретиться с тобой. Я только что предоставил им прекрасную возможность, о которой они молились, — поддразнивает он, проходя мимо меня и возвращаясь в дом со своей ношей.

Я поворачиваюсь, чтобы достать из грузовика еще одну коробку, когда что-то привлекает мой взгляд из окна второго этажа по соседству. Сначала это выглядит как тень, скрывающаяся за темными занавесками, но затем я замечаю проблеск чего-то блестящего. Это похоже на вспышку света, она есть, а затем внезапно ее нет.

— Странно, — бормочу я и возвращаюсь к своей задаче, с нетерпением ожидая возвращения Куэйда и Логана.

Хотя у папы был неубедительный способ познакомить нас, я все равно рада, что он это сделал. Конечно, когда я думала о том, чтобы завести друзей, я предполагала, что начну с девочек и проложу свой путь к мальчикам, но, как и в любой другой сфере моей жизни, все происходит не так, как я ожидаю, так почему же заводить друзей должно быть по-другому?

Это не имеет значения.

Все, что имеет значение, это то, что мы с папой наконец-то сможем жить как нормальная семья и хоть раз в жизни станем счастливыми.

— Добро пожаловать в Сан-Антонио, Вэл, — шепчу я в ответ слова моего отца.

Я посылаю безмолвную молитву большому парню наверху, чтобы он превратил этот дом в безопасное убежище, о котором мы с папой всегда мечтали. Пусть этот дом будет наполнен только любовью и смехом.

Господь свидетель, мы оба пролили достаточно слез, чтобы хватило на всю жизнь.

ГЛАВА 2

ТОГДА ЛОГАН

Я собирался уничтожить зомби на экране, когда начинает реветь оглушительная мелодия звонка моего телефона, нарушая мою концентрацию. Я пытаюсь игнорировать это, но проклятая штука просто не замолкает. Раздраженный, я нажимаю паузу на своем пульте дистанционного управления, чтобы посмотреть, кто это, и я несколько не удивлен, когда убеждаюсь, что это Куэйд, который решил взорвать мой телефон так рано этим утром. Ему, должно быть, безумно скучно в одиночестве по соседству, так что неудивительно, что он решает побеспокоить именно меня. Между тем, чтобы доставать меня или беспокоить Картера, он знает, что я его лучший выбор. Это не беспокоило бы меня так сильно, если бы он не знал, что я пытаюсь закончить эту игру уже несколько недель. Безуспешно, но все еще пытаюсь. К сожалению, я знаю, что, если я не возьму трубку, он будет звонить и звонить, пока я не сдамся. Куэйд очень упрямый.

— Лучше бы это было важно, придурок. Я собирался сокрушить финального босса в Resident Evil, — выпаливаю я в приветствии.

— Нет, не собирался. Эта игра надирает тебе задницу все лето, и ты это знаешь. — Он хихикает, и, клянусь, я почти вижу самодовольную металлическую ухмылку на его лице на другом конце провода.

— Прямо сейчас я вешаю трубку.

— Подожди! — Кричит он.

— Кончай с этим, Куэйд! Я же говорил тебе, что у меня полно дерьмовых дел.

— Это может подождать. Поверь мне. Просто спустишься вниз и выгляни из окна своей гостиной, ладно?

— У меня на крыльце не будет бумажного пакета с собачьим дерьмом, не так ли? Мама разозлится, если ты сделаешь это снова.

— Не-а. Это не первоапрельский розыгрыш. И, кроме того, я не чудо с одним трюком. Я бы не стал повторять одну и ту же шутку дважды, — имеет наглость заявить он.

— Забавно.

— Перестань быть ворчуном и просто спускайся уже вниз, — нетерпеливо приказывает он.

— Хорошо. — Я вздыхаю, зная, что, если я не сделаю так, как он говорит, он просто придет и заставит меня.

Я никогда не встречал кого-то настолько упрямого, но настойчивый придурок один из моих лучших друзей, так что же парню делать?

Как только я выхожу из своей комнаты, на меня обрушивается бомбардировка новым альбомом Тейлор Свифт. Мои сестры Меган и Рэйчел безостановочно проигрывали эту пластинку все это чертово лето. Настолько, что даже я знаю все тексты к каждой песне. Я не испытываю ненависти к Тейлор, поскольку она знает свое дело, но у ребят выдался веселый денек, когда они застали меня рассеянно напевающим одну из ее мелодий. Я думаю, это просто еще одна из многих радостей быть единственным парнем в доме, полном женщин. Клянусь, папа добровольно участвует в каждом военном развертывании, ведь мир и покой в этом доме важнее, чем то, что он ставит еду на стол. Что такое маленькая линия огня по сравнению с драмой и беспределом четырех девочек-подростков? Я всего лишь

ребенок, но, если армия позволит мне несколько месяцев побыть со стариком, я определенно рассмотрю это.

Заткнув уши пальцами, я спешу вниз по лестнице. Брук и Кэссиди на кухне готовят и помогают маме с распродажей выпечки, которую наша церковь устраивает в эти выходные. Пока папа находится в каком-то отдаленном месте в какой-то забытой богом стране третьего мира, делая все возможное, чтобы его не подстрелили, мама делает все возможное, чтобы совершить каждое доброе дело, описанное в книге, просто для того, чтобы Всевышний просиял ему и вернул его домой целым и невредимым и к нам.

— Ты уже на месте? — Я слышу приглушенный голос Куэйда, доносящийся из телефона в моей руке.

Я закатываю глаза, потому что он не только упрямый, но и может быть прямо-таки нетерпеливым, когда захочет. Если бы я не любил этого засранца как брата, которого у меня никогда не было, я бы надрал ему задницу за то, что он такой раздражающий.

— Почти, — говорю я ему, как только вхожу в гостиную.

— Ты у окна?

— Господи, Куэйд! Просто дай мне минутку, ладно?

— Поторопись, ублюдок!

Хотел бы я обругать его так же легко, как он меня, но мама в пределах слышимости, и она накажет меня в мгновение ока, если услышит хотя бы намек на ненормативную лексику, слетевшую с моих губ. Конечно, заземление произойдет только после того, как она убедится, что я не смогу сидеть в течение недели. Я это хорошо знаю. Куэйду в этом отношении повезло. Его родителям так или иначе насрать на то, что выходит у него изо рта. Имейте в виду, им наплевать и на множество других вещей, Куэйд является одной из них.

Ладно, может быть, по ту сторону забора трава не зеленее, и моему лучшему другу не так повезло, как я его изображаю. Конечно, его родители богаты и могут купить ему все новейшие гаджеты и видеоигры, которые он захочет, и, в отличие от меня, Куэйду не нужно носить обноски или покупать одежду в комиссионном магазине. Но я бы предпочел, чтобы у меня были родители-вертолетчики, считающие копейки, которые постоянно лезут ко мне из-за каждой мелочи, чем у него, которые дают ему все, но не то, что важнее всего.

— Логан! — Кричит Куэйд еще раз, возвращая меня к текущей задаче.

— Я здесь. Я здесь, — ворчу я, открывая занавеску, чтобы увидеть, что же там такое чертовски важное, что не может подождать.

Когда я осматриваю нашу улицу, кажется, ничто не оправдывает нетерпения Куэйда. За исключением движущегося грузовика через дорогу от моего дома, на Сидар-роуд все тот же старый скучный день.

— На что я смотрю? Итак, Хендерсоны наконец-то продали свой дом. — Громкий возглас. — Пожалуйста, не говори мне, что именно поэтому ты вытащил меня из моей игры?

— Просто удели этому секунду и держи ухо востро.

Я в двух секундах от того, чтобы повесить трубку у него перед носом, чертовски взбешенный тем, что Куэйд заставил меня прекратить игру только для того, чтобы я мог пялиться на чертов движущийся фургон, когда я вижу ее.

Вау!

В тот момент, когда мой взгляд останавливается на девочке через дорогу, по всему моему телу проносятся страннейшие ощущения. Моя грудь сжимается, как будто в нее только что врезался самосвал, в то время как мое сердце беспорядочно бьется в грудной

клетке. Даже во рту пересохло, как в Сахаре, а на языке появился привкус грубой наждачной бумаги. Я скручиваю подол своей футболки в узел, вытирая о него свою липкую руку, в то время как другой крепко прижимаю телефон к уху.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Мой взгляд по-прежнему прикован к каждому ее движению, я остаюсь прикованным к месту, когда она наклоняется, чтобы зашнуровать свои белые кеды, а через несколько секунд выпрямляется, чтобы собрать свои иссиня-черные волосы в хвост. Я никогда не видел таких темных волос. Даже голова цвета воронова крыла Картера не может сравниться с тем, насколько темны ее волосы. На ней футболка со "Звездными войнами" и простые джинсовые шорты, демонстрирующие ее длинные загорелые ноги. Нет, не загорелые. Эта золотистая кожа и цвет лица, пропитанный оливковым маслом, это все ее.

Кто эта девочка?

— Логан? Чувак, ты там? — спрашивает Куэйд, напоминая мне, что он все еще на линии.

— Д-да, я здесь, — заикаюсь я.

— Она симпатичная, да?

Я прочищаю горло, потому что не знаю, что сказать. Слово "симпатичная" даже не передает это.

— Я думаю прямо сейчас, что половое созревание только что постучалось в твою дверь, мой друг, — дразнит он с глубоким смехом.

— Заткнись.

— Эй, не переживай. Рано или поздно это должно было произойти. Не стыдно, что это заняло у тебя так много времени.

— Ты настоящий засранец, ты знаешь это? — шепчу я в телефон, надеясь, что мама слишком отвлечена на кухне, чтобы услышать меня.

Следует еще один смешок Куэйда, и ему требуется целая вечность, чтобы взять себя в руки. Но мне на самом деле все равно, потому что прямо сейчас я слишком увлечен наблюдением за разговором моей новой соседки с тем, кто, как я предполагаю, ее отец. Он выглядит немного моложе моего старика, но такой же крупный. С его широкими плечами и квадратной челюстью он относится к типу парней, которые не позволяют кому попало заговорить с его дочерью. У него, вероятно, есть куча дробовиков по всему дому, чтобы защитить ее от парней вроде нас. Я не могу сказать, что виню его, если это так. Я бы тоже так делал, будь я на его месте.

— Итак, я тут подумал, — прерывает мои размышления Куэйд.

— Не навреди себе, — насмешливо замечаю я в ответ.

— Ха-ха-ха, — саркастически отвечает он. — Как я уже говорил, я подумал, мы немного поиграем в мяч на твоей лужайке перед домом. Что ты на это скажешь? — Он соблазняет, и я вижу, что он делает, даже если я не совсем в восторге от его стратегического плана.

Он знает, что я ненавижу футбол. Каждый раз, когда он просит меня потренироваться с ним, я придумываю все возможные оправдания, чтобы этого не делать. Может быть, это делает меня дерьмовым другом, но я бы предпочел проводить время за компьютером или играть в видеоигры, чем находиться на улице в палящую жару Сан-Антонио, обливаясь потом и бросая друг другу чертов футбольный мяч. Тем не менее, Куэйду нравится игра, и вы всегда можете ожидать увидеть его с мячом в руках, поэтому для него придумать этот предлог, чтобы выйти на улицу, это просто его настройка по умолчанию.

— Так мы будем играть или как, придурок?

— Встретимся на улице через пять минут. Просто сначала нужно переодеться.

— Да, я знал, что ты это скажешь. — Он усмехается, прежде чем повесить трубку.

Я бегу наверх и открываю все ящики в своей комнате, пока не нахожу приемлемую чистую футболку и несколько шорт. Я бросаю быстрый взгляд в зеркало и чуть не пинаю себя за то, что не позволил Брук подстричь меня, как она хотела. Блондинистый беспорядок всегда будет у меня в глазах, мешая просмотру, я просто знаю это.

К черту все. Сейчас я ничего не могу с этим поделать. Я выбегаю из своей комнаты только для того, чтобы врезаться в свою пятнадцатилетнюю сестру.

— Эй, эй, куда ты так спешишь? — спрашивает Рейчел, не прилагая никаких усилий, чтобы убраться с моего пути вообще.

— Я собираюсь поиграть в мяч с Куэйдом.

— Мяч? Ты? Правда? — Она подозрительно возражает, уперев руки в бедра.

— Да! А теперь уйди с дороги, Рейчел. Черт! — Она пожимает плечами, прислоняясь к стене в коридоре, оставляя мне небольшую брешь для прохода.

Я прохожу мимо нее и бросаюсь вниз по лестнице, только чтобы услышать, как Рейчел в панике бежит за мной. Я игнорирую свою любопытную сестру и открываю входную дверь, Куэйд уже стоит на пороге со своей металлической ухмылкой на лице.

— Это заняло у тебя многовато времени, — начинает говорить он, но затем замолкает, когда видит мою сестру, маячащую позади меня. — Привет, Рейч. Отличное утро, да?

— Привет, малыш, — рассеянно отвечает она в ответ, глядя мимо него и улавливая проблеск реальной причины, по которой я хочу выйти на улицу в эту палящую жару.

— Ты собираешься играть в футбол, да? Ты уверен, что хочешь поиграть именно этими мячами? — Насмехается она, шевеля бровями.

Мое лицо вспыхивает от ее намеков.

— Н-Нет! Боже, Рэйчел. Перестань быть такой извращенкой, — заикаюсь я, изо всех сил стараясь сохранять хладнокровие.

— О, я извращенка?! Это круто. По крайней мере, я не та, кто преследует новую девочку через улицу.

— Кто сказал что-нибудь о преследовании? Я же говорил тебе. Мы просто собираемся немного поиграть в мяч.

— Как скажешь, Логан. — Она хихикает, пренебрежительно отбрасывая волосы мне в лицо, прежде чем направиться на кухню. Как только я начинаю закрывать дверь, я слышу, как она кричит: — Мам, Логан запал на новую соседку.

Из моего дома доносятся девчачьи визги и смех, и я съеживаюсь, прикованный к месту.

— Твоя сестра любительница пошалить, ты ведь знаешь это, верно? — Говорит Куэйд, вприпрыжку спускаясь по ступенькам крыльца.

— Она не единственная. Все четверо огорчают меня. Просто будь счастлив, что ты единственный ребенок.

— Я не знаю. Я думаю, было бы неплохо иметь сестру или двух, — бормочет он, и я вижу, как его взгляд перемещается по соседству к его пустому дому.

— Ты так говоришь, потому что у тебя их нет. Поверь мне, через некоторое время это надоедает, — пытаюсь успокоить его.

— Неважно. Давай, чувак. Давай немного поиграем в мяч.

— Ты думаешь, она заговорит с нами?

— Есть только один способ узнать. — Он подмигивает и начинает носиться по моей лужайке перед домом, готовый устроить шоу, чтобы привлечь внимание нашей новой соседки.

Я надеюсь, что это сработает.

КУЭЙД

Я забыл, насколько Логан отстойно играет в мяч. Даже при легких бросках он каждый раз пугается с этой чертовой штукой.

— Господи, ты отстой, чувак, — ворчу я себе под нос, чтобы никто не услышал, как я ругаю ужасные спортивные навыки моего друга, кроме него самого.

Он бросает мне мяч, и я не могу широко не улыбнуться его ответу.

— Просто кидай эту чертову штуку, ладно?

— Прекрасно, но я должен сказать тебе, ты выставляешь себя в плохом свете. Но, эй, никаких жалоб, потому что у меня все отлично получается, — поддразниваю я его, только чтобы получить еще один прямой средний палец, направленный мне в лицо.

Несмотря на то, что я бью его по яйцам, я считаю своим благословением то, что Логан так дерьмово играет в футбол. Иначе он бы понял, что я сейчас тоже не в лучшей форме. Я слишком отвлечен, глядя на нее.

Я никогда не видел никого настолько симпатичного. Конечно, сестры Логана милые, но эта новая девочка... в ней просто что-то есть. Она выглядит слишком экзотично, чтобы жить на нашей улице. Ей следовало бы жить в каком-нибудь заграничном раю вроде Бразилии или Фиджи, или в каком-нибудь не менее райском месте, а не здесь, в старом скучном Сан-Антонио, штат Техас.

У меня пересыхает во рту, когда она наконец видит нас, и от того, как она начинает слегка покусывать нижнюю губу, у меня внутри все становится липким и мягким. Одно это маленькое действие настолько меня загнипотизировало, что я даже не отдаю себе отчета в том, что делаю. Когда я понимаю, что мяч вылетел из моих рук и летит прямо в лицо Логану, я вздрагиваю от того, что сейчас произойдет. У меня даже не хватает времени предупредить его, прежде чем мяч попадает прямо в центр его лица, сбивая его с ног. Я немедленно подбегаю к своему лучшему другу, который сейчас лежит плашмя на траве, и поднимаю его за руку.

— У тебя это плохо получается.

— Разве я этого не знаю. — Смеется Логан. — Но, по крайней мере, я сохранил свою внешность, — добавляет он, потирая лоб, который, несомненно, должен адски болеть, судя по растущей на нем шишке.

— Должно быть, я довольно сильно ударил тебя, потому что ты несешь тарабарщину. Я симпатичней.

— Продолжай убеждать себя в этом, — насмехается он, выводя меня из себя.

Мы оба хохочем, как гиены, над нашим не слишком крутым казусом, когда нас

прерывает свисток. Мужчина, стоящий рядом с красотой, которой мы с Логаном были загипнотизированы, машет нам, подзывая к себе.

Хм.

Термин “незнакомая опасность” звучит у меня в голове, но мое подростковое либидо уже заставляет меня двигаться с молниеносной скоростью, переходя улицу с Логаном прямо рядом со мной. Как только мы добираемся до них, отец девочки предлагает нам работу, чтобы помочь им разгрузить коробки из грузовика. После некоторого спора с Логаном, он предлагает нам по десять долларов за хлопоты и пиццу. Вряд ли он знает, что мы с Логаном сделали бы эту работу бесплатно, если бы это означало возможность провести время с его дочерью.

Валентина.

Это ее имя.

Валентина.

То, как это слетает с моего языка, еще больше очаровывает меня ею. И, кстати, Логан краснеет всякий раз, когда произносит ее имя, он так же ошеломлен этим. Я все еще в оцепенении, когда Логан тащит меня прочь по ее подъездной дорожке, приказывая позвать Картера.

— Почему я? Почему бы тебе не сходить за ним? — Протестую я.

— Потому что я собираюсь остаться здесь и начать помогать.

Как будто есть большая вероятность, что я позволю этому случиться.

— Мы оба пойдем, — настаиваю я, скрещивая руки на груди, чтобы показать ему, что я не шучу.

— Просто сделай это, Куэйд.

— Нет. Ничего не произойдет. — Я качаю головой из стороны в сторону, приводя его в еще большую ярость. — Я не уйду отсюда, пока ты не пойдешь со мной.

Он бросает неловкую улыбку через плечо красавице с волосами цвета воронова крыла в нескольких футах позади нас.

— Мы всего на минутку, — говорит он ей, и я не могу сдержать самодовольную ухмылку, от того, что он так легко сдался. Я бы не стал.

— Хорошо. — Она пожимает плечами, ее брови сведены вместе в любопытстве.

— Мы слишком переживаем из-за этого, — говорит Логан сквозь стиснутые зубы.

— Давай, осел. Пойдем за Картером. — Хихикаю я, кладя руку на плечо Логана, чтобы он мог двигаться дальше.

Я поднимаю голову к окну спальни моего другого лучшего друга и вижу тень, скрывающуюся за его темной занавеской. Я уверен, что Картер видел, как его новая соседка подъехала к нашей улице раньше, чем кто-либо из нас. Удачливый ублюдок будет жить прямо по соседству с ней. Не теряя ни минуты, мы с Логаном взбегаем к его крыльцу, а ревущий телевизор внутри делает дверной звонок почти беззвучным. Обычно я самый нетерпеливый в нашем маленьком трио, но, судя по тому, как Логан яростно стучит в дверь Картера, он уверен, что мои дерганые манеры требуют своих денег.

— Просто дай ей немного времени, придурок. Бабушка Картера в инвалидном кресле, ты же знаешь, — делаю я выговор, закатывая глаза на него за его нетактичное поведение.

— Но Алекс и Картер нет, — огрызается он, не прекращая настойчивого стука.

— Алекс, несомненно, отсыпается после прошлой ночи, и ты знаешь, что Картер, вероятно, в своей комнате в наушниках.

— Неважно, — отрезает он, продолжая колотить в дверь.

Две минуты спустя седовласая полная женщина на своем надежном инвалидном кресле наконец открывает дверь, заставляя Логана издать преувеличенно облегченный выдох. Когда я был поменьше, бабушка Картера Перл казалась мне такой высокой в своем инвалидном кресле, но теперь мы с Логаном возвышаемся над ней ростом, и ей приходится полностью запрокидывать шею, чтобы посмотреть на нас. Особенно на меня, так как это было лето моего резкого роста. Мама Логана говорит, что я еще не закончил расти. Возможно, однажды я даже достигну роста моего отца в шесть футов два дюйма. Не то чтобы он когда-нибудь заметил.

— Доброе утро, мальчики. — Перл улыбается нам. — Если вы хотите увидеть Картера, он наверху, в своей комнате, — говорит Перл, уже возвращаясь в гостиную. — Продолжайте, но потише, потому что я смотрю свое шоу, — добавляет она, указывая на свою мыльную оперу на экране телевизора.

Забавно, что она просит нас вести себя тихо, когда громкость телевизора настолько велика, что вы можете услышать его снаружи. Тяжелый диабет Перл не только ухудшает ее подвижность, но и слух. Тем не менее, для женщины, которой почти семьдесят и со всеми ее недугами, у нее всегда улыбка на лице. Мне это в ней очень нравится.

Логан начинает взбегать по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, даже не позволяя мне подразнить бабушку Картера по поводу ее коварного романа по телеку. Кто знал, что симпатичная девочка может так вывести его из себя? Я бегу за ним, и, поскольку я быстрее, мы оба достигаем спальни Картера одновременно. Внутри в комнате так же темно, как и у него. Черные шторы, черное пуховое одеяло, все черное, весь он черный.

Я не понимаю привлекательности, но, думаю, мне пришлось бы пожить на месте Картера, чтобы понять его увлечение таким нездоровым цветом. Может, моя жизнь и не наполнена разноцветными радугами, но, по крайней мере, я все еще вижу в ней какой-то свет. Хотя я не думаю, что Картер видит. Возможно, когда-то в своей жизни он это делал, но определенно не сейчас. Нет с тех пор, как шесть лет назад умерли его мама и папа, и они с братом были вынуждены переехать к Перл, единственному оставшемуся у них члену семьи.

Это полный отстой.

Но я думаю, что это жизнь для вас. Вы никогда не слишком молоды, чтобы получить дерьмовую сделку. Родных Картера давно нет в живых, в то время как мои здоровы и дышат, и все же они так же присутствуют в моей жизни, как и Картера в его.

Мои родители настолько поглощены своим собственным дерьмом, что даже не замечают моего существования. Единственное, на что папа иногда находит время, это мои игры с мячом. Не все из них, заметьте, но достаточно, чтобы мне захотелось приложить все усилия, чтобы быть номером один на поле. Это единственный раз, когда я получаю его гордость и внимание. Он тоже тащит маму с собой, но я знаю, что она уступает только потому, что ей нравится общаться с другими мамами. Особенно если это означает, что она самая красивая из них. Ей, королеве конкурса красоты, нравится быть в центре внимания, куда бы она ни пошла. Даже если это фальшивые аплодисменты в честь сына, которого она никогда не хотела иметь. Я знаю, что единственным ребенком у нее был мальчик, и это было для нее разочарованием. Она не может нарядить меня или надеть на меня диадему, а после того, как я изуродовал ее тело, ее слова, не мои, она не хотела переживать еще одну беременность только для того, чтобы разочароваться в конечном результате. Опять же, ее слова, не мои.

Я думаю, это то, что есть.

Я не лгал ранее, когда говорил, что предпочитаю иметь таких сестер, как у Логана. Конечно, иногда они могут быть занозой, но, по крайней мере, они заботятся о нем. Я даже не уверен, что нравлюсь своим родителям, не говоря уже о том, чтобы любить меня.

Но могло быть и хуже.

Я мог бы быть Картером, у которого совсем нет родителей и бабушка, страдающая диабетом, нуждается в его помощи больше, чем она в состоянии ему предложить. Его старший брат учится в колледже и возвращается только на летние каникулы. Я не думаю, что у них вообще такая сильная связь, как у Логана с его сестрами. И если я действительно честен, я думаю, что единственные братья, которые у него действительно есть, это я и Логан. На этот счет я его прекрасно понимаю.

Они тоже единственная семья, которая у меня есть.

КАРТЕР

Я все еще стою у своего окна, когда Логан и Куэйд врываются в мою комнату. Хотя я слышал, как они поднимаются по лестнице, я не оборачиваюсь. Они подходят ближе ко мне, каждый стоит рядом со мной, любясь видом, которым я не мог насытиться.

— У вас есть имя? — Спрашиваю я, нарушая тишину.

— Валентина, — благоговейно шепчет Логан.

Валентина.

Ей подходит.

— Ее папа собирается купить нам пиццу и дает нам по десять долларов каждому, чтобы мы помогли им занести коробки в дом. Я сказал ему, что ты поможешь, — взволнованно объясняет Логан. Как щенок, который только что получил новую жевательную игрушку, мой друг не может дождаться, когда он вонзит свои зубы в эту новую игрушку.

— Я не очень хороший помощник, — отрезаю я, поворачиваясь спиной к красивому виду и ложусь плашмя на кровать, подложив руки под голову.

— Перестань быть мудаком, Картер, и спускайся вниз. Даже не пытайся скрыть, что тебе ни капельки не интересно познакомиться с Вэл.

Хм, Вэл. Так вот как он ее называет. Сам я предпочитаю Валентину.

— Да. Подними свою задницу, — подталкивает Куэйд, подталкивая мою ногу коленом.

— Слишком жарко для тяжелой работы.

— Я уже дал мистеру Росси слово, — настаивает Логан, бросая кинжалы в мою сторону.

— Ты дал свое слово. Не мое.

— Не будь мудаком и тащи свою задницу вниз.

— Мне и здесь хорошо, — я зеваю в ответ, беру телефон и притворяюсь, что просматриваю свои сообщения, изображая полное безразличие к его желаниям.

— Неважно. Я даже не знаю, зачем я пытался, — кипит Логан, прежде чем выйти из

моей комнаты и хлопнуть дверью с такой силой, что я удивляюсь, как он не сломал петли.

Ты пытался, потому что ты хороший парень, Логан.

Я отказываю вам, потому что я не такой.

— Подними свою задницу, чувак! Я знаю, что ты хочешь, так что даже не пытайся прикидываться крутым. Это дерьмо меня не устраивает, и ты это знаешь, — парирует Куэйд, и на его губах появляется легкая хмурость.

Я не удивлен, что Куэйд видит мою чушь насквозь. Он всегда видел. Я думаю, нужно жить с болью в сердце, чтобы увидеть это в другом человеке. Логан никогда не смог бы видеть меня так, как видит Куэйд. Но в то время, как Куэйд прячет свою боль за широкой улыбкой и игривой шуткой на губах, я ношу свою, как броню, твердую, темную и неподатливую.

— Я пойду и усмирю отвратительное настроение Логана, но я ожидаю увидеть тебя внизу в пять, или я вернусь сюда и сам вытащу тебя отсюда, — предупреждает он, угрожающе указывая на меня пальцем, направляясь вслед за Логаном. — И, ради всего Святого, проветри эту комнату. Здесь воняет так, словно кого-то вырвало.

Он не ошибается.

Прошлой ночью Алекс посетил мою комнату, говоря все ту же старую плаксивую чушь, как раз перед тем, как его вырвало прямо на мой ковер и он вырубился прямо на нем. Мне пришлось тащить его обратно в его комнату, так как его храп не давал мне сомкнуть глаз. Алекс становится сентиментальным, когда напивается. Рассказывая о том, что он должен быть мне лучшим братом, ведь мы есть только друг у друга. Дело в том, что в ту минуту, когда он протрезвеет, Алекс полностью забывает все свои пьяные обещания и просто делает свое дело в одиночку. Я уже привык к этому. Хотя я знаю, что Логан и Куэйд совсем на него не похожи, я всегда готов к тому, что они тоже меня бросят. Всегда держу их на расстоянии вытянутой руки.

Все уходят. Так зачем прилагать усилия, чтобы они остались?

Как только я слышу, как хлопает дверь, я встаю с кровати и снова подхожу к окну. Логан прав. Мне любопытно. Я смотрю, как она улыбается своему отцу, передавая ему какие-то коробки, и он дергает ее за конский хвост.

Она выглядит счастливой. Интересно, на что это похоже?

Когда Куэйд и Логан подходят к ней, ее улыбка становится еще шире, и боль в моей груди начинает колоть меня изнутри. Улыбнулась бы она так же, если бы я пришел помочь ей, или она подумала бы, что я просто еще один урод, и прогнала бы меня?

Я беру свою камеру и делаю ее снимок. Я увеличиваю изображение и вижу, что ее глаза такого цвета, которого я никогда раньше не видел, золотисто-карие с пыльно-зелеными вкраплениями.

— Черт, — ругаюсь я, когда проверяю изображение на своей камере.

Изображение слишком искажено, чтобы ясно видеть ее глаза. Я возвращаюсь и делаю еще несколько снимков, но все они получаются такими же мутными. Думаю, некоторые вещи просто необходимо разглядеть вблизи, независимо от того, насколько хороший у тебя объектив. Вопреки здравому смыслу, я натягиваю футболку и спускаюсь вниз.

— Картер, это ты? — спрашивает моя бабушка из гостиной.

— Это я, бабушка.

— Ты куда-то идешь? — спрашивает она в замешательстве, а почему бы и нет? Я не совсем из тех детей, которые встают с постели до полудня, и уж тем более неохотно выходят

на улицу раньше этого часа.

— Я просто собираюсь помочь ребятам кое с чем. Ты справишься без меня несколько часов?

— Со мной все будет в порядке. Если мне что-нибудь понадобится, я уверена, Алекс сможет это сделать. Он все еще в своей комнате, верно?

— Да. Но у меня с собой мобильный, так что просто позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо? — Вместо объяснения я говорю ей, что ее старший внук, несомненно, проспит до заката и не пошевелит ни единым мускулом, чтобы помочь ей.

— Ладно, мой мальчик. Веселись.

Я не отвечаю и выхожу за дверь. Утреннее солнце бьет по моей светлой коже и глазам, заставляя меня надеть бейсболку, чтобы прикрыться. Расстояние между моей подъездной дорожкой и дорогой Валентины составляет ровно двадцать три шага.

— Рад видеть, что ты добрался, — приветствует Куэйд со всезнающей ухмылкой, как будто он был уверен, что я так или иначе появлюсь.

Для начинающего спортсмена он, несомненно, проницателен, когда хочет. Логан обычно является мозгом в нашем трио, но иногда его горячая голова мешает. Куэйд, с другой стороны, знает каждого из нас наизусть, дергая за точные ниточки, чтобы добиться своего. Не то чтобы меня нужно было сильно убеждать.

Я преодолеваю пропасть между нами, Куэйд толкает меня в плечо, чтобы показать свое одобрение. На лице Логана по-прежнему хмурое выражение, но он никогда не был тем, кто долго держит обиду. Как раз в этот момент, когда я собираюсь что-то сказать, Валентина выходит из своего дома и останавливается прямо посреди крыльца, глядя на нас троих.

Вот и все.

Вот сейчас она будет разочарована, увидев меня здесь.

Я готов к ее презрению и незаинтересованности, но вместо этого то, что я получаю, сбивает мой мир со своей оси.

Та же сияющая улыбка, которую я видел из окна своей спальни, та, что была адресована моим лучшим друзьям всего несколько минут назад, теперь ярко сияет мне. Это даже более величественно, чем на любом из снимков, которые мне удалось запечатлеть

— Ты, должно быть, Картер, — она поет песни, ее голос, богатая мелодия, которую я никогда не смогу запечатлеть своей камерой.

— Валентина.

Она откидывает выбившуюся прядь черных волос со своего лица в форме сердца, и в моем воображении я беру каждый стоп-кадр и помещаю его в рамку у себя на стене. Всего за несколько секунд в ее присутствии Валентина Росси воплотила в себе все музы и вдохновения, которые у меня когда-либо могли быть.

Она будет моей Эди Седжвик для моего Уорхола.

Моя Мэрилин Монро.

Моя Елена Троянская.

Лицо Валентины достойно того, чтобы спустить на воду тысячу кораблей и развязать войну, чтобы удержать ее.

И когда я смотрю на выражения лиц моих лучших друзей, я задаюсь вопросом, переживет ли наша дружба предстоящую битву.

ГЛАВА 3

СЕЙЧАС ЛОГАН

— Джейк, дружище. Сейдж Инкорпорейтед сейчас в моде. Я советую всем своим клиентам покупать. — Мой голос такой фальшивый, что я съеживаюсь на своем месте. Передо мной пять экранов, на каждом из которых либо разные каналы финансовых новостей, либо прокручивающиеся по экранам строки о разных акциях.

— Сейдж Инкорпорейтед? — Джейк Макалистер повторяет в ответ. По его тону я могу сказать, что он никогда не слышал об этой компании. Но именно за это они платят мне большие деньги здесь, в Инвестиции Чандлера. Я не зря стал партнером за пять лет.

Жаль, что я чертовски ненавижу эту работу.

Пять минут спустя Макалистер дал мне добро на покупку акций Сейдж стоимостью в полмиллиона, и я вешаю трубку, откидываясь на спинку стула. Можно подумать, что я только что пробежал марафон, учитывая, насколько чертовски измотанным я чувствую себя после простого телефонного звонка.

Я выглядываю на улицу, думая, может быть, я смогу прогуляться, чтобы прояснить голову. Я удивлен, увидев, что снаружи, похоже, муссон. Я даже не заметил, что становится облачно.

Думаю, я могу спуститься в кафе.

Черт, это не вариант. Мариса может быть там, внизу. Я совершил ошибку, переспав с маленькой блондинкой после того, как она несколько месяцев преследовала мой член так, словно он был последним на Земле. Просто урок, что вы не должны гадить там, где вы работаете. Я не звонил ей после нашей совместной ночи, и, судя по взглядам, которые она бросает на меня каждый раз, когда я ее вижу, для нее не составит труда отравить мой кофе.

Это полный отстой.

Раздается стук в мою дверь.

— Войдите, — кричу я, выпрямляясь в кресле на случай, если это один из моих коллег-партнеров.

Я откидываюсь назад, когда Таня, моя секретарша, заглядывает в кабинет. Таня, одно из лучших решений, которые я принял в этой фирме. В ее пятьдесят с небольшим мне никогда не приходилось беспокоиться о том, что она попытается залезть ко мне в штаны. Она относится к своей работе так же серьезно, как и я, и это одна из причин, по которой я нахожусь в этом месте. Я забочусь о том, чтобы ее рождественская премия каждый год показывала, как сильно я ее ценю.

— Что будешь на обед? — спрашивает она, как умеющая читать мысли, которой она и является. Она входит и вручает мне стопку писем. Я случайно бросаю взгляд на верхний конверт, когда беру его у нее, и мое сердце замирает. Как будто из комнаты высосали весь кислород, и весь мой мир сосредоточился на изящных буквах на этом письме. — Сэндвич, — слышу я еле слышно, и я выдергиваю себя из прошлого обратно в настоящее, где Таня, очевидно, только что спросила меня о чем-то.

Она странно смотрит на меня, и мне интересно, что она видит прямо сейчас. Я начал потеть, и у меня такое чувство, что у меня вот-вот случится сердечный приступ.

— Логан? — спрашивает она, и на этот раз ее голос звучит обеспокоенно.

— Да? — спрашиваю я, слыша, как высоко звучит мой голос.

— Все в порядке? Я спросила, не хочешь ли ты свой обычный сэндвич из гастронома дальше по улице.

— Эм, да. Все в порядке, — отвечаю я, прочищая горло и пытаюсь восстановить самообладание.

— Будешь сэндвич? — Нажимает она, все еще глядя на меня так, как будто я сошел с ума.

— Нет. Я думаю, что на самом деле собираюсь прогуляться сам. — Я встаю из-за своего стола.

Таня многозначительно смотрит на улицу, где льет как из ведра.

— Сейчас?

Я одариваю ее своей фирменной улыбкой, которая, как было доказано, заставляет дам падать в обморок повсюду. Похоже, это на нее не влияет.

— Небольшой дождь еще никому не повредил, — отвечаю я, хватая письмо из стопки.

Ее взгляд отслеживает мои движения, но она ничего не говорит. Просто еще одна причина, по которой я люблю эту женщину.

— Я скоро вернусь. Или, вообще-то, я мог бы поработать дома до конца дня, — говорю я ей, бросая ноутбук в портфель вместе с письмом.

С чего бы ей писать мне?

Слова путаются в моей голове снова и снова. Мое сердце продолжает бесконтрольно биться, а зрение кажется немного затуманенным.

Возможно, у меня сердечный приступ. Но, может быть, именно это и происходит, когда бывшая любовь всей твоей жизни пишет тебе гребаное письмо спустя десять лет.

— Я отменю твою встречу с мистером Джеймсом, — комментирует она, когда я торопливо прохожу мимо нее. Я резко останавливаюсь, разочарованный стон вырывается из моего рта. Я на мгновение заколебался. Карлайл Джеймс — один из крупнейших клиентов фирмы. Мне удалось заполучить его год назад после трех лет усилий. Одна из причин, по которой я ему так нравлюсь, заключается в том, что я всегда доступен, в отличие от некоторых других партнеров в фирме, у которых на самом деле есть жизнь вне работы и которые трахаются со случайными женщинами.

К черту.

— Скажи ему, что я болен, — бросаю я через плечо, прежде чем поспешно выйти из комнаты.

Я едва осознаю свои шаги, когда прохожу через офис, захожу в лифты, а затем спускаюсь на пятьдесят этажей в вестибюль здания. Все, о чем я могу думать, это то письмо. Меня так и подмывает вытащить его и вскрыть прямо сейчас, но если у меня такая

сумасшедшая реакция только от того, что я вижу, как она пишет мое имя и адрес офиса, то какой будет моя реакция, когда я прочитаю содержимое?

Ее лицо всплывает в моем сознании. Ей было восемнадцать, когда я видел ее в последний раз. Все еще молодая девушка во всех отношениях. Как она выглядит сейчас? Замужем ли она? Есть ли у нее дети?

От одной мысли об этих двух вещах мне хочется вырвать, пробить дыру в стене... кричать.

— Логан, — раздается голос, и я съеживаюсь. Это Мариса.

Я поворачиваюсь и смотрю на дерзкую маленькую блондинку, спешащую ко мне. Я был поглощен тем, чтобы трахнуть ее той ночью...на самом деле, несколько раз. Но сейчас, глядя на нее, я не уверен, о чем я думал. Как я вообще мог хотеть блондинку, когда мне нравятся волосы настолько темные, что они чернее ночи? Как я вообще мог целовать ее тонкие губы, когда мне хотелось пухлые?

Глядя на нее сверху вниз, я впервые за много лет вспомнил, что каждая женщина, с которой я спал за последние десять лет, была пустой заменой девушки, которую невозможно было заменить.

Блядь.

— Не сейчас, — резко говорю я ей и быстро ухожу. Ее быстрый выдох позади меня, это все, что мне нужно услышать, чтобы представить уничтожающий взгляд на ее лице, вызванный моими постоянными отказами от ее домогательств. Но, как и на всех остальных, мне было наплевать.

И все они могли бы обвинить в этом ее, Валентину Росси. Девушку, которая разрушила мою душу.

Прогулка до моей квартиры выбивает меня из колеи. Оказавшись внутри, я сбрасываю обувь и вырываю письмо из промокшего портфеля, даже не заботясь о воде, которая капает с меня на безупречно чистый кафельный пол. Я подхожу к своему черному кожаному дивану и опускаюсь на него, мои руки дрожат, когда они вскрывают письмо.

Дорогой Логан...

Я просматриваю письмо, не совсем веря в то, что читаю. Как она смеет? Как она смеет думать, что после всех этих лет после того, как она ушла так внезапно, я просто захочу бросить все и броситься к ней?

Я перечитываю письмо снова и снова. Ее объяснение о том, что она хочет провести время с людьми, которые для нее важнее всего, заставляет меня гореть изнутри. Был ли я важен для нее, когда она бесследно исчезла? Грубо говоря, Валентина погубила меня. Она забрала мое сердце и мою душу, превратила их в то, что жило и дышало только для нее. А затем разорвала и то, и другое на куски.

С тех пор я не был прежним.

Наконец я бросаю письмо на кофейный столик и подхожу к своим окнам от пола до потолка, из которых открывается вид на все еще бушующий горизонт Нью-Йорка. Этот пентхаус был очень дорогим. Это было первое, что я купил, когда начал зарабатывать реальные деньги, и мне интересно, сделал ли я это, чтобы что-то доказать самому себе. Например, может быть, если бы я чего-то добился сам, это восполнило бы то, чего мне не хватало, что привело к тому, что она ушла от меня.

Я рассеянно потираю грудь, продолжая смотреть на дождь, яростно барабанивший по небоскрегам. Замирая, когда я понимаю, что я чувствую, я закрываю глаза, позволяя боли захлестнуть меня. Я потратил последние десять лет, делая все возможное, чтобы заблокировать все, ничего не чувствовать. И теперь я вспоминаю почему. Чувствуя, блядь, снова все.

Я подхожу к своему бару и быстро наливаю себе порцию бурбона, опрокидываю ее и наслаждаюсь обжигающим вкусом. А потом я наливаю себе еще. И еще. И еще. Пока я больше не вижу ее глаза, не вспомню, каковы на вкус ее губы, не слышу ее голоса.

Через некоторое время все становится немым. Как мне и нравится.

Когда я просыпаюсь, у меня такое ощущение, что внутри моего черепа бьют кувалдой по мозгам. Я сплываю и морщусь от противного привкуса во рту. Какой сегодня день? Что я делал прошлой ночью? Это занимает у меня минуту. Пустая бутылка Blade and Boy Kentucky Straight на кровати рядом со мной на минуту выводит меня из себя. И тут я вижу смятый листок бумаги на подушке рядом со мной, и все возвращается на круги своя.

Конечно, именно тогда мое тело решает взбунтоваться, и я ловлю себя на том, что бегу в ванную, чтобы блевать в раковину, поскольку не могу вовремя добраться до туалета. Мой мобильный телефон выбирает именно этот момент, чтобы завибрировать, и быстрый взгляд на часы на стене в ванной показывает мне, что я пропустил свою первую встречу за день.

Я смотрю на себя в зеркало, и мне ненавистно то, что я вижу. Мои глаза...они выглядят мертвыми. Пустыми. Опустошенными. Я понятия не имею, кто я и что я делаю. Прямо в этот момент я решаю, что больше так жить не могу. Если у меня может быть один шанс снова почувствовать, я хочу им воспользоваться. Это глупое решение, возможно, худшее в моей жизни. Но я знаю, что, если я останусь в своей нынешней жизни еще на секунду, внутри меня не будет ничего, что можно было бы исправить.

Я буду безжизненным мудаком.

Смыв свою блевотину в раковину, уборщицы позже возненавидят меня, я направляюсь в свою спальню и беру свой мобильный телефон. У меня пять пропущенных звонков от разных людей на работе, без сомнения, встревоженных тем, что я отсутствую сегодня утром. Я набираю номер главного партнера фирмы и делаю глубокий вдох, готовясь к тому, что собираюсь сделать.

— Кларк, я беру трехмесячный творческий отпуск... Начинаю немедленно.

Валентина, я иду за тобой, детка. Надеюсь, ты готова.

КУЭЙД

Еще почти утро, и все, о чем я могу думать, это о том, как скоро я смогу взять в руки стакан водки. Мой агент, Томми, продолжает болтать о каком-то месте диктора в колледже, на которое я претендую, благодаря ему. Все, что он говорит, влетает в одно ухо и вылетает из другого.

Я не знаю, почему он все еще пытается. Когда-то я был его крупнейшим клиентом, но прошлогодняя травма шеи привела к тому, что я пропустил прошлый сезон. Врачи сказали мне, что я смогу играть в следующем сезоне, но я знаю, что я тень того, кем я был раньше. И тот факт, что новичок команды провел рекордно успешный сезон в прошлом году на моем месте, это просто еще один гвоздь в крышку гроба. Куэйд Джексон, квотербек, выигравший Суперкубок за Даллас Ковбойз... теперь игрок скамейки запасных.

Теперь я могу видеть только заголовки.

Я делаю глубокий вдох и замечаю, что мои руки на коленях слегка дрожат. Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз пил?

— Куэйд, ты меня слушаешь? — Раздраженно спрашивает Томми.

— Конечно, Томми. Ты хочешь, чтобы я был диктором на самом отстойном канале в колледже. Вероятно, есть пять человек, которые даже следят за этими командами. На самом деле, пять, вероятно, щедро. Действительно звучит как мечта, приятель. Ты действительно справился со своей задачей. — Говорю я ему с сарказмом.

У Томми такой вид, будто он хочет ударить меня по лицу, и я его не виню. Я был первоклассным мудаком с тех пор, как тот конь-полузащитник из аутсайда надел на меня ошейник и разрушил мою жизнь, сломав три диска у меня в шее. Но к черту все, я заслуживаю быть несчастным прямо сейчас.

Моя жизнь, блядь, кончена.

Томми делает глубокий вдох, я уверен, пытаюсь контролировать свои низменные побуждения.

— Куэйд, — говорит он раздражающе терпеливым голосом. — Если ты не хочешь играть в этом сезоне, тебе нужны варианты.

— Я стою сто пятьдесят миллионов, братан. Не думаю, что мне действительно нужны опции, — растягиваю я.

— Я не думаю, что упиться до смерти хороший план для выхода на пенсию, — огрызается Томми, вставая и хватая свою папку с кухонного стола. — Но, конечно, ты тупой идиот. Попробуй.

Он вылетает из комнаты, и я слышу, как через минуту захлопывается входная дверь. Дом наполнен одинокой тишиной. И я ненавижу это. Так чертовски сильно.

Я кладу голову на руки и рычу.

Я смотрю время на телефоне, сейчас десять двадцать. Десять двадцать, это практически полдень, верно? И люди все время пьют за ланчем. Это не делает меня алкоголиком. Если время от времени выпивать, это то, что мне нужно, чтобы пережить трудные времена, в этом нет ничего страшного. Люди делают это постоянно.

Слова звучат глупо, даже в моей голове.

Но знание этого не мешает мне направиться к холодильнику и достать бутылку Grey Goose. Я достаю стакан из шкафчика и наливаю в него немного, прежде чем наполнить его до краев. Сегодня пятница, и впереди у меня выходные. Не то чтобы выходные действительно много значили для меня в данный момент. Когда-то это означало, что мы с моими товарищами по команде либо готовились к воскресной игре, если это был сезон, либо готовились где-нибудь повеселиться, если это было не так.

Я просыпаюсь несколько часов спустя оттого, что вырубился на диване. Комната тускло освещена, а это значит, что я буквально проспал весь день. Я на мгновение задумываюсь о приеме физиотерапевта, который я должен был посетить в час, а затем пожимаю плечами и

снова закрываю глаза.

Кого, блядь, это волнует?

Непрощенные образы всплывают в моей голове. Образы, которые я изо всех сил старался забыть, о том времени, когда у меня было два лучших друга, которые сделали бы для меня все.

Все, что угодно, кроме отдать мне девушку.

После этого мои мысли становятся мрачными. Точно так же, как они всегда делают, когда меня поражает это воспоминание. Оно даже разделено в моем сознании. Время до того, как я думаю об этом, почти приобретает золотистый оттенок, а время после совершенно темное. Иногда я задаюсь вопросом, могли бы мы что-нибудь придумать. Если сказать “нет” стоило потерять любовь всей моей жизни, но я только что получил стипендию, чтобы играть в футбол в Алабаме. Вся страна смотрела, как я выходил на большую сцену. Я никогда не смог бы объяснить тот факт, что моя девушка была также с моими лучшими друзьями.

Всего на мгновение я позволил себе представить, каково было бы учиться в колледже и первые годы в НФЛ с тремя людьми, которым я доверил свою жизнь. Худший вид высасывающих душу пиявок окружал меня в течение десяти лет, и теперь, когда я достиг дна, как вы думаете, где были все те люди, которые не могли насытиться мной?

Конечно, не здесь прямо сейчас.

Я не утруждаю себя проверкой своего телефона. Кроме, скорее всего, пропущенного звонка от моего агента, больше ничего не будет. Я сажусь, наклоняюсь и сжимаю свои волосы, потянув за них так сильно, что удивляюсь, как я их не выдернул.

Когда жизнь стала такой хреновой?

Когда-то у меня было все.

Вы могли бы подумать, что с этим утверждением я говорил о том времени, когда меня задрафтовали вторым номером в первом раунде драфта НФЛ, или когда я выиграл национальный чемпионат колледжа... или, может быть, когда я выиграл Суперкубок.

Нет.

Наличие всего этого в тот момент означало, что рядом со мной были три человека, которые сделали бы для меня все. Это двое парней, которые знали все худшие стороны меня, и все равно решили быть моими лучшими друзьями, и девочка-подросток с глазами, в которых можно было потеряться, с кожей цвета карамели и со смехом, который напоминал мне о свободе.

Сидя здесь на диване в халате, немного пьяный, я начинаю тосковать по ним. Сидя здесь в полном одиночестве, я мечтаю обменять все трофеи в моем доме на еще один прекрасный день с ними тремя. Один из трофеев в данный момент стоял на кофейном столике передо мной, издеваясь надо мной.

Во внезапном порыве я хватаю его и швыряю в стену, отламывая огромный кусок от стены, отламывая часть моего кубка национального чемпионата колледжа и сбивая стеклянную статуэтку с полки, отчего она разлетается по всему полу.

Блядь.

Я как раз собирался встать и взять вторую бутылку водки из морозилки, когда в дверь позвонили один раз, прежде чем я услышал, как поворачивается ключ в замке входной двери. Черт. Это моя помощница Эдди. Моя помощница, с которой я время от времени спал с тех пор, как получил травму. Я худший из людей, раз использую ее таким образом. У нее

сердечки в глазах, белые заборы из шпакетника и двое детей в придачу.

Все, что я вижу в ней, это способ забыться на полсекунды.

— Я здесь, — зовет она. Я встаю с дивана, провожу рукой по волосам, хотя на самом деле нет способа скрыть тот факт, что я выпил полбутылки водки и весь день отсыпался.

— И я принесла твою почту, — поет она, размахивая стопкой конвертов, когда входит в комнату.

Эдди была рыжеволосой, милой, отважной и отличной помощницей. Вероятно, потому, что она была влюблена в меня. К сожалению для нее, это чувство не было взаимным. Эдди была влюблена в меня с тех пор, как я нанял ее, и я сделал все возможное, чтобы все между нами было профессионально.

А потом случилась травма, и вся моя жизнь развалилась. И она была рядом. И я, вероятно, отправлюсь в ад.

Ее улыбка исчезает, когда она внимательно смотрит на меня. Я почти уверен, что халат, который на мне надет, со времен колледжа и знавал лучшие дни, и я определенно не брился несколько дней... на самом деле, даже недель.

— Продуктивный день? — С сочувствием спрашивает она, приходя в себя после того, как увидела, с каким бездомным видом я раскачиваюсь, и подходит ко мне с почтой.

Я иду за стопкой, но у нее другие идеи. Она кладет руку мне на грудь и встает на цыпочки, чтобы поцеловать меня. Я не могу полностью скрыть свою дрожь, и моя душа съезживается немного больше, когда я вижу разочарование в ее глазах от моей реакции.

— Сегодня все как обычно, за исключением того, что ты получил письмо от кого-то по имени Валентина? Она, наверное, фанатка, и мне следовало открыть его, чтобы просмотреть фотографии обнаженной натуры или что-то в этом роде, но я решила, что тебе не повредит посмотреть несколько старых добрых снимков обнаженной натуры, — объявляет она со смешком.

Но я едва слышу ее.

Все остальное исчезло, как только я услышал имя Валентина.

Я выхватываю конверт из ее рук, все мое тело дрожит, как только я вижу идеальный, красивый почерк.

Спустя столько времени? Почему я получаю известие от нее?

Что, если она слышала о моей травме и это что-то вроде письма с соболезнованиями? Я думаю, это убьет все, что осталось во мне, если это то, что я получу от нее после всех этих лет молчания.

— Куэйд? — Обеспокоенно спрашивает Эдди.

Мой взгляд неохотно отрывается от конверта. По какой-то причине я потрясен, все еще видя ее стоящей там. Такое чувство, что с того момента, как я держал письмо в руках, прошли годы.

— Ты в порядке? — Мягко спрашивает она, протягивая ко мне руку. Я вздрагиваю, когда она касается моей руки. Как так получается, что при одном взгляде на почерк Валентины мысль о прикосновении любой другой женщины вызывает отвращение? Она не должна все еще иметь надо мной такую власть спустя десять лет после того, как я в последний раз видел ее лицо.

— Я думаю, мне нужно побыть одному, — говорю я ей, пытаюсь быть нежным в своем тоне, но вместо этого получаюсь резким. Ее глаза мгновенно расширяются от боли.

— Я просто подумала, что ты, возможно, захочешь потусоваться, — мягко говорит она

мне. Она пытается скрыть боль в глазах, но у нее это с треском проваливается. Я с самого начала сказал ей, что это никуда не приведет, и она сказала, что предпочла бы иметь со мной что-то, чем вообще ничего.

Думаю, теперь она собирается испытать, что на самом деле означает “никуда не приведет”.

— Да, извини. Кое-что случилось. — Говорю я ей неубедительно. Моя кожа зудит, как будто прямо под кожей горит огонь. Если я не открою это письмо в следующую минуту, я могу вспылить.

По крайней мере, так это выглядит.

— Прошла неделя. Я что-то сделала? — Продолжает она.

Черт. Вот почему переписываться со своим помощником, изначально плохая идея, дамы и господа.

— Увидимся позже, хорошо? — Говорю я ей, выходя из комнаты. Надеюсь, мой уход даст ей подсказку.

Я добираюсь до своей спальни, лишь смутно осознавая, что дверь захлопывается несколько секунд спустя. Вероятно, мне придется найти нового помощника, но в данный момент это лишь отдаленная мысль, поскольку мой взгляд продолжает пожирать ее элегантный сценарий. Внезапно я снова понимаю, что я все еще в халате. Мне кажется неправильным открывать письмо от Валентины в моем гребаном халате, но я не совсем уверен, почему.

Может быть, это потому, что мне было бы неловко, если бы она увидела, кем я стал.

Моя голова склоняется над письмом, и из моей груди вырывается хрипкое рыдание. Черт возьми, мне нужно наладить свою жизнь. Сделав глубокий вдох, я осторожно вскрываю письмо. Когда я читаю, мои глаза расширяются, а сердце начинает учащенно биться.

У меня странное чувство в груди. Это почти похоже на надежду. То, чего у меня не было очень долгое время. Есть миллион причин, по которым я должен забыть это письмо. Миллион причин, по которым я должен разорвать его и забыть, что Валентина когда-либо существовала.

Но я не могу этого сделать.

Я внезапно чувствую, как меня переполняет энергия. Каким-то образом вселенная решила, что у меня будет шанс встретиться с единственной девушкой, которую я никогда не смогу забыть.

На этот раз, Вэл, ты будешь моей.

КАРТЕР

Это место гребаный ад. И я не преувеличиваю, когда говорю это. Три недели подряд было более ста десяти градусов, а в воздухе столько грязи и песка, что я уже не уверен, какого цвета моя кожа на самом деле. Я никогда не могу принять душ настолько, чтобы привести себя полностью в порядок.

Сержант Теннисон глубоко затягивается сигаретой, пристально глядя в горизонт в поисках чего-нибудь неладного. 46-й пехотный полк потерял шесть человек при взрыве на прошлой неделе, и все на взводе, включая меня, военного-фотографа, присланного запечатлеть реалии войны для Таймс.

За последние пять лет я сделал карьеру, путешествуя по худшим местам на Земле, но это, возможно, лучший вариант. Когда я вернусь домой через неделю, мне нужно просмотреть задания с военачальниками, расположенными в джунглях, потому что я решил, что чертовски ненавижу пустыню. Более подходящим описанием может быть “Полное отвращение”.

Я плюю, пытаюсь смыть грязь со своих гребаных зубов, но это не работает.

— К грязи привыкаешь, — мягко комментирует сержант, его взгляд по-прежнему прикован к пейзажу перед нами, как будто он ожидает, что вражеский танк в любой момент ворвется в главные ворота нашего лагеря.

— Это то, что вы все продолжаете говорить, — отвечаю я, отказываясь от вытирания грязи изо рта и принимаясь за чистку объектива на моей камере. Содержать оборудование камеры в чистоте в этой дерьмовой дыре, настоящее испытание, вот что я могу вам сказать.

Еще одна причина, по которой задание в джунглях звучит заманчиво, даже если это означает угрозу отравленных дротиков. Конечно, это было бы хорошим перерывом от пуль.

— Шесть недель, — тихо говорит он.

Я отрываюсь от своей задачи.

— Шесть недель? Я думал, у тебя еще есть пять месяцев здесь?

— У нас есть. Я просто подумал, что прошло шесть недель с тех пор, как я получал известия от моей девушки. Я продолжаю надеяться, что почта уже пришла. Но раньше я получал от нее письма каждые две недели, как по часам, — говорит он мне. Именно тогда я чувствую желание сфотографировать его. На его лице отражается боль.

Такие лица, ради запечатления которых я живу.

— Почта, наверное, уже отстает, — говорю я ему, потому что мне кажется, что так нужно сказать, а не потому, что я верю, что это правда.

— Нет, — тихо отвечает он. — Я уверен, что это все.

Он прочищает горло, потому что солдатам не положено плакать, и эмоции в его голосе слишком близки к слезам.

— У тебя дома есть девушка? Я уверен, что дамы выстраиваются в очередь к крутому фотографу.

Я со смехом качаю головой, хотя он не смотрит на меня, чтобы увидеть движение.

— Не-а. Я больше из тех, кто трахает их и оставляет, — говорю я ему. Пара сверкающих золотых глаз на мгновение заполняет мою голову, но я прогоняю этот образ так быстро, как только могу. Ему не нужно знать о девушке, которая сделала меня таким, какой я есть.

— Ты когда-нибудь мечтал остепениться? — В его вопросе есть нотка тоски, и снова у меня руки болят от желания запечатлеть его своим объективом.

Но даже я знаю грань, за которой мысли человека не должны быть раскрыты всему миру, и этот момент настал.

— Не-а, — говорю я ему, убирая волосы с лица. Черт возьми, здесь жарко. — Кроме того, я многого прошу, ожидая, что женщина будет мириться с моим образом жизни.

Он хмыкает, и я морщусь. Это как-то отстойно, говорить такое мужчине, который беспокоится, что его женщина с кем-то другим.

— Я отправился в этот тур ради нее, — тихо говорит он. — Предполагалось, что это поможет нам заработать немного денег, чтобы мы могли пожениться. Семь месяцев не кажутся такими уж долгими, когда ты говоришь о вечности.

Из моего рта вырывается резкое фырканье.

— Женщины непостоянны, чувак, — говорю я ему с горечью.

Он, наконец, отрывает взгляд от бесконечной пустыни и смотрит в мою сторону.

— Ты уверен, что твоя неспособность к постоянным отношениям не имеет отношение к какой-либо девушке? — спрашивает он, прежде чем возобновить наблюдение.

Золотые глаза, которые наверняка заставляют богов плакать, вспыхивают в моем сознании. У меня дома в ящике стола в моей квартире хранится миллион фотографий этих глаз. Раньше они были моей навязчивой идеей. Моим всем. Теперь я вижу, насколько близко я могу подойти к тому, чтобы взорваться, не умирая на самом деле.

Вероятно, мне бы не помешал психиатр.

Я не говорил о ней годами не после того, как ее исчезновение также означало потерю двух единственных парней, которым я когда-либо доверял в мире. Но здесь легче говорить о прошлом.

— Была одна девушка. Я бы сделал для нее все. Мы были влюблены друг в друга с детства. Она выглядела как ангел... или, может быть, ангел падшей разновидности. Даже будучи подростком, я знал, что такой, как она, больше нет.

— Что с ней случилось?

Горький смех снова вырывается у меня.

— Предположительно, она была влюблена в меня... вместе с двумя моими лучшими друзьями. — Я вздыхаю, от воспоминаний у меня болит в груди при одной мысли об этом. — Это был первый раз, когда я когда-либо был влюблен, и, вероятно, это будет единственный раз, когда я буду влюблен.

— Она сбежала с одним из твоих друзей? — спрашивает он, вытирая вспотевший лоб.

— Я думаю, так было бы лучше. По крайней мере, так я бы хоть немного успокоился. Вместо этого она исчезла. Оставила нас всех позади. Если честно, это чуть не уничтожило меня, — признаюсь я, поднимая камеру, чтобы сфотографировать пыль, летящую по ветру вокруг солдата в нескольких ярдах ниже.

— Черт, — тихо ругается он. Затем смеется. — Знаешь, в этом больше эмоций и слов, чем, я думаю, ты сказал за все время, что ты здесь?

Я закатываю глаза, но не могу сдержать усмешку. Меня много раз в жизни называли капризным ублюдком, так что он не говорит ничего нового. Я предпочитаю смотреть на мир через свой объектив, а не на самом деле взаимодействовать с ним. Так было всегда... за исключением нее. С ней я предпочитал воспринимать жизнь как можно ближе.

Он открывает рот, чтобы сказать что-то еще, когда небо внезапно взрывается огненным шаром.

— Пригнись, — кричит он, поднимая пистолет, чтобы стрелять по фигурам, несущимся к лагерю.

Я падаю на землю, но пытаюсь запечатлеть происходящее. Это то, ради чего живут военные фотографы.

Крики и свист пуль наполняют воздух. Если на Земле и есть ад, то это в этот момент. Воздух настолько задымлен остатками артиллерийских снарядов, что ничего невозможно разглядеть. Я никогда не забуду тишину, которая окружает меня несколько

минут спустя. Из-за темного дыма и отсутствия криков я как будто последний человек на земле.

Когда дым рассеивается, земля усеяна телами. Слишком много наших, и сержант Теннисон один из них. Он лежит на земле с пустым взглядом, как будто все еще следит за горизонтом. Из-под его руки выглядывает что-то белое. Я присаживаюсь на корточки и тяну, очевидно, не имея никаких границ. Это фотография золотоволосой девушки с грустными серыми глазами. Интересно, знает ли она, как много значила для него, когда она отправляла ему письма, и как много эти письма значили для него.

Я вкладываю снимок обратно в его руку и поднимаю фотоаппарат. Я фотографирую только его руку, сжимающую это фото, все время чувствуя себя убудком. Это снимок, который мог бы принести мне Пулитцеровскую премию, но я чувствую пустоту и грязь внутри, когда делаю его.

— Картер, нам нужно выбираться отсюда, — говорит другой солдат, подбегая ко мне. Он смотрит на тело у моих ног и морщится.

— Кто позаботится о телах? — Спрашиваю я, не в силах отвести глаз от руки, сжимающей фотографию. В этот момент я чувствую отчаяние, отчаянное желание, чтобы в моей жизни был кто-то, о ком я забочусь так же сильно, как он заботился о ней.

Плакал бы кто-нибудь обо мне, если бы одно из этих заданий на самом деле стало для меня концом? Это могло бы быть так. Изрешеченные пулями тела вокруг меня тому подтверждение.

Каково было бы, если бы кто-то плакал по мне?

— Картер! — Резко повторяет солдат, и я вытряхиваю себя из задумчивости, пытаюсь уверенно идти за ним, даже несмотря на то, что адреналин, струящийся по моим конечностям, делает мои ноги похожими на желе.

Пришло время выбираться из этой адской дыры.

— Эта фотография сделает твою карьеру, Картер, — говорит Уоллес, внимательно рассматривая фотографию. — Этим ты действительно войдешь в историю.

Я рассеянно киваю, оглядывая переполненный офис. Я вернулся в Нью-Йорк, и это так далеко от смерти и смертельной красоты песчаных дюн, что все, через что я только что прошел, кажется сном. Я пришел к пониманию, что так происходит со всеми моими заданиями. Все они, всего лишь краткие всплески во времени, ужас стирается из моей памяти так же быстро, как приходит следующее задание.

Обычно я отчаянно пытаюсь приступить к следующему заданию именно по этой причине, мне нужно избавиться от того ужаса, который произошел. Но мне кажется неправильным забывать об этом прямо сейчас. Я знал, что пожалею о том, что сфотографировал его с фотографией в руках. Это преследует меня в снах, и теперь, когда мой босс увидел это, я никогда не смогу избежать этого.

Мне нужно убираться отсюда нахуй.

— Я собираюсь взять выходной до конца дня, — говорю я ему. Он отмахивается от меня, не отрывая глаз от картинки. Я уверен, что, если бы он посмотрел на меня, я бы увидел знаки доллара в его глазах.

Я ни с кем не разговариваю, когда выхожу из офиса. Я никогда не был известен как особо общительный парень, но я уверен, что прямо сейчас я довольно сильно демонстрирую атмосферу — “отвалите”, потому что никто из моих коллег даже не смотрит мне в глаза.

Тот факт, что в воздухе ощущается прохлада, кажется мне странным после недель, когда температура была близка к ста двадцати градусам. Сегодня, выходя из квартиры, я не надел пальто и, быстро пробираясь сквозь толпы людей, засовываю руки в карманы, пытаюсь защититься от холода. Я ненавижу толпы. На данный момент я даже не помню, как я оказался в Нью-Йорке, за исключением того, что это было так чертовски далеко, как я думал, от моего детства в Техасе и воспоминаний о ней.

Кто-то кашляет рядом со мной, и я отхожу в сторону. Это еще одна особенность этого места. Оно грязное. Какими бы разрушительными и опасными ни были все мои задания, по крайней мере, обычно они выполняются в отдаленных местах, где нет ничего, кроме тяжелой артиллерии.

Я прохожу мимо круглосуточного магазина. При взгляде на ряды сигарет за кассой мне не терпится зайти внутрь. Прошло двадцать три часа с тех пор, как я курил в последний раз. Каждый раз, когда я прихожу домой, я бросаю. И каждый раз, когда я иду на задание, я начинаю все сначала.

Определенно не стресс заставляет меня курить. Я смеюсь, просто думая об этом утверждении. Мне удастся продолжить прогулку мимо еще трех круглосуточных магазинов, не заходя внутрь, и я считаю день успешным только из-за этого факта.

Наконец, я добираюсь до своей квартиры. Если это действительно можно так назвать. Мне не нужно большое помещение, поскольку я никогда не бываю дома, но впервые за долгое время я ловлю себя на том, что смотрю на это место с отвращением. В нем нет ничего похожего на личные вещи. Здесь может жить любой незнакомец. Определенно ничто не указывает на то, что я живу здесь уже пять лет. На стене даже нет фотографий мест, где я был.

Она бы чертовски возненавидела это место.

Я вздыхаю и беру стопку почты, которая сложена прямо за дверью. Я не утруждаю себя тем, чтобы проверять свою почту, когда уезжаю из города, ее никогда не приходит достаточно, даже при многомесячных заданиях, когда это необходимо.

Я просматриваю стопку. Там обычные рекламные листовки из различных ресторанов неподалеку от моего дома, пара просроченных счетов, но не настолько, чтобы совсем отключить коммунальные услуги... и письмо.

Мне требуется секунда, чтобы понять, от кого оно.

Сначала, после того как я открываю его, мой мозг не обрабатывает женский сценарий, потому что я десять лет работал над тем, чтобы забыть о ней все. Но Валентина давным-давно забрала частичку моей души, и содержание этого письма может стать для меня шансом вернуть ее.

Париж.

Это город, который я люблю, но которого на самом деле следует избегать. Город любви — не место для такого бездушного парня, как я. За исключением того, что я вижу ее там,

стоящую в тени Эйфелевой башни, с красной помадой на губах... ее золотые глаза, обещают мне вечность.

Это так же ясно, как если бы я смотрел на картинку прямо сейчас.

Я бросаю письмо и подхожу к своему шкафу, доставая покрытую пылью коробку из-под обуви, которую я держал в самом дальнем углу. Я не мог заставить себя когда-либо выбросить содержимое коробки, но в то же время я пытался притвориться, что коробки не существует.

Поднимая крышку, я чувствую, как нервы пробегают по моему животу. Я никогда не думал, что снова услышу о ней. Это была мечта, которую я отогнал, как и картинки в этой коробке. Я притворился, что ее на самом деле не существует.

Я беру в руки первый снимок, обводя линии ее лица. Потребовалось время, чтобы превратиться в фотографа, которым я являюсь сейчас. Одно время все, о чем я заботился, это запечатлеть ее. В этой коробке сотни фотографий, каждая из которых, удар под дых, потому что я забыл, что на самом деле существует что-то настолько прекрасное. Моя рука дрожит, когда я достаю одну с ней, Логаном и Куэйдом.

Оглядываясь назад, теперь так очевидно, что должно было произойти. Она смотрит на меня через объектив на фотографии, но они двое... они не могут отвести взгляд от ее лица. Я помню этот момент так, словно это произошло только вчера. Мне пришлось пятьдесят раз сказать им, чтобы они смотрели в камеру.

Но результатом было это фото.

Я бросаю фото обратно в коробку и плотно захлопываю крышку. Затем я бросаю коробку в шкаф, не заботясь о том, что я просто разбросал фото повсюду.

Я сижу на своей кровати, сжимая и разжимая кулаки.

Затем я выбегаю за сигаретами. Потому что, если я не смогу покурить сейчас, тогда действительно... когда я смогу?

Серебристые усики тянутся в воздухе. Я уже выкурил половину пачки, и если это не вызовет у меня рак легких, то, вероятно, ничего не вызовет. Все, что я изо всех сил старался забыть, прямо здесь, проносится в моей голове снова и снова.

Ее улыбка. Ее смех. То, как ее губы касаются моих.

Я ошибался насчет пустыни. Этот момент — ад.

Я делаю еще одну затяжку сигаретой и бросаю ее в пепельницу. Возвращаясь со своего внутреннего дворика, первое, что я вижу, это ее гребаное письмо.

Я снова беру его в руки, обводя слова точно так же, как очертания ее лица.

Париж.

Город любви.

Валентина.

На ум приходит фотография. На ней тот солдат держит фотографию своей

возлюбленной. Он умер, и она, вероятно, была последним, о чем он думал. Даже несмотря на то, что он думал, что она бросила его.

Я не хочу однажды умереть с ужасными словами, которые были последним, что я сказал ей. Я не хочу когда-нибудь умереть и до конца своей жизни видеть ее лицо только на фотографии.

Наверное, я еду в гребаный Париж.

ГЛАВА 4

ТОГДА ВАЛЕНТИНА

— Вэл, у тебя посетители! — Зовет мой папа снизу.

Я выбегаю из своей комнаты, перепрыгивая через каждый шаг, пока не добираюсь до фойе, где мой папа стоит с широкой улыбкой на лице.

— Кто? — Спрашиваю я с надеждой.

— Посмотри сама, — отвечает он, полностью открывая дверь.

В центре моего крыльца стоят Логан и Куэйд, Картер прислонился к перилам крыльца прямо за ними. Помимо их радостных ухмылок, первое, что я замечаю, это то, что у всех троих парней пляжные полотенца на плечах и плавки.

— Сегодня будет еще один жаркий день, поэтому мы подумали, что ты, возможно, захочешь пойти к реке с нами, чтобы освежиться, — жизнерадостно заявляет Куэйд со своей милой металлической улыбкой на лице.

— Очень мило с вашей стороны, мальчики, пригласить. Разве это не мило, Вэл? — Подмигивает мой папа, поддразнивая, но, к счастью, никто из мальчиков этого не видит.

— Веди себя круто, пап, — бормочу я себе под нос.

Как бы я ни надеялась, что они заглянут сегодня ко мне домой, я разочарована тем, что мне придется отклонить их приглашение.

— Я не умею плавать, — признаюсь я с отчаянием.

— О, все в порядке. Ты можешь оставаться на мелководье. Без проблем, — быстро отвечает Логан.

— У меня даже нет купальника.

При этих словах лицо Логана мгновенно вытягивается, но Куэйд по-прежнему выглядит странно оптимистичным.

— Это тоже нормально. Логан может помочь с этим, не так ли, приятель? У него четыре сестры, так что я уверен, что он сможет уговорить одну из них одолжить тебе что-нибудь.

— Верно! — Логан заявляет в лучшем расположении духа. — Это займет у меня всего минуту. Я вернусь через мгновение, — добавляет он, прежде чем побежать через улицу

обратно к своему дому.

— Может быть, нам стоит сводить тебя по магазинам за новой одеждой, малыш. Обновить твой гардероб в стиле Сан-Антонио. Что ты скажешь?

— Я бы хотела этого, папа. Мы можем пойти после того, как я вернусь? Мне бы очень хотелось увидеть реку, которую хотят показать мне мои новые друзья, — объясняю я, надеясь, что он понимает намек на то, как важно для меня, что мальчишки приглашают меня куда-нибудь.

— Конечно, малыш. Мы можем пойти после того, как ты вернешься. Мы проведем там день. Пообедаем в торговом центре. Может быть, даже посмотрим фильм.

— Мы тоже любим кино. Мы можем прийти? — Куэйд беззастенчиво перебивает моего отца.

— Как насчет того, чтобы вы, мальчишки, насладились обществом Валентины этим утром, а вторую половину дня оставьте для меня, хорошо? Мы можем устроить вечер кино в другой раз, — парирует мой отец, изо всех сил пытаясь сдержать глупую улыбку в ответ на рвение моего нового друга.

— Ладно, — уныло бормочет Куэйд, пиная воздух у себя под ногами, в то время как Картер просто насмехается у него за спиной.

— Сильно отчаялся? — Картер насмехается себе под нос, достаточно тихо, чтобы не привлечь внимания моего отца, но я прекрасно слышу его.

— Я думаю, это мило, — язвительно замечаю я, тут же вставая на защиту Куэйда.

Но моя непроизвольная реакция прийти на помощь зеленоглазому парню только заставляет и его, и меня сильно покраснеть, а также получить глубокий хмурый взгляд Картера.

— Видишь? Она думает, что я милый, — упрекает Куэйд через плечо.

Прежде чем я успеваю наставить его на путь истинный, поскольку такая же внезапная потребность защитить Картера столь же сильна, появляется Логан, весь улыбающийся, с небольшим пластиковым пакетом в руке.

— Это было единственное, что я смог найти, которое показалось мне достаточно маленьким, чтобы подойти тебе. Надеюсь, я ничего не перепутал, — застенчиво заявляет Логан, протягивая мне сумку с моим позаимствованным купальником.

— Я уверена, что ты ничего не перепутал. Я только поднимусь наверх, чтобы надеть купальник. — Я одариваю всех троих мальчиков сияющей улыбкой, а затем незаметно наклоняю голову к отцу, чтобы перекинуться парой слов без того, чтобы мальчишки меня слышали. — Будь паинькой, пока я готовлюсь, ладно? Не отпугивай их, папа. Обещаешь?

— Я буду настоящим ангелом, — отвечает он, заходя так далеко, что рисует невидимый нимб над своей головой.

Я бросаю на него косой взгляд и угрожающе тычу пальцем ему в лицо, прежде чем развернуться и направиться обратно наверх, в свою комнату. Я все еще на полпути к цели, когда с лживых уст моего отца слетают следующие слова:

— Итак, мальчишки, кто хочет посмотреть мою коллекцию оружия?

Иисус, Мария и Иосиф!

Он собирается напугать их до полусмерти. Как бы сильно мой папа ни хотел, чтобы у меня были все друзья в мире, я знала, что появление трех мальчиков на нашем пороге вызовет у моего отца сторону альфа-защитника. Обойти это невозможно, так что мне просто лучше поторопиться, пока он не начал заряжать винтовки, чтобы высказать свою точку

зрения.

Я высыпаю содержимое пакета на кровать, и мне требуется минута, чтобы понять, какой кусок ткани куда надевается. Мне в голову приходит идиотская мысль, и я ненавижу, что мой разум иногда заходит туда.

Вот где помогло бы наличие мамы. Как только это ужасное чувство всплыло у меня в голове, я яростно отгоняю его.

— Ты можешь разобраться в этом сама, Вэл. Она тебе не нужна.

Как только я определяю, что находится сверху, а что снизу, я съеживаюсь, надевая это чертово бикини. Логан сказал, что это самая маленькая вещь, которую он смог найти, и он не шутил. Она едва прикрывает мою задницу! Я делаю мысленную заметку, что нужно поискать цельный купальник, когда мы с папой отправимся в этот послеобеденный поход по магазинам. Я ни в коем случае не буду чувствовать себя комфортно ни в чем другом, и это бикини только доказывает это. Когда я завязываю завязки верхней половины за спиной, я вижу, что два желтых треугольника слишком велики для моей маленькой груди. Мать-природа еще не взяла надо мной верх, поэтому, кроме моей большой попы, все остальное на моем теле невероятно маленькое.

— Да, это не поможет, — снова бормочу я себе под нос.

Я не из тех, кого можно назвать побежденными, я роюсь в ящике и выбираю футболку, в которой я могу промокнуть и не слишком переживать из-за того, что испорчу ее речной водой. Я смотрюсь в зеркало, просто чтобы бросить на себя быстрый взгляд. Волнение, бурлящее внутри меня, настоящее и отпечаталось у меня на лбу.

— Это то, что большинство девочек моего возраста делают постоянно, так что не психуй сейчас, Вэл. Ты справишься.

Я беру свой рюкзак и думаю о других вещах, которые мне понадобятся для этой прогулки. Надеюсь, у мальчиков есть солнцезащитный крем, потому что у меня его точно нет. Раньше мне это никогда не было нужно, но, думаю, папа прав. Я должна начать перечислять все, что мне понадобится, поскольку моя жизнь вот-вот наполнится новыми впечатлениями от Сан-Антонио. Я спускаюсь в холл и беру одно из спортивных полотенец моего отца из бельевого шкафа. Это не пляжное полотенце, но на сегодня должно подойти. Я сбегаяю вниз на кухню и беру две бутылки воды и два зеленых яблока на случай, если проголодаюсь.

Когда я наконец добираюсь до гостиной, Логан, Куэйд и Картер сидят на моем диване, а мой отец смотрит на них сверху вниз, скрестив руки на внушительной груди.

— Все готово? — спрашивает папа с обеспокоенным выражением в глазах, замечая мое покрасневшее выражение лица, когда я вхожу в комнату.

— Конечно, — весело отвечаю я, когда все трое мальчиков вскакивают на ноги, им так же не терпится запустить это шоу, как и мне.

— У тебя с собой телефон?

Я киваю, вытаскивая его из кармана джинсовых шорт, чтобы папа мог увидеть сам.

— Хорошо. Я уже спросил у ребят, где находится река, так что, если я тебе понадоблюсь, я могу быть там ровно через пять минут.

— Хорошо, — отвечаю я, переминаясь с ноги на другую, готовая начать это приключение.

— С другой стороны, будет лучше, если я отвезу тебя.

— Папа. Со мной все будет в порядке.

— Мальчики, просто дайте мне минутку побыть наедине с моей дочерью, — приказывает он, выпроваживая каждого из них из комнаты.

— Папа! Что за черт?

— Просто послушай меня, малыш. Я люблю тебя больше самой жизни, и я счастлив, что ты заводишь друзей, но это не значит, что я не буду беспокоиться о тебе. Моя работа, обеспечивать твою безопасность.

— Я знаю это, пап, но они всего лишь берут меня поплавать, а не в притон для наркоманов, — насмешливо поддразниваю я, вызывая у него смешок, как будто знала, что мое нахальное поведение вызовет его.

Все еще смеясь, он преодолевает пропасть между нами и кладет руки мне на плечи, любовь и приязнь плавают в его золотистых глазах.

— Я знаю, что обещал тебе попробовать что-то новое, и я намерен выполнить это обещание, но я все еще твой папа. Я всегда буду беспокоиться о тебе, малыш. Я хочу, чтобы вы повеселились этим утром, но знай, что если что-то покажется тебе не так, если тебе как-то некомфортно или ты почувствуешь головокружение, просто позвони мне, и я буду рядом.

Я похлопываю его по руке и нежно сжимаю. В мое сердце проникает чувство вины из-за того, что я даже думала о своей матери раньше. Она мне действительно совсем не нужна. Не тогда, когда у меня есть он. Он живет и дышит для меня. Возможно, я заключила дерьмовую сделку в сфере материнства, но я добилась успеха с моим отцом. Нет никого похожего на него, и я самая счастливая девушка в мире, которая называет его своим папой.

— Папа, ты слишком много беспокоишься. Это нехорошая черта характера, учитывая твой возраст. Ты же не хочешь преждевременных морщин, не так ли? Ни одной женщине не понравится встречаться с парнем, который выглядит как чернослив. Достаточно того, что у тебя есть эта мерзкая привычка курить.

— Во-первых, я не стар. Мне едва исполнилось сорок, а мы все знаем, что сорок это новые тридцать. А во-вторых, я ни разу не курил дома с тех пор, как мы переехали.

— Нет, но ты чаще всего ходишь на задний двор.

— Просто любоваться видом. — Бесстыдно смеется он.

— Даже не пытайся это отрицать. Я достаточно хорошо тебя знаю, старина. И поверь мне, если женщинам не нравятся старые морщинистые чуваки, то они точно ненавидят целоваться с парнем, у которого на губах вкус пепельницы.

— Да, да, да. Я слышу тебя, малыш. Однако, прежде чем ты начнешь назначать мне свидания, позволь мне просто убедиться, что за моей главной девушкой присмотрят, — отвечает он со смешком, золотое веселье в его глазах становится еще более заметным.

— Со мной все будет в порядке, папа. Обещаю. Теперь я могу идти? — Нетерпеливо спрашиваю я, гадая, о чем, должно быть, думают мальчики, застрявшие в фойе, пока мы с папой разговариваем по душам.

— Тогда пошли. Давай не будем заставлять твоих друзей ждать. — Говорит он, притягивая меня к себе и ведя туда, где мои новые друзья спокойно стоят, ожидая нашего прибытия. — Хорошо, мальчики, я оставляю Вэл на ваше попечение. Но если вы вернете ее каким-либо образом поврежденной, тогда вам придется чертовски дорого заплатить? Это понятно? — Добавляет он на итальянском, сжимая пальцы вместе, как будто он статист в плохом фильме о мафии.

Может, Эрик Росси и сицилийского происхождения, но весь его итальянский словарный запас был выучен за просмотром фильмов о Крестном отце. Это настолько

близко, насколько мой отец когда-либо был близок к своим итальянским корням. Ну, это и его знаменитая лазанья.

— Да, сэр. Мы хорошо позаботимся о Валентине, сэр. Не волнуйтесь, — быстро отвечает Логан, и я почти ожидаю, что он отдаст честь моему отцу военным тоном, который он только что использовал.

— Рад, что мы пришли к согласию. А теперь давай сядем в мою машину, и я отвезу вас.

— Папа, мы можем пройтись, — умоляю я рядом с ним.

— Учись выбирать свои битвы, малыш. В этой ты не победишь. Все в машину. — Он выпроваживает нас на улицу, забирая ключи от своей машины со столика в фойе.

— Извините за это, — застенчиво бормочу я, когда папа запирает дверь, и мы идем к внедорожнику.

— Ты шутишь? Здорово, что твой папа берет нас с собой. Все равно слишком жарко, чтобы идти пешком. Таким образом, мы в мгновение ока окажемся в воде, — успокаивает Логан, подталкивая меня локтем в плечо.

Куэйд и Картер одаривают меня такой же приятной улыбкой, и у меня внутри все тает от того, как мило они себя ведут. Тем более, я уверена, что папа пытался вселить в них страх Божий, пока я одевалась.

Я запрыгиваю на переднее сиденье, в то время как парни занимают заднее. В зеркале заднего вида они выглядят немного прижатыми друг к другу, но если они и возражают против ограниченного пространства, то не говорят ни слова. Я незаметно смотрю на каждого мальчика и нахожу на их мальчишеских лицах то же волнение, что и у меня. Бабочки начинают буйствовать у меня в животе при одной мысли о том, что в моей жизни появились эти три новых друга. Папа всегда был оптимистом в нашем маленьком дуэте, в то время как я больше отношусь к тому типу девушек, которые твердо стоят на ногах. Однако необъяснимо, что я нахожусь в противоречии с тем же позитивом, который течет по моим венам. Я всем своим существом чувствовала, что приезд в Сан-Антонис станет новым началом, в котором мы нуждались, но я еще не могла представить это так ясно. Не так, как сейчас.

Что-то подсказывает мне, что Логану, Куэйду и Картеру всегда было суждено стать частью моей жизни, и эта уверенность не только смущает меня, но и вселяет надежду на то, что должно произойти.

Вся эта новая жизнь не может начаться достаточно быстро.

ЛОГАН

Как и предполагалось, когда отец Вэл подъезжает по длинной грунтовой дороге к уединенной реке, там уже несколько старшеклассников возятся в воде. Когда Куэйд предложил взять Вэл сюда, я должен признать, что у меня были сомнения по этому поводу. Возможно, из-за эгоизма или неуместной ревности я еще не был готов поделиться ею с остальным миром. Я имею в виду, мы только вчера познакомились с Валентиной,

поэтому совершенно естественно, что я хочу, чтобы она сначала узнала нас, прежде чем кто-то другой отвлечет ее внимание от нас.

Как только внедорожник полностью останавливается, я открываю дверь, готовый увести нас как можно дальше от толпы постарше, когда мистер Росси хватает Вэл за локоть, чтобы удержать ее на месте.

— Помни, если тебе что-нибудь понадобится, я всего в нескольких шагах от тебя.

— Со мной все будет в порядке, папа. Не волнуйся. Помнишь? Морщинки, — шутит она, ущипнув отца за лоб.

— Я всегда буду беспокоиться, малыш. Это моя работа.

Она одаривает его милой улыбкой, и что-то внутри меня превращается в кашу, я задаюсь вопросом, что я мог бы сделать, чтобы она так же мне улыбнулась. Всего один раз.

Затем мистер Росси обращает свое внимание на заднее сиденье, его лицо становится более суровым, чем минуту назад, мгновенно заставляя мою спину выпрямиться.

— Итак, ребята, я вижу, что по кругу передается множество пивных банок. Если я услышу, что кто-то из вас пил на глазах у моей маленькой девочки или пытался каким-либо образом заставить ее сделать глоток, будьте готовы встретить мой гнев. Это понятно?

— Да, сэр. Никакой выпивки. Мы обещаем вам, сэр, — поспешно отвечаю я, его воинственный тон слишком сильно напоминает мне моего отца-военного.

— Жополиз, — бормочет Куэйд себе под нос, затем одаривает мистера Росси одной из своих широких натянутых улыбок. — Не беспокойтесь о Валентине. С нами она в хороших руках, — заявляет Куэйд со своей лучшей всеамериканской улыбкой мальчика по соседству.

А я тот, кто жополиз.

Мистер Росси тратит долгую минуту, чтобы посмотреть каждому из нас в глаза, выражение его лица не оставляет сомнений в том, что он спустил бы с нас шкуры, если бы что-то случилось с его дочерью на наших глазах. Струйка пота стекает по моему виску прямо в глаз, обжигая зрачок. Поскольку я не хочу, чтобы он думал, что я слабый, я молча переношу боль, просто чтобы не отводить от него взгляда.

— Папа, я думаю, ты достаточно напугал их для одного дня. Теперь мы можем идти? — Поет Вэл, с любовью похлопывая его по плечу, как будто она привыкла к поведению своего отца.

— Я думаю, ты права. Забавный у меня становится зеленым. — Он весело хихикает.

Я смотрю на Куэйда рядом со мной, и его обычное беззаботно-самодовольное выражение лица на самом деле выглядит немного бледнее, как будто его вот-вот вырвет в любую минуту. Я сохраняю этот точный момент, чтобы потом подразнить своего самоуверенного друга по этому поводу. Единственный, кто, похоже, ничуть не пострадал от запугивания мистера Росси, это Картер. В этом нет ничего удивительного. Его никогда не было так просто отпугнуть.

После того, как Вэл целует своего отца в щеку, она выпрыгивает из машины, и мы быстро следуем ее примеру.

— Заеду за тобой около полудня, — говорит ее отец. — Будь в безопасности. Люблю тебя, малышка.

— Я тоже люблю тебя, папа, — отвечает она с милой улыбкой на губах.

То, как оба так открыто выражают свои эмоции, меня немного озадачивает. Каждый раз, когда моя мама целует меня в щеку или говорит, что любит меня, а рядом есть другие люди, я съеживаюсь от смущения. Но не Вэл и ее отец. Я не вижу ни капли унижения в

глазах Вэл. Просто любовь.

— Итак, где устроимся? — С энтузиазмом спрашивает Вэл, как только ее отец уезжает.

— Я знаю одно место, — хладнокровно отвечает Картер и, засунув руки в карманы, начинает идти в направлении, противоположном подростковой толпе. Я не спрашиваю его, куда он нас ведет, хотя мне любопытно посмотреть, что у него припрятано в рукаве. А у Картера всегда что-то есть. Я просто рад, что куда бы он нас ни повел, это подальше от большой группы старшеклассников. Конечно, для нас было бы безопаснее находиться рядом с большим количеством людей, но, как я уже сказал, мой эгоизм хочет быть с Вэл сам по себе, без того, чтобы кто-то другой привлекал ее внимание.

После пятиминутной прогулки Картер наконец останавливается, и мы видим, что он нашел для нас уединенный участок реки, где есть большое дерево и веревочный трос, чтобы мы могли воспользоваться им и упасть в воду внизу. Это не слишком большое падение, но для кого-то вроде Вэл, которая не является опытной пловчихой, это может показаться достаточно пугающим, чтобы она снова передумала ехать с нами. Я зачарованно смотрю, как она тербит свою нижнюю губу, и прихожу к выводу, что это, должно быть, один из ее механизмов по умолчанию, когда она нервничает.

— Мы не обязаны оставаться здесь, если ты не хочешь. Мы можем вернуться туда, где тусуются другие дети, — неохотно объясняю я. Конечно, я бы предпочел, чтобы мы остались здесь, в нашем маленьком частном коконе, но если ей неудобно, тогда действительно нет другого выбора, кроме как повернуть назад.

— Нет, все в порядке. Там было немного многовато людей, — застенчиво отвечает она.

— Ты уверена, что твой папа не будет возражать?

— Нет. Он знает, что я могу позаботиться о себе. Или, по крайней мере, он пытается дать мне презумпцию невиновности.

— Он довольно сильно оберегает тебя, да?

— Немного, — бормочет она и начинает расстилать пляжное полотенце на траве, все еще колеблясь, глядя вниз с небольшого утеса.

— Почему? — Ни с того ни с сего спрашивает Картер, не сводя с нее глаз.

— Почему что?

— Почему он так защищает? — Повторяет он.

— Разве не каждый родитель защищает своих детей? — Она пытается отыгаться со смехом.

— Нет, не совсем, — хмуро возражает Куэйд.

Мои брови хмурятся, потому что наш отдых на реке должен начинаться не так. Мы обещали ей повеселиться, и пока что мы этого не делаем.

— Так ты собираешься рассказать нам или нет? — Спрашивает Картер, его голос суров и бесчувствен.

Господи, у меня в друзьях есть придурки.

Она садится на полотенце и прижимает колени к груди, ее внимание переключается на воду.

— Мы действительно собираемся быть друзьями? — Спрашивает она после долгой многозначительной паузы.

— Черт возьми, да, — произносит Куэйд, садясь на траву рядом с ней, имитируя ее позу для сидения.

Она вытягивает шею и смотрит на меня, ожидая моего ответа.

— Я надеюсь на это. Я хотел бы быть твоим другом. — Честно говорю я ей, занимая свое место рядом с Куэйдом.

— Я бы тоже этого хотела. — Она одаривает меня застенчивой улыбкой, а затем наклоняет голову к Картеру сидящему, с другой стороны, от нее. Он ничего не говорит, но все равно садится, молча давая свой ответ.

Мы все трое смотрим на нее, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни единого ее слова, потому что, что бы она ни собиралась объяснить, чувствуется, что это будет важно. Она делает долгий выдох, ее плечи немного опускаются.

— Я думаю, поскольку мы собираемся стать друзьями, я могла бы рассказать вам. Но я не хочу вашей жалости, и после сегодняшнего я тоже не хочу об этом говорить. Это понятно? — Спрашивает она тем же строгим тоном, которым ее отец разговаривал с нами ранее в машине.

Мы все киваем, и у меня начинает сводить живот, я волнуюсь, что то, в чем она собирается признаться, снесет мой мир с петель. Очень похоже на то, что она уже это сделала.

— Я родилась с двумя опухолями головного мозга в голове, и из-за этого я всю свою жизнь то попадала в больницы, то выписывалась из них. Но после моей последней операции почти год назад врачи смогли полностью удалить одну из них, а химиотерапия смогла уменьшить другую. У меня ремиссия уже десять месяцев, но папа все еще привыкает ко всему этому. Думаю, я тоже, если честно.

— Черт! — Воскликает Куэйд.

— Да, именно так я и думаю, — бормочет она с легким румянцем на щеках.

— Но сейчас ты в порядке? — Спрашивает Картер с глубоко укоренившейся хмуростью на лице.

— Да, я в полном порядке.

— Тебе все еще нужно делать...ну, знаешь, химиотерапию и все такое? — Куэйд задает любопытные вопросы, никогда не встречая никого, кто когда-либо болел в своей жизни. Кроме бабушки Картера, я должен признать, что тоже никого не встречал.

— Она сказала, что у нее ремиссия, придунок, это значит, что сейчас с ней все в порядке, не так ли? — Я сохраняю невозмутимое выражение, придавая своим словам слишком много резкости.

Я не знаю, почему я злюсь, но это так. Несправедливо, что дети болеют в таком юном возрасте, и уж точно чертовски несправедливо, что это случилось с Валентиной.

— Да. Я в порядке и готова начать свою жизнь. — Ее глаза сверкают, когда она смотрит на нас, в них мерцает надежда.

— А как же твоя мама? — Вмешивается Картер.

— Она ушла, когда мне было восемь. Наверное, просто больше не могла мириться с большим ребенком. — Она пожимает плечами.

— Что за сука!

— Господи, Куэйд! Тебе обязательно говорить все, что приходит тебе в голову? Ради всего святого! — Делаю я выговор, разозленный тем, что мой друг не может держать свое мнение при себе, особенно учитывая, насколько деликатна рассматриваемая тема.

— Отвали! Ее мама настоящая сука, бросившая своего ребенка, когда она нуждалась в ней больше всего. — Куэйд надувает губы, скреживая руки на груди в приступе истерики.

Я наклоняю голову к безутешной Валентине, не зная, что я могу сделать, чтобы стереть

это хмурое выражение с ее лица.

— Куэйд прав. Твоя мама сука, раз бросила тебя. Так что пошла она. Если она ушла, это просто означает, что она все равно тебя не заслуживала, — добавляет Картер, вырывая с корнем травинку и бросая ее через скалу.

Застенчивая улыбка появляется на ее губах, когда она рассматривает его, затем Куэйда и, наконец, останавливает свой взгляд на мне.

— Вы, ребята, много ругаетесь.

— Привыкай к этому, милая. К концу лета ты привыкнешь. Мы научим тебя всему хорошему. — Куэйд гордо сияет, как будто он изобрел концепцию ругани.

— Я не уверена, что моему папе это понравится. — Хихикает она.

— Он кажется крутым чуваком. Я уверен, что он тут и там подкидывает чертову бомбу.

— О, так и есть. — Хихикает она, выглядя более расслабленной и непринужденной, чем минуту назад.

— Видишь? Я знал, что он классный. — Куэйд подмигивает ей, вызывая у нее еще одну теплую улыбку.

— Он такой. Мой папа лучший. Даже когда весь его мир разваливается на части, он ни разу не обвинил меня и не заставил чувствовать себя виноватой за все то, что мы упустили.

У меня сжимается грудь от ее слов. Учítывая, какой она была больной, ее детство, должно быть, было нелегким для них обоих. Я также не упускаю из виду, как она упомянула, что ее отец никогда не заставлял ее чувствовать себя виноватой из-за этого, что означает, что в глубине души она чувствует.

— Что ж, ты приехала в нужное место. На самом деле, забудь об этом. Ты завела правильных друзей. Оставайся с нами, и мы восполним все, что ты потеряла, — говорит Куэйд с лучезарной улыбкой, и я не могу не любить этого говнюка за то, что ее лицо так и светится.

— Это мило, — восхищается она, и ее щеки покрываются милым румянцем.

— Так мы собираемся плавать или как? — Картер прерывает нас, поднимаясь на ноги и протягивая Вэл руку, чтобы помочь ей подняться.

Она принимает ее без раздумий, но сейчас выглядит немного встревоженной.

— Я же говорила вам, что не умею плавать.

— Все в порядке, Вэл. Мы тебя научим. — Говорю я ей серьезно.

— Хорошо. — Она улыбается мне, отчего я чувствую себя ростом в десять футов. — Но я ни за что не спрыгну с этой веревки.

— Маленькие шажочки. Сначала давай промочим ноги.

Она кивает и начинает расстегивать свои джинсовые шорты. Я мгновенно отворачиваюсь, но Куэйд этого не делает, поэтому я ударяю его кулаком по плечу, чтобы он мог развернуться и оставить Вэл наедине.

— Не будь придурком, — предупреждаю я себе под нос, искоса поглядывая на него.

— Укуси меня, — недовольно парирует он, снимая футболку.

Когда мы все полностью раздеваемся и остаемся только в наших плавательных костюмах, мы оборачиваемся и видим, что Вэл все еще одета в свою футболку поверх желтого бикини моей сестры Меган. Рубашка чуть не достает ей до бедер, оставляя ее длинные ноги обнаженными, но прикрывая все остальное.

— Сними рубашку, — приказывает Картер, и ему повезло, что он слишком далеко от меня, иначе я бы его ударил. Если Вэл не сняла футболку, у нее, должно быть, была причина.

— Я не хочу.

— Она будет мешать.

— Значит, пусть мешает, — парирую я, разозлившись и свирепо глядя на него, чтобы он отпустил это, иначе.

— Неважно, — он отстраняется и начинает подходить к краю, чтобы спуститься вниз.

Я подмигиваю Вэл и беру ее за руку, чтобы ей было за кого ухватиться, пока мы спускаемся по каменистой местности. Подъем несложный, и меньше, чем через минуту мы оказываемся у кромки реки. Я опускаю ногу в воду, и она ощущается прохладной на моей коже.

Благословение, поскольку июльская жара даже в этот ранний час, сущий ад.

Входит Вэл и радостно хихикает, когда вода попадает ей на ноги. Куэйд, будучи Куэйдом, конечно же, бежит к воде и начинает плескаться. В воздухе снова звенит ее радостный смех, и возвращается то чувство, которое было у меня вчера. Как будто ее смех вызывает во мне острую потребность... потребность, чтобы она так смеялась каждый раз, когда я рядом с ней.

Картер бесшумно заходит в воду и ныряет, еще больше нарушая спокойствие.

— Итак, вы все обещали научить меня плавать. Давайте начнем наш первый урок, — командует она, сосредоточив внимание на том, как Картер элегантно плывет по воде, и, кажется, завидует каждому идеальному гребку.

Мы с Куэйдом сначала учим ее грести по-собачьи на мелководье, в то время как Картер бдительно следит, чтобы мы не утащили Вэл на глубину. Не успеваем мы опомниться, как звонит мобильный телефон, напоминая нам о существовании внешнего мира.

— Это, должно быть, мой папа.

Я не могу скрыть разочарованного выражения своего лица из-за того, что мы провели вместе всего несколько часов.

— Мы можем повторить это завтра? — С надеждой спрашивает она, поворачивая голову через плечо, чтобы посмотреть на нас.

— Ты чертовски права, мы можем. Мы не можем сейчас прекратить твои занятия. Поверь нам, еще до окончания лета ты будешь плавать как профессионал, — с энтузиазмом отвечает Куэйд.

Я действительно мог бы расцеловать этого засранца за то, что он такой, какой он есть, гарантируя, что наши летние дни будут наполнены Валентиной.

— Я бы хотела этого.

Да, я тоже.

Когда я смотрю на два других лица моих лучших друзей, я знаю, что они чувствуют то же самое. Приход Валентины Росси в нашу жизнь кажется таким, как будто это всегда должно было произойти. Каким-то образом она была нашим недостающим звеном, и теперь мы, наконец, едины.

КУЭЙД

Я смотрю на часы на стене моей кухни, мои пальцы взволнованно барабанят по мраморному островку. Уже почти шесть, и я видел, как машина ее отца подъехала к ее дому около часа назад. Неугомонный и нетерпеливый в ожидании завтрашнего дня, я поднимаю руки вверх.

— К черту это. Действуй по-крупному или иди домой, — бормочу я себе под нос.

Я захопываю входную дверь и ровно через пять секунд перебегаю улицу. Несмотря на то, что я чертовски нервничаю, я стучу в ее дверь. Но, как назло, дверь открывает ее отец, а не Валентина.

— Куэйд, — говорит он в качестве приветствия, глядя на меня сверху вниз в замешательстве.

Боже, ее отец — гигант.

— Здравствуйте, мистер Росси. Вэл дома?

— Да. Мы как раз собирались поужинать.

Я вдыхаю аромат старой доброй домашней кухни, и мой глупый желудок решает заурчать.

— Хм, — бормочет ее отец, его губы изгибаются в сторону. — Хочешь присоединиться к нам?

— Я мог бы поесть, — отвечаю я, пиная воздух у своих ног.

— Тогда заходи. Сначала вымой руки. Ванная, первая дверь направо. Затем, когда закончишь, проходи на кухню.

— Спасибо, мистер Росси. Вы хороший человек. — Я улыбаюсь ему и вальсирую в коридор, готовый перекусить, а также провести некоторое время с Вэл без парней. Мистер Росси, может быть, и большой, как танк, но у меня такое чувство, что он из породы нежных великанов. Должно быть, он такой, раз Вэл его так сильно любит.

Меня одолевает чувство вины из-за того, что я здесь, а Логан и Картер нет, но я запихиваю этого лоха обратно туда, где не светит солнце. У Картера, несмотря на все его беды, все еще есть бабушка, с которой он может поужинать, а Логан... Ну, у него дома целый долбаный взвод. Я вытираю руки мягким полотенцем и направляюсь на кухню, слегка приободрившись. Когда я переступаю его порог, я вижу, как Вэл готовит салат, в то время как ее отец у плиты тоже что-то готовит.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — отвечает она. — Я слышала, ты сам пригласил себя сегодня на ужин.

— Ты неправильно расслышала. Меня пригласил твой отец. Не так ли, мистер Э?

Он закатывает глаза на меня за то, что я сократил его имя до одной гласной, но я могу сказать, что на самом деле это его не обижает.

— Просто сделай что-нибудь полезное и поставь несколько тарелок на стол. Они вон в том шкафу. — Он указывает через плечо туда, где должны быть тарелки.

Мне приходится встать на цыпочки в тщетной попытке открыть деревянную дверь. Вэл хихикает в кулак, пока я борюсь и терплю жалкую неудачу. В этом году у меня был скачок роста, но я все еще не могу достичь его. Движение позади меня предупреждает меня, когда Вэл отодвигает стул, чтобы я мог встать.

— Не будь крутым парнем, Куэйд. Не стыдно просить о помощи, когда она тебе нужна.

Я чувствую, как краснеют мои щеки, но все равно забираюсь на стул. Она стоит рядом

со мной, пока я передаю ей тарелку за тарелкой, все время молясь, чтобы я одну не уронил. Она протягивает мне салфетки, которые нужно положить на кухонный стол, а затем показывает, где лежат столовые приборы, прежде чем вернуться к своему салату. Мне требуется некоторое время, чтобы все выглядело четко, но опять же, я никогда в жизни не накрывал на стол. Обычно я ем из любого контейнера, из которого берут еду на вынос, так что на самом деле никогда не было необходимости накрывать стол только для меня.

— Пахнет чертовски невероятно, мистер Э. Вы повар или что-то в этом роде?

— Вообще-то, папа архитектор. Он просто любит готовить.

— Что ж, пахнет великолепно. Что это?

— Это ризотто с грибами и беконом, малыш.

— Хм. Это рис, верно? — Спрашиваю я неуверенно.

— Да, необычный рис, — отвечает Вэл, дразняще шевеля бровями. — Тебе понравится, обещаю.

Я знаю, что понравится. В любом случае, все лучше, чем холодная еда на вынос.

Как только стол накрыт, папа Вэл ставит кастрюлю в центр стола и просит нас принести тарелки, чтобы он мог наполнить их вкусной едой, от которой у меня слюнки текут. Я как раз собираюсь наколоть на вилку восхитительно пахнущий рис, когда Вэл и ее папа склоняют головы в молитве.

— Дорогой Господь, благодарю тебя за еду, которую мы собираемся получить, и особая благодарность тебе за новые дружеские отношения, которые мы заводим в нашем новом доме. Даже если упомянутая компания настроена немного воинственно.

— Хорошо выразился мистер Э, — вмешиваюсь я, готовый набить морду себе и скрыть, как неловко я себя чувствую.

Не похоже, что я знаю, какой правильный протокол после того, как они помолились. Мы не молимся у себя дома. Черт возьми, если бы мама Логана время от времени не заставляла Логана, Картера и меня помогать ей с продажей выпечки, я бы даже не знал, где находится наша приходская церковь. Я не уверен, что вообще верю во все это. Мои родители точно не верят. Ближе всего к вере во Всемогущего они подошли к фразе на долларовой банкноте: Мы верим в Бога.

Вот и все.

Поскольку мистер Э и Вэл и глазом не моргнули на мой плохой этикет за столом, я начинаю дуть на вилку, готовый посмотреть, из-за чего весь сыр-бор с ризотто. Когда я наконец пробую, мои веки закрываются сами по себе, мои вкусовые рецепторы танцуют в восторге, и громкий стон срывается с моих губ. Это даже вкуснее, чем пахнет.

— Ешь медленно, малыш, а то подавишься, — поддразнивает папа Вэл после того, как я обжигаю язык второй порцией, слишком горя желанием съесть вкусное блюдо, чтобы тратить время на его остывание.

— Извините. Прошло много времени с тех пор, как я пробовал что-то настолько вкусное.

— Твои родители не готовят?

— Нет, не совсем. Папа обычно питается в городе. Он крупный юрист, поэтому работает подолгу. А мама обычно на жидкой диете. В конце концов, углеводы, это враг.

Брови отца Вэл складываются в глубокую V-образную складку на макушке.

— Значит, они не ждут тебя сегодня на ужин?

Я издаю смешок между набитыми губами.

— Мои родители ничего от меня не ожидают, тем более моего присутствия. Мама в Бока на ретрите по йоге, а у папы свои важные дела. Меня никто не ждет.

— Понятно, — произносит мистер Э., вытирая подбородок салфеткой, прежде чем сказать что-либо еще. — Ну, тебя всегда приглашают сюда на ужин, когда ты захочешь. Мы были бы рады дополнительной компании. Вэл и я в конечном итоге все равно делаем слишком много. Не так ли, малышка? — Он подмигивает Валентине.

Искренние улыбки, которые они бросают друг другу, а затем мне в ответ, заставляют меня чувствовать себя тепло и пушисто... чувство становится захватывающим. Настолько захватывающим, что я решаю прийти и завтра вечером на ужин. Если мне придется выбирать между тем, чтобы застрять в моем холодном пустом доме и быть здесь, где я действительно нужен, тогда я точно знаю, какой выбор я сделаю.

Внезапно я понимаю, что переезд Вэл на нашу улицу был одним из лучших событий, которые произошли со мной за долгое время. Я просто надеюсь, что я ей не надоем слишком быстро, так как мне здесь вроде как нравится.

КАРТЕР

Я делаю еще один снимок радостного лица Куэйда, когда он прощается с Валентиной в десятый раз за сегодняшний вечер. Все всегда думают, что Логан самый умный в нашем маленьком трио, но с моей точки зрения, у Куэйда мозгов как раз хватает там, где это важнее всего. Я издаю смешок, потому что его щенячье рвение на самом деле работает на него. Он не смог бы продержаться и пары часов, чтобы не провести время с Валентиной, не говоря уже о целом дне.

— Могу ли я винить его? — Бормочу я про себя, делая еще один снимок.

Нет. Нет, я не могу.

Я жду, пока она закроет входную дверь, и остаюсь на своем месте, чтобы посмотреть, куда она пойдет дальше. Поскольку ее дом находится прямо рядом с моим, легко видеть каждое ее движение. Когда в ее спальне загорается свет, мое сердце замирает вдвойне. Я наблюдаю, как она оглядывает комнату, все еще заполненную коробками повсюду. Она подходит к одной из них и начинает распаковывать несколько книг изнутри, ставя их на полку над своим столом. Я знаю, что должен развернуться и оставить ее заниматься своими делами, но мой зудящий палец на спусковом крючке просто не может насытиться ее милым личиком. Пока она продолжает выполнять свою задачу, я делаю снимок за снимком. Я не знаю, сколько проходит времени, но этого достаточно, чтобы заполнить мою карту памяти. Я собираюсь поставить новую, когда легкий стук в дверь останавливает меня.

— Эй, — окликает мой брат, вальсируя в комнату.

— Привет, — бормочу я в ответ, вставляя карту памяти в свой ноутбук, но не шевеля ни единым мускулом, чтобы включить его.

Однажды бабушка разрешит мне превратить мою ванную в темную комнату, о которой я ее беспокоил, но до тех пор придется обойтись цифровыми технологиями. Она не смогла

скопить достаточно денег, чтобы я мог переоборудовать ванную комнату под мое новое рабочее место. Я сказал ей, что мы могли бы взять немного из выплаты по страхованию жизни моих родителей, но моя бабушка настаивает, чтобы деньги пошли в фонд моего колледжа. Я знаю, что я слишком молод, чтобы она воспринимала меня всерьез, когда я говорю ей, что не хочу поступать в колледж. Я хочу использовать эти деньги, чтобы увидеть мир и запечатлеть изображения через свои линзы, а не тратить время в душных классах на изучение материалов, которые я никогда не буду использовать. Но скоро я поговорю с бабушкой по душам, чтобы она поняла, что мое будущее в фотографии. Не то чтобы она уже не догадывалась. Моя рука была привязана к фотоаппарату с тех пор, как моя мама подарила мне мой первый цифровой фотоаппарат, когда я был всего по колено.

Мой брат сидит на моей кровати и оглядывается по сторонам, в то время как я прислоняюсь к своему столу, ожидая, когда он скажет то, ради чего пришел в мою комнату. Он не выглядит пьяным, так что я знаю, что сегодня вечером разговор будет без слез. Нет худа без добра и все такое дерьмо.

— Ты чего-то хочешь? — Спрашиваю я, когда он слишком долго не может это произнести.

— Да, я... Несколько моих друзей организуют поездку в Мексику, и я сказал им, что поеду.

Конечно, именно поэтому он здесь. Боже упаси его проводить со мной время, когда он трезв.

— Когда ты уезжаешь?

— Завтра.

Я киваю и поворачиваюсь к нему спиной, выглядываю в окно в поисках Валентины и возвращаюсь с пустыми руками. Разочарование поражает меня сильно, и я не уверен, то ли это из-за того, что мой брат собирается снова бросить меня, то ли из-за того, что я не могу смотреть на лицо Вэл, пока он здесь.

— Когда ты вернешься? — Слышу я свой вопрос.

— Вот в чем дело. После этой поездки я просто отправлюсь в кампус. В любом случае занятия в колледже начинаются через три недели, так что эта поездка, просто последнее ура для меня и ребят.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы держать себя в узде.

— Хорошо. Развлекайся. — Говорю я ему, но в моих словах нет настоящего чувства.

— Тебе все еще тринадцать, Картер. Если бы ты был чуть постарше, я бы взял тебя с собой. Ты ведь это знаешь, верно?

Должен ли я? Нет, не знаю. Я знаю, почему ему невыносима мысль о том, чтобы проводить время со мной. Я просто напоминаю ему, что наши родители мертвы. Это настоящая причина, по которой он держится подальше. Он говорит, что я слишком похож на маму и говорю слишком похоже на папу, что бы это ни значило. Дело в том, что, когда я смотрю на Алекса, я тоже вижу маму. Я тоже слышу голос папы, когда он говорит. И пока он хочет отодвинуть воспоминания подальше, я хочу держаться за них каждой клеточкой своего существа.

Я думаю, мы просто в этом разные.

Он хлопает себя по коленям и встает, увидев, что я не собираюсь ничего говорить, чтобы удержать его здесь. Не похоже, что он остался бы в любом случае, если бы я это сделал.

— Ну что, я думаю, увидимся, брат.

— Думаю, да.

Когда дверь со щелчком закрывается, мои плечи начинают дрожать. Смесь ненависти, гнева и огромной печали парализует меня. Я ненавижу то, что я так себя чувствую. Что мне так нужна его любовь, в то время как он не может находиться со мной в одной комнате даже пяти минут. Если только он не пьян в стельку.

Но у меня все еще есть бабушка.

У меня есть Логан, и у меня есть Куэйд.

И может быть, только может быть, у меня тоже будет Вэл.

Это вся семья, которая мне понадобится.

Я подхожу к окну и, наконец, мельком вижу ее. Волосы Валентины мокрые, и она в пижаме из Звездных войн с Кайло Реном в центре. Значит, ей нравятся мрачные, плохие типы. Может быть, у меня все-таки есть шанс. Я делаю еще несколько фотографий, пока она не ложится спать, выключая свет в своей спальне и заканчивая мое веселье.

— Спокойной ночи, Валентина, — шепчу я в ночь.

Я подхожу к своему столу и открываю ноутбук, готовый просмотреть сегодняшнюю работу. Я смотрю на фотографии на своем экране и вижу, что все они безупречны. Каждая из них совершеннее другой. Однако я знаю, что совершенствуются не мои навыки фотографии, а моя новая муза, которая заставляет изображения ярко всплывать на экране. Я никогда не видел девушку с такими мягкими ангельскими чертами лица, и в то же время она выглядит так, словно прожила десять жизней.

Она старая душа. Совсем как я.

Бабушка говорит, что после травмы мы вырастем раньше времени, мы вырастем слишком быстро. Может быть, это то, что я вижу в Валентине. После того, что она рассказала нам сегодня утром на реке, становится ясно, что она перенесла больше, чем следовало. Возможно, именно поэтому я так быстро увлекся ею, когда ничто особенно не привлекает моего интереса. Может быть, на каком-то более глубоком уровне моя душа узнала что-то в ее.

Может быть, она и есть та родственная душа, которую я ждал.

ГЛАВА 5

СЕЙЧАС

ВАЛЕНТИНА

Я сидела на своем месте, не в силах устроиться поудобнее несмотря на то, что я сижу в первом классе. Бронирование билета первого класса до Парижа обошлось мне в небольшое состояние. Но через несколько месяцев мне больше не придется беспокоиться о деньгах, так почему бы не провести последние месяцы как королева?

Что это значит? Живи так, как будто ты умираешь. Думаю, теперь у меня есть этот шанс. Перед взлетом мимо проходит стюардесса с бокалом шампанского, я беру его и осушаю весь бокал. Потому что почему бы и нет? Самолет начинает движение, и я смотрю в окно, как мимо начинает проноситься внешний мир. Моя рука выбивает нервный ритм по подлокотнику.

— Боишься летать? — спрашивает пожилой джентльмен, сидящий рядом со мной. У него добрые глаза. Я заметила это, как только села. Это напоминает мне о папиной доброте, которая видна всем. В этот момент меня пронзает острый укол печали. Я так сильно скучаю по нему.

— Нет. Я боюсь приземляться. — Говорю я ему. Сначала он выглядит смущенным, но потом я вижу, когда до него доходит.

— Я встретил свою жену в Париже, — говорит он мне. Я жадно наклоняюсь к нему, готовая услышать любую историю, которую он хочет рассказать. Я всегда была помещена на любовных историях, даже если моя закончилась ужасно.

— Увидел ее в Лувре во время деловой поездки. Она смотрела на портрет, оживленный поцелуем Купидона. Я понял, кем она будет для меня прямо тогда и там. — Его глаза прищуриваются от удовольствия, когда он вспоминает об этом моменте. — В этот момент она фыркнула. И люди смотрели на нее, потому что она была совсем одна. Ну, будучи самоуверенным молодым человеком, каким я и был, я подошел прямо к ней и потребовал рассказать, что такого смешного в бедной Психее. — Он рассмеялся, подумав об этом. — Она повернулась ко мне и сказала, что смеялась не над скульптурой, а фыркала из-за того, как долго я пялился на ее зад.

Теперь я смеюсь, отчаянно желая, чтобы его жена была здесь прямо сейчас, и чтобы я могла встретиться с ней.

— Ну, после этого все пошло со скоростью света, и мы поженились в течение месяца.

— Это прекрасно, — выдыхаю я, представляя сцену в своей голове. Я никогда не была в Париже или Лувре, но я видела достаточно фильмов, чтобы, по крайней мере, быть в состоянии представить это.

— Да, так оно и было, — нежно говорит он, похлопывая меня по руке, которая все еще постукивает по подлокотнику. — Париж, это место для любви. Вот увидишь. — Говорит он, прежде чем взять книгу, лежащую у него на коленях, и начать читать.

— Париж для любви, — шепчу я себе.

Несколько часов спустя я немного пьяна от шампанского и сильно устала от смены часовых поясов, но я здесь. В Париже. Собираюсь их увидеть.

Я сижу с левой стороны самолета, поэтому у меня получается снимок Эйфелевой башни, и мои нервы зашкаливают.

— Все будет хорошо, — говорит мне мой сосед Эдгар в ответ на болезненное выражение, которое, я уверена, появилось на моем лице.

Я киваю, чувствуя, что в данный момент мне немного трудно дышать, но я слабо улыбаюсь ему. Он был отличным спутником во время долгого перелета. Я даже ни разу не моргнула при виде обильного количества шампанского, которое выпила. Он убедился, что я съела все три предложенных блюда... и да, в первом классе действительно готовят гораздо лучше на случай, если вам интересно.

Эдгар, по сути, ангел, и я думаю, что без него у меня бы не вышло избежать панической атаки. Самолет приземляется, мы собираем наши вещи и выходим из самолета раньше всех,

еще одно преимущество перед тем, как сесть в первый класс.

Когда я захожу в терминал, все становится очень реальным. И внезапно я чувствую себя самой большой дурой на свете. Я даже не знаю, пойдут ли они мне навстречу. В пьяном угаре, когда я писала эти письма, я почему-то подумала, что было бы романтично пригласить их встретиться со мной в тени Эйфелевой башни на закате. Я всегда хотела увидеть, как башня заиграет этими сверкающими огнями, и в то время я думала, что это будет идеальным фоном для нашего воссоединения. Теперь я представляю себя стоящей там в одиночестве, когда день сменяется ночью, а их лиц нигде не видно.

— Мужайся, дорогая, — говорит мне Эдгар, еще раз сжимая мою руку, прежде чем удалиться. Я слышу громкий смех и вижу красивую пожилую женщину, практически бегущую к Эдгару. Он заключает ее в объятия и притягивает к себе для, должно быть, самого романтического поцелуя, который я когда-либо видела. Они привлекают взгляды большинства людей в терминале, но им абсолютно все равно. Эдгар показал мне фотографию своей жены в самолете, объяснив, что он переехал в Париж после встречи с ней. Он был в штатах по делам. Вы бы и не подумали, что он отсутствовал всего несколько дней.

Я хотела такой любви.

У меня была такая любовь. Вопрос в том, будет ли у меня это снова, пока не стало слишком поздно? Мысль поражает меня, как пуля в грудь. Девяносто дней. Смогу ли я воссоздать такую любовь за девяносто дней из обломков, которыми были мои отношения с Логаном, Куэйдом и Картером? Я не была уверена. Но этот поцелуй, который я только что увидела, определенно вселил в меня надежду.

Я добираться до отеля с рекордной скоростью. Я забронировала Four Seasons, потому что, повторяю, это мои последние три месяца, так что я вполне могу насладиться этим. Поездка пролетела незаметно, было на что посмотреть, и я чувствую себя менее больной и более бодрой. В этом городе есть энергия, которую я никогда раньше не ощущала.

Отель также самый красивый из всех, что я видела, и у меня отвисает челюсть, когда я вхожу в вестибюль. Я ловлю себя на мысли о том, как мыслят люди в целом. Мы копим и откладываем на пенсию, до которой доживем только в том случае, если нам необычайно повезет. Сколько жизни мы упускаем, перестраховываясь ради будущего, которого нам не обещают? Я смеюсь над собой. Я никогда не была склонна к самоанализу, но, думаю, смерть изменила это.

Я захожу в свою комнату и сразу же принимаюсь за работу, готовясь.

Я достаю длинное красное платье. Оно слишком нарядное для простой прогулки по городу, но этот момент кажется мне самым важным моментом в моей жизни. Моя мама привыкла называть свою одежду на день своей броней. И, стоя здесь, глядя на себя в красном платье, когда я тщательно наношу красную помаду, я наконец понимаю это. Я готовлю себя к битве, потому что если кто-нибудь когда-нибудь по-настоящему был влюблен, то он знает, что это и есть битва до конца.

Пришло время. И я плыву через вестибюль, привлекая пристальные взгляды, пока направляюсь к своему такси. Я как в тумане, ничего толком не вижу, пока мы направляемся ко входу на Эйфелеву башню. Солнце начинает садиться, как я и представляла, и огни башни мигают почти в ту же секунду, как я выхожу из машины. Это похоже на волшебство, за исключением того, что я смотрю вокруг и не вижу их.

Я оцепенело подхожу к месту, которое искала и о котором точно писала в письме. Я стою там в своем красном платье, ветер развеивает мои волосы, и я пытаюсь быть храброй и

не плакать. Как будто все эмоции, которые я когда-либо испытывала, решили одновременно безудержно пробежать по моему телу. У меня дрожат руки.

Я поворачиваюсь и смотрю на башню, задаваясь вопросом, как мне пережить этот момент полного разочарования. Потому что, честно говоря, это хуже, чем умереть, и затем я чувствую руку на своей талии, поворачиваюсь, и там стоит Логан, и он опускает свой рот к моему и дает мне все, в чем я никогда не подозревала, что нуждаюсь, и еще немного.

В этот момент я понимаю, что наша история любви на самом деле никогда не заканчивалась так, как я думала, потому что я люблю его, может быть, даже больше, чем раньше.

И я скучала по нему. И его поцелуй немного похож на надежду и очень похож на искупление. Я целую его, и мы погружаемся в забвение.

И я даже не помню, чтобы беспокоилась о том, что произойдет дальше.

ЛОГАН

Я опаздываю. Из-за шторма вылет задержался на час, и я даже подумываю о том, чтобы врезать водителю такси, если он не начнет ехать быстрее. У меня нет возможности связаться с Валентиной здесь, если я пропущу свое окно. Все, что у меня есть, это ее обратный адрес на этом конверте, и что мне с ним делать, сидеть на пороге ее дома и ждать, когда она вернется из европейского отпуска, о котором она говорила?

Да, на самом деле, это звучит как то, что я бы хотел сделать.

Я потираю грудь, кажется, в тысячный раз с тех пор, как получил ее гребаное письмо. Я забыл, на что похоже чувство чего-то... чего угодно на самом деле, но эта тревожная боль в моей груди, суровое напоминание обо всех других чувствах, без которых я жил так долго.

Такси наконец-то доставляет нас к Эйфелевой башне, и внезапно я застываю на своем сиденье, не уверенный, что смогу выйти. Проходит несколько минут, и водитель бормочет что-то по-французски, очень похожее на мудак. На этой ноте я расправляю плечи и выхожу из машины.

Башня светится передо мной, как какой-то гребаный фильм, тот самый, из тех романтических комедий, которые Валентина всегда хотела, чтобы я посмотрел, когда мы росли. Я иду, ищу ее, гадая, выглядит ли она так же. Десять лет, долгий срок.

Узнает ли она меня? Узнаю ли я ее?

Здесь многолюдно, я уверен, что эта часть города никогда по-настоящему не засыпает. Внезапно я вижу ее. Она стоит там в красном платье, как будто собирается на какой-то модный, блядь, бал. Она смотрит в другую сторону, и я позволяю себе на мгновение осознать это.

Это тот самый момент, когда я снова вижу любовь всей моей жизни.

Я был так чертовски зол на нее в течение многих лет. Я думал, что ненавижу ее. Но это чувство, которое я испытываю прямо сейчас, гораздо меньше похоже на ненависть, а гораздо больше на любовь. Или, может быть, действительно одержимость.

Любовь просто не кажется достаточно сильной.

Она — все, что я вижу.

Она — все, что я хочу видеть. Во веки веков.

Чем я занимался все эти годы, когда она существовала где-то в мире?

Я целеустремленно шагаю к ней, едва замечая, когда кто-то сильно ударяет меня по плечу, проходя мимо меня. Она по-прежнему отвернута от меня, ее плечи уныло опущены, я уверен, потому что я опаздываю.

Сначала меня поражает ее аромат, это идеальное сочетание клубники и сливок, которого, кажется, нет ни у кого другого в мире. Это мой самый любимый аромат в мире, и это еще одна вещь, без которой я удивляюсь, как я так долго жил.

Я делаю вдох прямо перед тем, как протянуть руку, мои руки дрожат от мысли прикоснуться к ней после стольких лет. Мой мозг на мгновение перестает соображать, когда я, наконец, касаюсь ее талии, и я ловлю себя на том, что кружу ее, и я не могу удержаться, чтобы не приблизить свой рот к ее.

Я издаю тихий стон, когда наши губы встречаются. Как будто все разбитые кусочки моей души внезапно встают на свои места, и в этот момент я наконец-то цел. То, чего я не чувствовал с того дня, как она ушла.

Я забыл, на что похож настоящий поцелуй.

Поцелуй Валентины, это то, на что похоже совершенство. Страстный. Она целуется от всей души. Каждый поцелуй, это событие, воспоминание, сокровище.

Ее губы так чертовски хороши. Она это все.

ВАЛЕНТИНА

Я ощущаю его знакомый вкус, выгибаюсь навстречу его поцелую, как будто мне никогда не будет достаточно. Он сжимает мою поясницу, притягивая меня за изгиб к своему телу, заставляя меня отклониться назад. Он рычит в мой открытый рот, пожирая меня.

Годы, которые мы потеряли, просто исчезают, и есть только я и он.

Чары разрушаются, когда прямо за спиной Логана кто-то прочищает горло. Мои глаза распахиваются и расширяются, когда я вижу Картера и Куэйда, стоящих там, со смесью агонии и похоти на их лицах при виде сцены, которую разыгрываем мы с Логаном. Я неохотно отстраняюсь от Логана, который издает тихий звук недовольства, когда наши губы отрываются друг от друга.

— Картер. Куэйд. — Говорю я, затаив дыхание. Честно говоря, это странное чувство, когда я могла полностью погрузиться в Логана, но все еще отчаянно хотеть Куэйда и Картера, всем своим существом.

Губы Картера жестоко изгибаются.

— Я должен был знать, что меня будет недостаточно для тебя, Валентина.

Слова звучат резко, как всегда, когда Картер был ранен. Я думаю, годы не сильно это изменили.

Логан обернулся и увидел своих бывших лучших друзей. Он напряжен, наблюдая за ними, зависая рядом со мной, как будто они могли протянуть руку и украсть меня в любую секунду.

Куэйд ничего не говорит. Он просто стоит там, пожирая меня глазами, не отводя от меня взгляда ни на секунду.

Я провела последние десять лет в одиночестве, о чем никогда не задумывалась на самом деле. Или, по крайней мере, так мне казалось. Я не уверена, как справиться с тем, что снова стала центром чьей-то вселенной.

Слова моего отца о родственных душах снова всплывают у меня в голове. На самом деле они никогда не уходят. Как получилось, что из всех, кого я встречала в своей жизни, только у троих была способность заставить меня чувствовать себя таким образом?

Я должна верить, что это не просто случайность.

— Все еще не можешь выбрать? — Сухо спрашивает Картер, и мои глаза впиваются его идеальное лицо. Мой потерянный мальчик теперь мужчина, потрясающе великолепный мужчина, который, я могу сказать, просто взглянув на него, не утратил того отчаяния, которое заставляло меня возвращаться к большему, как бы это ни было больно.

Я пока не отвечаю ему, мой взгляд метнулся к Куэйду. Если Логан был сердцем нашей маленькой группы, а Картер — душой, то Куэйд был тем самым пульсом жизни, который бил между нами. Трудно было представить время, когда у него не было улыбки на лице, шутки на устах, дьявольской идеи в голове.

Однако человеку, стоящему передо мной, всего этого недостает. В его глазах трагическая пустота, как будто из него высосали всю жизнь. Его жизнь. Я неукоснительно следила за его восстановлением после травмы, как и за каждым аспектом его карьеры. СМИ создали впечатление, что он был готов уйти в кратчайшие сроки, но человек, стоящий передо мной, определенно не посылал этого сообщения. Куэйд всегда был уверен в себе, что заставляло вас хотеть быть его другом, делать то, что он хотел, следовать за ним куда угодно.

Что с ним случилось?

Я отхожу от Логана, чтобы посмотреть на всех троих из них одновременно. Впервые я могу хорошенько рассмотреть Логана. Логан рос золотым мальчиком. Сочетание его ума и внешности всегда заставляло меня затаить дыхание, я не могла решить, что из этого мне больше нравится. Мужчина, стоящий передо мной, в этом смысле стал еще более опасным. Как и два других, с годами он стал только привлекательнее, но мягкости, которая всегда была в нем раньше, теперь нигде не видно. В его взгляде есть резкость, холодность, и, несмотря на жар поцелуя, которым мы только что обменялись, я ловлю себя на том, что отступаю от него на шаг просто потому, что этот взгляд мне настолько незнаком, что я не совсем знаю, что с ним делать.

В этот момент я прочищаю горло, принимая решение. Я была полна решимости не рассказывать им о своей болезни до этого момента. Я почему-то предполагала, что нам вчетвером будет легче держаться вместе, чем то, что я вижу прямо сейчас.

Но при взгляде на них становится очевидно, что это не так.

Здесь потребуется другой подход.

И одна маленькая ложь действительно никому не повредит... верно?

ГЛАВА 6

ТОГДА ВАЛЕНТИНА

— Папа? — Я нервно замолкаю, прислоняясь к кухонной стойке, пока мой отец нарезает овощи для вечернего жаркого.

— В чем дело, малыш?

— Что ты сказал бы, если бы я отправилась в поход?

— Хм, — бормочет он, кладя нож на разделочную доску, чтобы уделить мне все свое внимание. — Это гипотетический вопрос, или ты спрашиваешь у меня разрешения отправиться в поход?

— Думаю, немного и того, и другого.

— Тогда ответом должно быть твердое нет, — отвечает он, возвращаясь к своей задаче.

— Почему?

Мой отец снова прекращает то, что он делает, с громким выдохом, и на этот раз поворачивается на бок, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Вэл, мне нравится, что ты чувствуешь себя достаточно сильной, чтобы хотеть делать все эти новые вещи, но ты должна дать мне немного времени, чтобы я со всем этим разобрался. Мне нелегко так внезапно расстаться с этим. Ты понимаешь это, не так ли?

— Понимаю. Мне просто нужно было выложить это тебе на случай, если ты уступишь.

— Ну, этого не произойдет. Может быть, в следующем году.

Я раздраженно закусываю нижнюю губу, не желая, чтобы на этом обсуждение заканчивалось.

— Просто это последняя неделя лета. В следующий понедельник я буду в новой школе, и что, если тогда все изменится?

— Ты говоришь о мальчиках?

Я смущенно киваю.

— Эти мальчики обожают тебя. Они обожают тебя с того дня, как встретили. Посещение школы этого не изменит. — Объясняет он с уверенностью, которую я не разделяю.

— Но у них там будут все эти другие друзья. Друзья, которых я даже не знаю.

— Я уверен, что они представят тебя и ты почувствуешь себя желанным гостем.

— Наверное, — бормочу я.

Он снова прислоняется к кухонной стойке, в его глазах пляшет любопытство, когда он смотрит на меня.

— Какое отношение начало занятий в школе на следующей неделе имеет к походу?

Я пожимаю плечами.

— Думаю, никакое. Просто вчера Логан рассказал мне, как его отец всегда брал его с собой в поход в Браун-Оукс, когда возвращался из одного из своих туров. Он был так взволнован, рассказывая обо всех тех случаях, когда они с отцом отдыхали в кемпинге, но потом ему стало грустно, потому что он не знает, когда его отец вернется домой. Может быть, даже не на Рождество. Я просто подумала... если бы мы отправились в поход с Куэйдом и Картером, это бы его взбодрило.

— А, понятно, — проникательно отвечает он.

Я морщу нос и склоняю голову.

— Это глупая идея, не так ли?

— Нет, малыш. Ничто из того, что ты можешь сделать, чтобы подбодрить друга, никогда не может считаться глупым. Ты хочешь сделать что-то приятное для Логана, что вполне понятно. Вот что я тебе скажу, как насчет того, чтобы вместо похода в Браун-Оукс устроить его прямо здесь, на нашем заднем дворе?

— Не уверена, что это будет то же самое.

— Ты права. Но будет лучше. Я поставлю палатку для всех вас и разведу небольшой костер в яме снаружи. Вы можете делать всякие глупости, рассказывать истории о привидениях и потратить на это целую ночь. Я буду спокоен, зная, где ты и что я в нескольких секундах отсюда, если понадобится тебе. Это беспроектный вариант. — Объясняет он, довольный своим вариантом. Я, однако, вижу его таким, какой он есть. Мой папа по-прежнему непреклонен в том, чтобы держать меня на коротком поводке, следя за тем, чтобы он все время не спускал с меня глаз. Я понимаю, к чему он клонит, но сейчас все по-другому. Теперь я другая, и чем скорее он поймет это, тем лучше.

— Папа, со мной все будет в порядке. Я в порядке. Ты должен немного расслабиться, — раздражаюсь я.

— И я так и делаю. Мое нежелание не имеет ничего общего с твоим здоровьем, Вэл, и больше связано с ситуацией. Я сомневаюсь, что многие родители позволили бы своей единственной дочери отправиться в поход с тремя мальчиками-подростками. Ты должна согласиться со мной, что не каждый отец был бы таким снисходительным. — Он шевелит бровями, глядя на меня, заставляя меня смеяться.

— Я никогда не думала об этом с такой точки зрения.

— Это потому, что ты молода и наивна. Но я знаю, каково это — быть возбужденным тринадцатилетним мальчиком.

— Боже, пап! Не говори таких вещей. Они мои друзья. Мои лучшие друзья.

— Малыш, это все еще не значит, что они не похотливые маленькие ублюдки.

Я закатываю глаза, потому что на самом деле я мало что могу сделать. Папа однажды сказал, чтобы я выбирала свои битвы, и эта не стоит таких хлопот.

— Могу я задать тебе вопрос? — Спрашивает папа, его тон становится немного более серьезным.

— Он будет риторическим или гипотетическим? — Я поддразниваю, заставляя его усмехнуться.

— Есть ли какой-то конкретный мальчик, который тебе нравится больше остальных? Из всех трех мальчиков есть только один, к которому ты чувствуешь себя ближе?

Я чешу висок и напряженно думаю над этим неожиданным вопросом.

— Я не знаю. Я действительно никогда не думала об этом, — честно отвечаю я.

— Хм. Давай попробуем по-другому. Что, если бы я попросил тебя назвать одно из

имен мальчика прямо сейчас, в эту самую минуту, кто бы это был?

Все три имени расплываются у меня в голове, и я с трудом могу сосредоточиться, не говоря уже о том, чтобы выбрать одно.

— Я не могу, — отвечаю я в замешательстве.

Мой папа, однако, кажется, не так озадачен, как я, тем, как он понимающе улыбается.

— Ага. Так я и думал. Ах, малыш, как я тебе завидую.

— Что? Почему?

— Потому что ты нашла то, что большинство людей ищут всю свою жизнь. Некоторые даже возвращаются с пустыми руками в своих поисках, — отвечает он, и в конце его замечания присутствует оттенок меланхолии.

— Что я нашла?

— Твои родственные души.

Я смотрю на своего отца, еще более сбита с толку, чем минуту назад. Когда мой отец понимает, что я понятия не имею, о чем он говорит, он кладет руки мне на плечи, его добрые глаза смягчаются.

— Родственная душа, это та, кто просто подходит тебе всеми возможными способами. Как будто она сделана из той же ткани, что и ты, и когда она рядом, кажется, что она просто дополняет тебя.

— О, — шепчу я, покусывая нижнюю губу, все еще пытаюсь осмыслить то, что пытается сказать мне мой отец.

— Я твердо верю, что в жизни каждого человека есть родственные души, готовые заполнить ту пустоту внутри нас, о которой мы даже не подозревали. Тебе, моя милая дочь, посчастливилось найти все недостающие части твоей сложной головоломки за один раз.

— Я не понимаю. — Я качаю головой, все еще не понимая, что мой отец так усердно пытается объяснить.

— Хорошо, позволь мне выразить это по-другому. Если бы я сказал тебе, что Логан уезжает с нашей улицы и ты больше не сможете его увидеть, что бы ты почувствовала?

Потерю.

— А если бы я сказал то же самое про Куэйда?

Умерла бы от горя.

— А Картер?

Опустошение.

— Видишь? — Спрашивает мой отец, видя мое расстроенное выражение лица при каждом его гипотетическом вопросе. — Все три вводят тебя в курс дела именно так, как должны. И я думаю, что ты для них то же самое, что и они друг для друга. Вы четверо похожи на магниты в компасе. Возможно, вы движетесь в разных направлениях, но остаетесь связанными в самом центре... прекрасный компас, который всегда укажет вам обратный путь друг к другу, какие бы трудности ни ждали вас впереди.

— Мне это нравится. — Я улыбаюсь, в моей груди становится тепло от этой идеи.

— Мне тоже. Я рад, что ты нашла их. Дорожи вашей дружбой. Лелей ее и смотри, как она расцветает. Если ты это сделаешь, я уверен, что однажды ты обнаружишь, что то, что привязывает вас друг к другу, в конечном итоге станет чем-то гораздо большим, чем то, что у вас есть сейчас. Что-то настолько редкое и драгоценное, что, я не сомневаюсь, наполнит все ваши дни истинным счастьем. Я просто рад быть свидетелем всего этого. — Говорит он нежно, с блеском в золотистых глазах.

— Папа, ты становишься мягким со мной? — Спрашиваю я, когда вижу, что его глаза начинают слезиться.

— Нет, детка. Когда ты станешь мамой, ты поймешь, что я чувствую. Видеть своего ребенка счастливым и полноценным, здоровым и любимым, это все, на что я когда-либо мог надеяться. Особенно после всех препятствий, которые жизнь поставила перед тобой в таком раннем возрасте. Все мои молитвы были услышаны, и я так горжусь тем, что я твой отец.

— Пап, ты доведешь меня до слез, — говорю я ему, мое горло начинает сжиматься, когда я вижу своего отца таким эмоциональным.

Он обнимает меня, целуя в макушку. Я расслабляюсь в его объятиях и позволяю ему взять себя в руки. Это занимает у него минуту, но, когда он отпускает, он возвращается к своему жизнерадостному состоянию.

— Позвони мальчикам, мальщ, и скажи им, чтобы они не строили никаких планов на эту пятницу. У нас будет наш первый в истории кемпинг в стиле Росси.

Когда, наконец, наступает день нашего кемпинга, меня переполняет радостная энергия. Возможно, папа и не позволил мне поехать в настоящий поход, как я хотела, но он приложил все усилия, чтобы загладить разочарование. Палатка на нашем заднем дворе достаточно большая, чтобы разместить наши четыре спальных мешка рядом друг с другом, но поскольку ночь очень жаркая, мы вытаскиваем их и делаем небольшой круг на траве, чтобы мы могли смотреть на полную луну над нашими головами. В отличие от консерв, которые, по словам Логана, он ел во время своих обычных походов с отцом, мой отец приготовил нам на гриле несколько чизбургеров и хот-догов. Конечно, он дал мне вегетарианский бургер вместо настоящего, всегда заботясь о моем здоровье, но я была слишком счастлива, чтобы жаловаться. Особенно после того, как Картер позволил мне заменить мой бургер своим после того, как убедился, что папа видел, как я откусила несколько кусочков от моего.

Мы проводим большую часть ночи, слушая шутки Куэйда и все самые дурацкие истории о привидениях, которые Логан может вспомнить, в то время как Картер снимает все, делая кадр за кадром своей верной камерой. Я так счастлива и довольна тем, что у меня есть немного нормальной жизни, что это заставляет меня мечтать обо всех других вещах, которые я хочу испытать.

— Если бы у вас было три желания, любых, какими бы они были?

— Это просто. Я бы использовал свое первое желание, чтобы получить неограниченное количество желаний. — Куэйд закатывает глаза, как будто это было несложно.

— Вечно ты жадный, — бормочет Логан, подталкивая Куэйда локтем в плечо, пока тот не падает плашмя на спину.

— Нет, я серьезно. У вас есть только три желания, — подтверждаю я, любопытствуя, какими они могут быть для каждого из них.

Всем трем мальчикам требуется долгая минута, чтобы обдумать это, Логан высказывается первым.

— Если бы мне пришлось выбирать только из трех, то я бы выбрал полный проезд в колледж Лиги плюща на востоке, а затем работу на Уолл-стрит, — говорит он, и его ответ доказывает, что он всегда будет более зрелым из нашей четверки. — Последним желанием было бы, чтобы мы всегда оставались так близки, как сейчас, — добавляет он, и легкий румянец окрашивает его щеки.

Я улыбаюсь ему, давая понять, что я тоже этого хочу, а затем обращаю свое внимание на зеленоглазого мальчика, который выглядит странно задумчивым.

— А как насчет тебя, Куэйд? — Мягко спрашиваю я, надеясь вывести его из задумчивости.

— Хм, я хочу, чтобы мы навсегда остались лучшими друзьями, это само собой разумеющееся, — отвечает он, пожимая плечами, как будто невозможно просить о чем-то другом. — И однажды я хочу играть за Даллас Ковбойз, а после того, как я выиграю кучу колец за Суперкубок, я хотел бы иметь свою собственную семью. Стать таким отцом, которого у меня не было.

Последнее утверждение задевает за живое, и по тому, как он отказывается смотреть кому-либо из нас в глаза, я знаю, что это было признание, которое он предпочел бы оставить при себе. Не желая продлевать его неловкое состояние, я смотрю на Картера, надеясь, что он сможет разрядить тяжелую атмосферу.

— Картер, твоя очередь.

— Это глупо, — ворчит он, вырывая траву с корнями рядом с собой.

— Перестань быть мудаком, Картер, и просто ответь на чертов вопрос, — делает выговор Логан.

— Нет. Желания, это глупо. Они не сбываются, как бы сильно вы этого ни хотели, так зачем вообще беспокоиться?

— Господи, придурок! Прекрати свои месячные и просто поиграй в эту чертову игру, — воеет Куэйд, взбешенный тем, что его друг не хочет играть после того, как он показал свое уязвимое подбрюшье.

— Нет! — Картер огрызается на него.

— Отлично! Я отвечу за этого долбоеба. Он хочет доставать нас всю оставшуюся жизнь, потому что в глубине души он нас до чертиков любит. Придурок также хочет однажды стать крупным фотографом, чтобы его снимки попадали на обложки журналов, галерей и прочее дерьмо, — шутит Куэйд, притворяясь, что делает снимки невидимой камерой.

— Остается еще одно желание, — поддразнивает Логан. — Как насчет неограниченного запаса черных футболок, кожаных курток и байкерских ботинок?

— О, это хорошо. Но должно быть что-то получше, чтобы соответствовать его черному сердцу, — насмешливо говорит Куэйд, делая вид, что напряженно думает о том, чего Картер мог бы пожелать. Но прежде, чем он успевает придумать что-нибудь столь же забавное, отвечает Картер.

— Я хотел бы, чтобы мои родители были еще живы! Для вас этого достаточно, придурки?

Все мгновенно замолкают, вспышка гнева Картера стирает улыбки с наших лиц.

— Я же говорил вам, что это глупая игра. Нет смысла желать того, чего у тебя никогда не будет, — выплевывает он.

— Это неправда, Картер. Если ты хочешь этого достаточно сильно, у тебя могут быть некоторые из этих желаний. Мы не можем изменить наше прошлое, но мы можем что-то сделать с нашим будущим.

Он поворачивается ко мне спиной и смотрит на небо, вероятно, не веря ни единому моему слову. Полная решимости спасти эту ночь и показать Картеру, что, хотя наше прошлое не наполнено великолепными радугами, наше будущее не должно казаться таким безнадежным, я поднимаюсь с земли и иду в дом, храп моего отца отражается от стен, говоря мне, что он вышел из игры. Я иду в его кабинет и беру четыре его желтых блокнота и несколько черных ручек. Когда я возвращаюсь на задний двор, я вижу, что Логан пытается подбодрить Картера, но безуспешно, судя по сердитому выражению лица темноглазого мальчика.

— Вот, — говорю я им, вручая по блокноту и ручке каждому из них, оставляя по одной для себя.

— Что это? — С любопытством спрашивает Логан.

— Мы собираемся составить список. На этот раз настоящий список всего, что мы хотим сделать с этого дня. Он может быть таким же большим, как и маленьким. Предел, это небо. Просто запишите все, чего вы хотите достичь в жизни, потому что, поверьте мне, это драгоценно и быстротечно. Мы не должны тратить ни секунды на жалость к самим себе.

— Написание списка кажется мне довольно расточительным занятием, — неубедительно бормочет Картер.

— Картер Хейз! Просто напиши этот чертов список! — Кричу я, расстроенная тем, что он не может заглянуть за пределы своего горя достаточно долго, чтобы оценить то, что у него есть и что могло бы быть в будущем.

— Что я получу взамен? — Самодовольно спрашивает он с огоньком в глазах, который обещает всевозможные неприятности.

— Чего ты хочешь?

— Поцелуй, — беспечно отвечает он, заставляя мои щеки вспыхнуть.

— Что? — Заикаюсь я.

— Ты слышала меня. Я хочу твой поцелуй.

— Это шантаж. — Хмурюсь я, скрещивая руки на груди.

— Я рассматриваю это как стимул. Прими это или оставь. В противном случае я не буду этого делать.

— Картер, перестань быть мудаком.

— Заткнись, Логан, — приказывает Куэйд, прикусывая нижнюю губу. — Ты когда-нибудь целовалась с кем-нибудь раньше, Вэл?

— Нет.

— Я тоже, — робко признается он, вызывая насмешку Логана, стоящего рядом с ним. — Даже не притворяйся, что ты это делал, придурок. Я точно знаю, что ты тоже ни с кем не целовался.

Логан бросает кинжалы в Куэйда, молча приказывая ему держать рот на замке, но, похоже, у Куэйда другое представление о том, что он должен делать своим ртом.

— Как я уже говорил, я готов составить любой список, который ты захочешь, Вэл, при условии, что ты знаешь, что первое, что я запишу, будет мой первый поцелуй сегодня вечером, и я хочу, чтобы ты подарила его мне.

Картер откатывается назад, прижимаясь животом к земле, и с гордой ухмылкой толкает

Куэйда кулаком.

— Как он и сказал. Ты хочешь, чтобы я написал список, тогда это будет самое первое, что и я напишу.

Я закусываю нижнюю губу и смотрю на разумного Логана, молясь, чтобы он вытащил меня из этого. Но по тому, как его брови хмурятся, и он продолжает задумчиво постукивать ручкой по блокноту, я вижу, что от него я тоже не получу никакой помощи.

— Я бы тоже хотел свой первый поцелуй, — наконец робко признается он, подтверждая мои подозрения.

Я закатываю глаза и смотрю на небеса. Может быть, папа все-таки был прав. У меня действительно есть лучшие друзья-похотливые мальчишки-подростки. Ах! Но опять же, было бы не так уж плохо впервые поцеловаться со своими лучшими друзьями, не так ли? Рано или поздно я обязательно это сделаю. И, по правде говоря, я все равно не могу представить себя целующейся с кем-то, кроме них, так что какой вред в моем первом поцелуе сегодня вечером?

— Отлично. — Я поднимаю руки над головой. — Но если мы собираемся это сделать, то должны быть осторожны в этом. Я не хочу, чтобы мой папа внезапно вышел на улицу, чтобы проверить, как мы, и взбесился, когда увидел, как я всех вас целую. Я зайду в палатку, и вы сможете заходить по одному, чтобы получить свой дурацкий поцелуй, но только после того, как мы составим наш список. Договорились?

Вопрос еще даже не слетел с моих губ, когда все трое начинают что-то бешено писать на листе бумаги. Я не могла удержаться от хихиканья над их рвением. Да, папа был определенно прав... рогатые псы, их много. Логан первым вырывает свой список из блокнота и передает его мне.

— Готово, — кричит он, одаривая двух других парней дерзкой ухмылкой.

— Мудак, — слышу я, как Куэйд бормочет себе под нос, в то время как Картер даже не поднимает головы от блокнота, очевидно, борясь со своим собственным списком. На моем виске появляются морщинки от беспокойства о моем темноволосом друге.

— Должен ли я зачитать свой вслух? — Спрашивает Логан.

— Если ты захочешь.

Он дословно повторяет свой список со всеми вещами, которые он говорил раньше, плюс некоторыми новыми, о которых я не знала. Я немного разочарована тем, что он добавил много материальных вещей. Что-то подсказывает мне, что еще до того, как мне пришла в голову эта идея со списком желаний, Логан, должно быть, уже потратил уйму времени на размышления о том, чего он хочет, особенно когда дело дошло до денежного аспекта. Даже если я не разделяю его желаний, я понимаю, к чему он клонит. У него большая семья, на которую поступает только военная зарплата его отца, поэтому я не должна удивляться, что он мечтает однажды обзавестись кучей навороченных гаджетов и шикарных автомобилей.

Я наклоняю голову, молча говоря Логану следовать за мной в палатку. К тому времени, как мы оба заходим внутрь, мое сердце бешено колотится.

— Ты не обязана этого делать, понимаешь? Мы можем просто притвориться, что целовались. Или сказать парням, что ты передумала.

— Ты не хочешь поцеловать меня? — Спрашиваю я, немного обиженная тем, что он пытается дать мне выход из нашей сделки.

— Хочу. Но я не хочу заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Ты хочешь поцеловать меня?

На его лицо опускается пелена уязвимости, проникающая в мое сердце. Вместо того, чтобы ответить на его вопрос, я подползаю ближе к нему, пока мы не оказываемся на расстоянии волоска друг от друга. Кристально-голубые глаза Логана сияют в предвкушении, пока он стоит на своем, ожидая, когда я сделаю следующий шаг.

— Закрой глаза, — шепчу я. Его адамово яблоко отчаянно дергается, когда его веки закрываются.

Я облизываю внезапно пересохшие губы и наклоняюсь к нему еще ближе. Я закрываю глаза, как раз когда наши губы робко соприкасаются. Губы Логана мягкие и нежные, когда они прижимаются к моим. Я могу сказать, что он никогда не делал этого раньше, и я уверена, что он может сказать то же самое обо мне. И все же, есть что-то в этом простом нежном поцелуе. Как будто это обещает стать только началом чего-то. Чего-то, от чего мое сердце сильно бьется в груди, а ладони становятся липкими. Через минуту я отстраняюсь и прикладываю руки к разгоряченным щекам.

— Все хорошо? — спрашивает он хрипло, его глаза полуприкрыты.

Это было идеально, хочу я сказать ему, но вместо этого киваю, поскольку у меня не хватает слов. Свет в его глазах продолжает искриться, а на губах появляется застенчивая улыбка.

— Это был мой первый поцелуй, так что ничего страшного, если он тебе не очень понравился.

— Мне очень понравилось, Логан.

Мне это понравилось. Он берет меня за руки и переплетает свои пальцы с моими.

— Спасибо.

— За что?

— За поцелуй. За то, что переехала сюда. За то, что стала нашим другом. Выбирай сама.

С застенчивой счастливой улыбкой, которая появляется на моем лице, ничего не поделаешь, и я наклоняюсь и целую его в щеку. Он кладет на нее раскрытую ладонь, словно наслаждаясь этим жестом, и мое сердце делает сальто назад от того, как он смотрит на меня.

— Мы закончили! — ревет Куэйд снаружи палатки.

Логан издает долгий преувеличенный вздох, пока я подавляю свой собственный.

— Думаю, мне лучше впустить одного из них, а? Но если они станут слишком резвыми, бей их по яйцам, пока я не войду внутрь и не закончу работу, — поддразнивает Логан, даже если он имеет в виду каждое слово.

— Хорошо.

В ту минуту, когда он выходит из палатки, бабочки в моем животе начинают буйствовать. Я баюкаю свой живот, надеясь успокоить их, но это бесполезно. Когда Куэйд входит в палатку с глупой улыбкой на лице, я не могу удержаться от смеха, и мои нервы немного успокаиваются.

— Ты готова к тому, что я переверну твой мир, милая? — Шутит он, подмигивая.

Из моего горла вырывается очередной смешок, и мое лицо начинает болеть от такой усердной улыбки. Куэйд производит на меня такой эффект. Просто он такой, какой есть. У него есть умение смешить меня при каждой возможности, которую он находит. Теперь все мои нервные срывы прошли, и единственный человек, на которого я обращаю внимание, это мой игривый глупый друг.

— Я готова, если ты готов, — поддразниваю я его в ответ, подмигивая.

На коленях он подползает ко мне, а затем останавливается, выражение его лица

меняется, его великолепная улыбка внезапно исчезает с него.

— Что не так?

— Я только что вспомнил, что у меня фигурные скобки, — обескураженно отвечает он.

— И что?

— Так что, возможно, это не то, чем я хочу, чтобы это было. Возможно, я отстой.

— Я в этом очень сомневаюсь, — пытаюсь утешить я, сжимая его колено для дополнительного комфорта.

— Я имею в виду, я уже обречен на провал. После Логана, ты уже знаешь, как целоваться, так что, если я полностью провалюсь...

— Один поцелуй не делает меня экспертом, Куэйд. — Хихикаю я.

— Но ты увидишь разницу. Я имею в виду, посмотри на это дерьмо? — Он указывает на свою металлическую улыбку.

— Куэйд, иди сюда, — шепчу я ему. Я кладу раскрытую ладонь на его лицо. — Ты один из самых симпатичных мальчиков, которых я когда-либо видела, с брекетами и всем прочим. Для меня было бы честью стать твоим первым поцелуем.

— Ты уверена? — Он надувает губы.

— Я уверена.

— Хорошо. Но без языка! — Он указывает на меня пальцем. — Я не хочу, тебя порезать или что-то в этом роде.

— Ладно, без языка. Обещаю. — Я смеюсь, потому что, даже когда он такой уязвимый, он все еще способен рассмешить меня.

Он наклоняется и закрывает глаза, прежде чем я успеваю спросить его. Когда его пухлые губы достигают моих, мое сердце переворачивается само по себе. У него могут быть холодные брекеты на зубах, но его губы теплые и манящие. Он слегка посасывает мою нижнюю губу, и я вздыхаю ему в рот. Поцелуй Логана был сладким и нежным. Куэйд, однако, это совсем другая игра с мячом. Он игрив любопытен и жаждет узнать, каковы на вкус мои губы. Когда Куэйд отстраняется, его зеленые глаза горят, и мне трудно не выглядеть так же.

— О, вот мой список, — рассеянно заявляет он, вкладывая бумагу мне в руки.

— О-окей, — заикаюсь я, все еще немного шокированная его поцелуем. Он подмигивает мне, прежде чем покинуть палатку, и я теряю дар речи.

Я все еще не смирилась со своим вторым поцелуем за ночь, когда в палатку заходит Картер. Он оглядывает меня с ног до головы своими темными глазами, и я ерзаю в сидячем положении. Возможно, мне следовало попросить тайм-аут. Господь свидетель, я не уверена, готова ли я поцеловать Картера прямо сейчас. Он протягивает мне список, и я склоняю голову, чтобы прочитать то, что он записал, и, надеюсь, выиграть себе немного времени, чтобы вернуть самообладание. Однако мне не так повезло, поскольку на нем написано только одно предложение.

Поцеловать Валентину — моя единственная цель.

Разозленная тем, что он больше ничего не написал, я снова поднимаю на него взгляд. Но прежде, чем я успеваю высказать ему свое недовольство, Картер хватает меня за затылок и целует. С его широко открытыми глазами у меня перехватывает дыхание от того, как хорошо он целуется. Возможно, я была первым поцелуем Логана и Куэйда сегодня вечером, но я уверена, что не у Картера. Не из-за того, как умело он играет с моими губами. Его поцелуй, доминирующий и уверенный, точный и изысканный. Как бы сильно я

ни хотела держать глаза открытыми, чтобы в ответ заглянуть в его темную бездну, мои веки смыкаются, и мой рот берет верх. Его сильное прикосновение к моей шее только усиливает поцелуй.

Каждое движение, которое делает Картер, напористое и контролирующее, и когда тихий стон срывается с моих губ, я чувствую, как краснеет каждая частичка моего тела. Я собираюсь отстраниться, чтобы не унижать себя дальше, но его хватка на мне не ослабевает, побуждая меня продолжать. Его язык выглядывает и осторожно облизывает мою нижнюю губу, пытаюсь создать небольшую щель. Меня так и подмывает раскрыть и выпустить свой язык, просто чтобы коснуться его, пусть даже всего один раз, но что-то удерживает меня.

Или, может быть, не что-то, а кто-то. Двое, если быть более точным.

Я неохотно отталкиваю его, мое дыхание становится тяжелым, а сердце бьется еще сильнее. Я смотрю на него, когда он потирает подушечкой большого пальца нижнюю губу.

— Ты солгал, — дрожащим голосом произношу я. — Ты целовался раньше.

На его лице появляется дерзкая ухмылка, он не отрицает этого.

— Я никогда не говорил, что нет. Но они не в счет, — признается он, разбивая мое сердце и одновременно ускоряя его. — Это был единственный поцелуй, которого я действительно хотел.

Я нервно кусаю губу и отворачиваю от него голову, чтобы он не увидел, как он повлиял на меня.

— Ты злишься, — шепчет он, когда тянет меня за плечо, чтобы я снова повернулась к нему лицом.

— С чего бы мне злиться? — Обрываю я ответ.

— Понятия не имею. Я не возражал против того, что я не был твоим первым поцелуем, Вэл. Так почему ты расстроена, что не была моим?

— Я не говорила, что я расстроена.

— Тебе и не нужно было.

Я закатываю глаза и начинаю выползать из палатки, чтобы отойти от него на некоторое расстояние, просто чтобы Картер остановил меня, прежде чем я смогу сбежать. Он берет меня за плечи и выпрямляет, черты его лица непреклонны.

— Послушай меня. Возможно, ты не была моим первым поцелуем, но ты была первой, кто что-то значит.

— Неважно, — бормочу я, освобождаясь от его хватки, чтобы снова попытаться пройти мимо.

— Важно. И просто чтобы не было путаницы, это будет не последний поцелуй, который я тебе подарю. Я могу тебе это обещать.

— Ха! — Сдавленный смех покидает меня. — Что, если я не хочу целовать тебя снова?

— О, ты хочешь, Валентина. Я знаю, что хочешь. Но у нас есть время. У нас есть все время в мире. И в следующий раз это ты будешь просить меня о поцелуе, а не наоборот.

— Я бы не стала ставить на это, — говорю я ему сквозь стиснутые зубы, не совсем понимая, почему я так себя чувствую.

— Я никогда в жизни ни на что не ставил. Но если бы мне пришлось, я бы поставил свою жизнь, Валентина. Однажды мы закончим то, что начали прямо здесь. Вот насколько я уверен.

Он отпускает меня, и я выбегаю на улицу, благодарная за то, что дует легкий ветерок, который освежает меня. Но когда мой взгляд останавливается на Логане, затем на Куэйде и,

наконец, останавливается на Картере, в моей голове возникает животрепещущий вопрос.

Что я начала сегодня вечером?

ГЛАВА 7

СЕЙЧАС

ВАЛЕНТИНА

— Меня снова тошнит, — выпаливаю я, внимательно наблюдая за их лицами.

Логан делает шаг ко мне, и я протягиваю руку, чтобы остановить его.

— Я снова заболела, и это расставило все по своим местам. За последние десять лет я прожила половину жизни. Я просто выполняла необходимые действия. И болезнь просто напомнила мне, что у меня есть только одна жизнь, и я не хочу прожить ее без вас троих.

Я делаю глубокий вдох. Они трое пристально смотрят на меня.

— Однажды, когда мы были детьми, мы составили список всего, что хотели бы сделать. Я хочу провести следующие три месяца, занимаясь всем этим вместе с вами.

Я смотрю на них, убеждаясь, что они знают, что мои слова предназначены как для каждого из них в отдельности, так и для всей группы.

— Итак, у вас есть выбор прямо сейчас. Вы можете воспользоваться этим шансом вместе со мной и выполнить этот список, или вы можете уйти прямо сейчас и провести остаток своей жизни, размышляя о том, что могло бы быть.

Вокруг нас шумно, но с таким же успехом мы могли бы быть вчетвером так как казалось, что мы находимся в нашем собственном отдельном мире.

— У тебя ремиссия? — Спрашивает Куэйд, и у меня сводит живот, потому что я знаю, что как только я совру об этом, они никогда не простят меня, когда узнают правду.

— Лучше, чем когда-либо, — радостно говорю я ему, хотя слова обжигают мой язык, как кислота.

Логан первым подошел ко мне и взял за руку, доказывая, что мальчик, которого я знала, все еще внутри него. Логан всегда был первым, кто что-то делал для меня. Мои щеки горят, когда я думаю об одном конкретном первом, и я отгоняю эти мысли. Сейчас не время.

Куэйд следующий, он берет меня за другую руку и возвращает на место еще одну разбитую часть меня. Честно говоря, мы как будто вернулись в прошлое. Так было всегда: они вдвоем вели, а Картер маячил на окраине, не торопясь, чтобы я всегда знала, что он может уйти в любой момент.

Я осознаю прикосновения Куэйда и Логана, чем когда-либо ощущала что-либо еще. От них в меня словно проникают крошечные разряды. Однако я не отрываю взгляда от Картера. Если он уйдет прямо сейчас, двое других все равно сделают мои последние дни лучше, чем я могла бы когда-либо мечтать. Они никоим образом не являются утешительным призом. Но если Картер решит уйти от меня, по крайней мере, часть меня погибнет

преждевременно. Для меня они всегда были комплексным предложением, каждый дополнял меня по-разному, и чего-то всегда будет не хватать, если один из них исчезнет.

Картер смотрит на меня, и в его взгляде ненависть. Время сделало меня слабой, потому что его ненависть ударяет мне в грудь, пытаюсь проникнуть внутрь меня и стереть всю храбрость, и выпивку, которая говорила мне, что это хорошая идея.

— Тебе же все равно, если я уйду? — Рычит на меня Картер. Его первым инстинктом всегда было наброситься на меня, прежде чем он сможет пострадать.

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос, — говорю я ему так тихо, что даже не уверена, слышит ли он меня.

Картер внезапно бросается ко мне, но я не отстраняюсь. Из его груди вырывается вымученное рычание, когда он накрывает мой рот своим, открытым с самого начала, проникая языком внутрь. Я отпускаю двух других и сжимаю волосы Картера в кулаке, дергая и дергая, пока мы не соединяемся и я не оказываюсь в его объятиях. Этот поцелуй полон обещаний, и он продолжается до тех пор, пока у меня не закружилась голова, пока воздух не стал густым от напряжения, а мое тело не жаждало его восхитительным, пульсирующим образом.

Куэйд прочищает горло рядом с нами, и я возвращаюсь на Землю, чувствуя легкое головокружение после двух страстных и неожиданных поцелуев, полученных за последние десять минут.

Картер вздыхает, словно мощный эликсир на моих губах. Отстраняясь ровно настолько, чтобы его взгляд нашел мой, он проводит пальцами по моей челюсти. Нам нужно сказать так много слов. Ненависть все еще в его глазах, но видно и что-то, очень похожее на любовь. И я могу с этим работать. Я привыкла чувствовать себя виноватой за свои чувства к ним троим, поэтому, когда я наконец смотрю на двух других, мой первый инстинкт — покраснеть и отвести глаза.

Я больше этим не занимаюсь, говорю я себе, и вместо этого не спеша смотрю на каждого из них, словно провоцируя их что-то сказать. Когда никто этого не делает, яркая вспышка надежды пробегает по моему телу.

— Нам есть о чем поговорить, — говорю я им. — Но я так рада, что вы здесь.

Куэйд обнимает меня за талию.

— Как насчет того, чтобы поменьше разговаривать и побольше пить, — предлагает он с ноткой нервозности в голосе.

— На вершине башни есть бар с шампанским, — мурлычу я, отрывая взгляд от великолепного лица Куэйда, чтобы снова сосредоточиться на сверкающей великолепии чуда передо мной.

— Показывайте дорогу, миледи, — говорит он мне, начиная вести меня к выходу. Рука Логана касается моей поясницы, и дрожь пробегает по мне. Картер молча следует за нами, как всегда, но я чувствую на себе его пристальный взгляд, пока мы идем.

Мы поднимаемся на лифте на второй этаж, прежде чем пересест в другой лифт, чтобы подняться наверх. Когда мы достигаем вершины, становится холодно. Ветер дует в лицо, но я не возражаю, особенно когда передо мной раскинулся ночной Париж. Однако на самом деле немного сложно сосредоточиться на жемчужине города, потому что я не могу поверить, что они действительно здесь. Мои фотографии не отдавали им должного. Мое преследование в Интернете тоже не помогло. Похоже, у них та же проблема, потому что я каждый раз замечаю, что они тоже смотрят на меня.

В воздухе вокруг нас витает неловкость. Никто из нас не уверен, что сказать. В тот последний раз было произнесено так много жестких слов. Я все еще чувствую, как они витают вокруг нас. Мое сердце скорбит по всем тем годам, когда мы могли сказать друг другу все, что угодно. Трое мужчин, стоящих вокруг меня, с таким же успехом могли быть незнакомцами.

Куэйд убирает волосы с лица. Они намного длиннее, чем он носил в детстве, и у меня руки чешутся прикоснуться к ним.

— Может, нам зайти внутрь? — спрашивает он, и остальные из нас кивают, благодарные за что угодно, лишь бы снять это удушающее напряжение.

Мы заходим в шампанский бар, и я сразу же заказываю бокал белого шампанского, который выпиваю залпом. Ребята немного недовольны, узнав, что шампанский бар оправдывает свое название и это единственное, что они могут там заказать, но они получают свои собственные бокалы с шампанским, и мы находим столик в переполненном баре. Куэйд слегка морщится, когда мы садимся, и я вспоминаю о его травме и о том факте, что он здесь вместо реабилитации.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я его, и его лицо краснеет от вопроса.

— Ты знаешь о моей травме?

— Я думаю, весь мир знает о твоей травме, — говорю я ему с усмешкой.

Логан фыркает на мой ответ.

— Ты вроде как важная шишка, чувак, — говорит он. — Ковбой Далласа. Я всегда знал, что ты станешь кем-то большим.

Куэйд не выглядит гордым признанием своего достижения. На самом деле он выглядит явно неуютно.

— Я следила за каждым аспектом твоей карьеры, — говорю я ему, испытывая эмоции от того, как много в его жизни я пропустила и как я им горжусь. Я смотрю в окно бара на парящие виды, пытаюсь контролировать свои эмоции. Какая-то часть меня не может оставаться уязвимой перед этими мужчинами, которые стали чужими.

— Ты серьезно? — В голосе Куэйда звучит благоговейный трепет, как будто он не может в это поверить. Звук притягивает мой взгляд.

— Почему тебя это удивляет? — спрашиваю я.

— Может быть потому, что ты, блядь, ушла ни с того ни с сего, когда не добила своего, — огрызается он. — Ты ведь не совсем проповедовала вечную любовь в тот момент, не так ли?

Мне нечего на это сказать, и за столом снова воцаряется тишина. Я отставляю свой напиток и встаю, чтобы пойти к бару за другим стаканом. Пока я стою там, моя тошнота усиливается, и я лезу в сумочку за таблетками, дрожащими руками закидываю пару таблеток в рот, пытаюсь прийти в себя.

— Вэл, — шепот доносится до моей шеи, когда рука Куэйда останавливается на моей поясице. — Мне жаль.

Я быстро бросаю пузырек с таблетками обратно в клатч, чтобы он не смог увидеть, что это. Делая глубокий вдох, я поворачиваюсь к нему лицом. Когда я поворачиваюсь, он стоит всего в дюйме от меня, и его взгляд с тоской ненадолго скользит по моим губам, прежде чем он снова встречается со мной глазами. Он берет меня за локоть и выводит обратно на улицу, чтобы у нас было хоть какое-то подобие уединения, по крайней мере, от двух других.

— Это та дыра, которая просто горит внутри меня. Ты знаешь, сколько ночей я провел в

детстве, представляя, что буду играть за Алабаму, представляя, что однажды буду играть за НФЛ и выиграю Суперкубок?

Я просто смотрю на него, очарованная страстью в его голосе.

— Каждую ночь. И в каждом из этих снов о моей жизни ты была рядом со мной. А потом я получил травму и, вероятно, потерял все это. И что меня больше всего беспокоит в этот момент, так это то, что моя травма означает, что, хотя ты здесь, со мной, ты никогда не будешь частью этой жизни со мной. Ты никогда не будешь сидеть на этих трибунах, подбадривая меня. Я проиграл эту битву.

По моей щеке скатывается слеза.

— Так что, ты закончил играть в футбол? — Шепчу я, мое сердце болит из-за того, что он теряет не только свое любимое занятие, но и из-за того, что мы оба теряем мечту испытать это вместе.

Он закрывает глаза и чертыхается.

— Я не уверен. Но я сейчас здесь, так что, вероятно.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, что угодно... что угодно, но не то, чтобы он шел домой и готовился к новому сезону. Потому что я понимаю, что я эгоистичная сука.

— Но дело даже не в этом, — рывкает он, обрывая меня. — Ты знаешь, каким чертовски одиноким я был все эти годы? Как ты думаешь, кто-нибудь из людей, с которыми я проводил время, на самом деле был там только из-за меня? Нет, все они были там из-за того, что могли получить от меня. И я научился этому довольно быстро после того, как получил травму, я даже не смог заставить ни одного из моих так называемых лучших друзей, черт возьми, ответить на мой гребаный телефонный звонок. — Он вздыхает и снова откидывает волосы назад, уставившись вдаль, не любуясь видами, а погружаясь в воспоминания.

— Интересно, не правда ли, как можно видеть, как жизнь человека разворачивается в средствах массовой информации, и думать, что знаешь о нем все, — шепчу я. — Знаменитости. Они такие же, как мы.

Я говорю это, чтобы поднять настроение, и это срабатывает, потому что он фыркает и смотрит на меня как на сумасшедшую. После того, как он заканчивает смеяться, его взгляд снова опускается на мои губы.

— Я думаю, что все уже попробовали тебя на вкус, кроме меня. — Его голос грубый и сиплый, и я испытываю легкий шок от того, сколько эмоций я испытала за такое короткое время.

Вероятно, больше, чем я испытала за последние десять лет, поскольку моими основными эмоциями в течение этих лет были разочарование и печаль.

КУЭЙД

Я жаждал ее вкуса с той секунды, как увидел ее. Даже сейчас, после нескольких часов с ней, я отчаянно хочу ее. Прежде чем я успеваю еще что-либо обдумать, я притягиваю ее к себе, наслаждаясь ощущением ее тела рядом со своим. Ее губы твердые и горячие. Если она

удивлена поцелуем, она не заикливается на этом, сразу беря инициативу в свои руки. Ее руки обвиваются вокруг моей шеи, когда я провожу языком по складке ее губ. Ее платье с открытой спиной, а ее кожа под моими руками как бархат. Ее язык переплетается с моим, и одна из моих рук скользит вниз, обхватывая ее задницу и притягивая ее еще плотнее к моему телу.

На вкус она как шампанское, и шоколад, и ее... вкус, который я затрудняюсь описать, потому что он как амброзия для моих вкусовых рецепторов. Это лучший поцелуй, который у меня когда-либо был в жизни, и я не могу насытиться. Мой язык завладевает ее ртом. Я точно знаю, чего хочу, и она, кажется, более чем счастлива дать мне это. Все вокруг нас исчезает. Я никогда ничего так не желал, и я беззастенчиво трусь о нее, пока она не начинает стонать в ответ.

— Не могу сказать, что я этого не ожидал, — раздается голос Логана позади нас, и я со стоном отрываю свой рот от ее. Кажется, это самое сложное, что я когда-либо делал.

Я разворачиваюсь и свирепо смотрю на него.

— Серьезно? — Рычу я, чувствуя себя далеко не тем обычно покладистым парнем, за которого меня принимают.

На лице Логана появляется удивленное выражение, и я понимаю, что он совсем не выглядит ревнивым, просто немного самодовольным из-за того, что прерывает нас. Это интересно.

Я чувствую, как Валентина тяжело дышит позади меня, и я протягиваю руку назад и хватаю ее, притягивая к себе так, что она прижимается к моей спине. Я не уверен, что смогу отпустить ее, даже если она сейчас попросит.

— Просто подумал, что вам двоим было бы интересно узнать, что Картер смог забронировать столик в ресторане внизу. Le Jules что-то в этом роде.

— Le Jules Verne? — Удивленно спрашивает Валентина. — Я пыталась забронировать столик там, и они сказали, что там все забронировано на следующие два месяца.

— Очевидно, Картер сделал несколько фотографий для ресторана год назад, и они с нетерпением ждали, когда он войдет, — говорит Логан, пожимая плечами.

— Это прекрасно, — говорит она, затаив дыхание, и все, о чем я могу думать, это отвезти ее обратно в отель и найти другие способы заставить ее звучать так же.

Она всегда оказывала это гребаное воздействие на меня, на всех нас. Прошло десять лет, а магия, которую она смогла соткать надо мной, нисколько не ослабла, и я, на самом деле, немного обижен этим. Через час я готов забыть прошлое и растерзать ее везде, где смогу ее достать. Все больше осознавая тот факт, что мы находимся в людном месте и я, по сути, знаменитость, по крайней мере, в Штатах, я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за нами и не фотографирует меня. Что бы ни происходило с Валентиной, это не то, чем я хочу поделиться со всем миром прямо сейчас. К счастью, кажется, что все погружены в свои маленькие мирки и отвлекаются на просмотр.

Валентина мягко обходит меня, и Логан ловит ее за руку, подмигивая через плечо, пока я хмуро смотрю на него за то, как гладко он смог увести ее от меня. Это всегда было проблемой. Я не хочу Валентину какое-то время, я хочу ее постоянно. В детстве я отчаянно нуждался в ее внимании. Каждый раз, когда эти завораживающие золотые глаза встречались с моими, это было как выброс адреналина. Очевидно, что время не уменьшило эффект, за исключением того, что сейчас я чувствую себя еще более отчаянно нуждающимся в ее внимании после того, как так долго его не получал.

Когда мы возвращаемся внутрь, где нас, нахмурившись, ждет Картер, я обвожу взглядом изгибы Валентины, хмурясь от того, какой худой она выглядит. Я всегда был большой поклонник тела Валентины. Эти изгибы фигурировали во всех моих подростковых мечтах наяву и были звездой каждого дрочки. Сейчас они едва заметны. Может быть, из-за болезни?

Кстати, о болезни. Отвратительно осознавать, что я годами встречался с супермоделями и актрисами, женщинами, которых весь мир считает самыми красивыми на планете. И ни одна из них не шла ни в какое сравнение с открывшимся передо мной зрелищем. Как будто я наконец вижу красоту после долгой засухи. Я внутренне съеживаюсь, думая о том факте, что, если Валентина следила за мной, как она говорит, она видела все эти ошибки. По крайней мере, у меня перед глазами не было ее свиданий. Это свело бы меня с ума.

Она оглядывается через плечо, удостоверюсь, что я иду, и мое сердце начинает бешено колотиться только от одного этого взгляда. Возьми себя в руки, мысленно проклиная я. Она практически раздавила твою душу. Мне нужно хотя бы заставить ее немного поработать над этим.

Мы спускаемся на лифте на второй этаж, и я насвистываю, когда мы входим в ресторан. Элегантно одетая метрдотель приветствует нас, ее глаза расширяются, когда она смотрит на нашу маленькую группу. Как девушки называют это? Ходячий секс? Глядя на Картера и Логана, я могу неохотно признать, что из нас троих получается неплохая компания. Девушки всегда были от нас без ума, даже когда мы смотрели только на Валентину.

До воссоединения с Вэл я, вероятно, отвез бы эту девушку домой на ночь, после того как поужинал, конечно. Но теперь она с таким же успехом могла бы быть мухой на стене из-за того, как мало она меня интересуется. Она мило улыбается Картеру, но ее улыбка быстро исчезает, когда этот засранец просит о встрече с шеф-поваром скучающим тоном, который точно говорит ей, как мало он думает о ее флирте. Она чопорно уходит, возвращаясь с румянощеким пожилым мужчиной, одетым в белый поварской халат.

Он целует Картера в обе щеки, с энтузиазмом приветствуя нас, при этом истекая слюной на Валентину. Я даже не могу приревновать, потому что он такой типа крутой.

— Bonjour, mademoiselle. Что ты делаешь с этим мудаком? — Спрашивает он с сильным французским акцентом, еще раз плутовато подмигивая ей. Она хихикает, и я хочу жить в звуках ее смеха.

Блядь я такой тупой ублюдок.

— Я отведу тебе лучшее место в заведении. Ты уйдешь от этого парня сразу после ужина, как только попробуешь мою еду и увидишь мой город, — воркует он, предлагая Валентине свою руку. Она снова смеется, и взгляды Картера и Логана смягчаются, когда они смотрят на нее. Они тоже чувствовали себя опустошенными в течение последнего десятилетия? Чувствуют ли они себя сегодня вечером лучше, чем с тех пор, как она ушла?

Я мог бы рискнуть предположить.

Шеф-повар Рамзи, как он представился, действительно ведет нас к столу, который выглядит одним из лучших в ресторане. Он отодвигает для Валентины стул и изящным жестом кладет ей на колени салфетку. Еще раз подмигнув, он убирает со стола, обещая подать лучшие блюда, которые мы когда-либо пробовали. Как только он уходит, наступает тишина. Валентина не отрывает глаз от вида за стеклом, нервно играя столовым серебром на столе.

— Так чем же ты занималась все эти годы, красотка? — Наконец спрашивает Картер,

нарушая тяжелое молчание.

Ее глаза расширяются, когда она снова обращает свое внимание на нас, как будто она не была готова к вопросу. Она открывает рот, но ничего не говорит, и она быстро закрывает его.

— В каком колледже ты училась? — Подталкиваю я.

По ее лицу пробегает агония, и я задаюсь вопросом, есть ли безопасный вопрос, который я могу задать милой девушке передо мной. Я ублюдок, потому что чувствую себя немного успокоенным из-за того, что последние десять лет не были для нее розами.

Кажется уместным, что она должна страдать так же сильно, как и я.

— Я училась в Оксфорде на последнем курсе, — медленно говорит она. — Моя мать переехала туда со вторым мужем, и после смерти отца это показалось мне подходящим местом.

— Я знал, что ты пойдешь куда-нибудь в подобное место, — восхищенно говорит Картер. — Ты всегда была самой умной девочкой в школе.

Она краснеет от похвалы в его голосе.

— Нам действительно есть о чем поговорить, мистер Принстон? — Дразнит она с улыбкой. — И да, прежде чем ты спросишь, конечно, я знаю, что ты учился в Принстоне.

Картер невесело фыркает, и улыбка на лице Валентины исчезает.

Логан бросает на Картера злобный взгляд, а затем берет Валентину за руку, останавливая ее нервное движение.

— На чем ты специализировалась? — Спрашивает он.

— Биология и английский, — застенчиво отвечает она. — Я знала, что хочу поступить в медицинскую школу, поэтому биология показалась мне подходящим вариантом. И потом... ну, ты знаешь, я всегда любила читать. Я начала посещать курсы английского языка по выбору, а потом их оказалось так много, что просто имело смысл удвоить специализацию по этому предмету.

Я был в Англии всего один раз. НФЛ любила проводить международные матчи несколько раз в год, и несколько лет назад мы играли с Ягуарами в Лондоне. Мы всей командой совершили поездку по нескольким городам в окрестностях Лондона, и я вспомнил, как проезжал мимо кампуса Оксфорда.

Я могу представить, как она прогуливается по кампусу, мальчики хотят ее, девочки хотят с ней подружиться. Она, наверное, всегда была самой умной в классе, даже там. В Валентине есть тот магнетизм, который заставляет всех обращать на нее внимание. Нам просто повезло, когда мы были подростками, что она этого не осознавала.

— Чем ты занималась после Оксфорда? Ты была в Англии все это время? — Спрашивает Логан. Картер ничего не говорит, но я знаю, что он ловит каждое ее слово.

Ее глаза кажутся убитыми горем от его вопроса, и я напрягаюсь, готовясь к тому, что она собирается сказать. Вышла ли она замуж, а затем развелась? Есть ли у нее ребенок? От одной мысли о том, что она будет принадлежать другому мужчине, мне хочется кричать. Я всегда мечтал, что в конце ее имени будет мое. Это должен был быть мой ребенок в ее животе.

У меня горит в животе.

Я ненавижу не знать всего о Вэл, когда я когда-то знал о ней все.

— Я училась в медицинской школе, — наконец отвечает она после долгого вздоха.

— Это потрясающе, — восклицаю я, думая, что она осуществила свою мечту. Она всегда хотела быть врачом после того, как в детстве сильно болела.

Разве это неправильно, что мне становится тяжело при одной мысли о том, как она прогуливается по коридорам больницы со стетоскопом и в белом халате?

Если это так, я не хочу быть прав.

Я устраиваюсь поудобнее под столом, игнорируя понимающую ухмылку, которую Логан бросает в мою сторону. Он полон ими сегодня вечером. Мудак.

— Я не закончила, — шепчет она. — Я получила степень доктора медицины, а потом мне пришлось бросить ординатуру, когда я заболела. — Ее взгляд опускается на колени, а руки начинают лихорадочно рвать матерчатую салфетку.

Картер удивляет меня, протягивая руку и поддерживая ее.

— Ты могла бы вернуться сейчас. Я уверен, что это возможно, — хрипло говорит он.

Тень, которую я не понимаю, пробегает по ее взгляду, и мне интересно, какие еще секреты Валентина скрывает от нас.

— Да, может быть, — смущенно комментирует она. Я открываю рот, чтобы задать ей еще вопросы, но появляется официант. Он один из тех горячих французских чуваков, каких вы видите в фильмах, и он смотрит только на Вэл. Я чувствую, как в моей груди нарастает рычание от того, как он смотрит на нее, и мне приходится активно работать, чтобы успокоиться.

Хотя два других ненамного лучше. Логан играет с ножом на столе, как будто испытывает искушение пырнуть им парня, и Картер посылает ему предупреждающий взгляд, который напугал бы любого. Честно говоря, я немного боюсь этого.

Официант, кажется, в блаженном неведении о напряжении за столом и наклоняется к ней.

— Шеф-повар приготовил специально для мадемуазель, — жеманничает он перед ней.

— Спасибо, — бормочет она, краснея под его вниманием.

Я перенесся в прошлое, когда она так краснела каждый раз, когда кто-то из нас смотрел на нее. Официант просто стоит там в ожидании, на его лице какое-то ошеломленное выражение, и я закатываю глаза.

Думаю, вставай в очередь, приятель.

— Я думаю, у нас все в порядке, — рывкает Картер, и официант спотыкается, когда видит угрожающий взгляд на его лице.

— Думаю подойду позже, — натянуто говорит он, прежде чем практически убежать.

Валентина выглядит так, будто вот-вот заплачет.

— Что случилось, любимая? — Обеспокоенно спрашивает Логан, обнимая ее за талию и нежно целуя в лоб.

И снова меня охватывает чувство дежавю, как будто десяти лет вообще не прошло.

— Просто прошло много времени с тех пор, как у меня был кто-то, кому было не все равно, — сокрушенно говорит она, прежде чем действительно начинает плакать.

Картер смотрит на нее как на сумасшедшую, ну а я просто ревную. Я хочу быть тем, кто утешит ее прямо сейчас. Лучшее, что я могу сделать, сидя через стол, это протянуть руку, чтобы взять ее за руку. На нас смотрят. Я не думаю, что люди обычно плачут в ресторанах, отмеченных звездой Мишлен, в конце концов.

Одна конкретная пара пристально смотрит.

— Лук крепкий, — громко комментирую я в их адрес, и они быстро отводят взгляды.

Моя выходка вызывает смех Валентины, и она немного успокаивается. Логан и Картер отвечают мне улыбками. Такое ощущение, что мы снова команда, в которой каждая наша

задача, сохранить улыбку на лице этой девушки.

— Ну что, поедим? — спрашивает Логан, указывая на гору закусок на столе.

— Это один из моих любимых ресторанов в мире, — комментирует Картер, накладывая несколько блюд на свою тарелку.

Я фыркаю от того, как надменно он это говорит.

— Мы такие космополитичные в наши дни, не так ли, Картер — Язвлю я.

Картер пытается свирепо посмотреть на меня, но я вижу проблеск веселья в его глазах. Очевидно, где-то там есть чувство юмора. Интересно, однако, как быстро я возобновил свою роль в группе. Не думаю, что кто-либо из моих товарищей по команде назвал бы меня обладающим чувством юмора за последние десять лет. И вот я здесь, отпускаю охуенные шуточки, как будто я Кевин Харт.

Кто я сейчас?

И кем я был последние десять лет?

ГЛАВА 8

ТОГДА ЛОГАН

— Ты нервничаешь? — спрашиваю я Вэл, слегка подталкивая ее локтем, чтобы привлечь ее внимание.

— Неужели это так очевидно? — Она смеется, продолжая переминаясь с ноги на ногу, закусывая нижнюю губу и глядя вдаль.

Я знаю, что должен вести себя круто, но я ничего не могу с собой поделать, когда мой взгляд соскальзывает с нее и фиксируется на одном месте у нее на губах. С того дня, как Вэл поцеловала меня, я был загнипнотизирован ее алыми полными губами. Может быть, даже раньше. До того, как она появилась в моей жизни, я никогда особо не задумывался о девушках или частях их тела. Для меня они были просто глупыми и раздражающими. Может быть потому, что у меня есть четыре старшие сестры, которые живут, чтобы приставать ко мне двадцать четыре на семь, я всегда предпочитал держаться подальше от девушек в целом. Я имею в виду, что у меня и так их достаточно дома.

Но Вэл отличается.

В ней просто есть что-то такое; что-то, что захватывает меня и не отпускает, как бы сильно я ни старался. Не то чтобы я очень сильно старался. Мне нравится это необъяснимое чувство, которое я всегда испытываю, когда нахожусь рядом с ней. Это похоже на катание на американских горках, когда твое сердце колотится так сильно, что кажется, будто оно вот-вот выскочит у тебя из горла, когда ты поднимаешься. И затем, когда ты достигаешь этой вершины, ты знаешь, что то, что будет дальше, будет пугающим, но и волнующим. Затем тележка опрокидывается на полной скорости, твой желудок опускается к подошвам ног, и ты

изо всех сил хватаешься за поручень, надеясь, что не упадешь, но ты все равно взволнован перед лицом такой опасности. Находясь с Вэл, я чувствую, как адреналин вливается в мои вены, делая меня одновременно сильным и слабым. В одну минуту я невероятно напуган, а в следующую чувствую, что обладаю сверхспособностями. Это лучший способ, которым я могу объяснить, что нахожусь рядом с ней.

Я вытираю руки о джинсы, глядя на нее, что обычно происходит по двадцать раз на дню, поскольку они всегда кажутся липкими, когда Вэл рядом. Я знаю, что она рада пойти сегодня в школу, но огромная часть меня хочет, чтобы у нас все еще были наши летние дни. Каждый день с тех пор, как она приехала, мы с ребятами проводили с ней каждую свободную минуту. Даже Картер, который живет взаперти в своей комнате, выходил, чтобы провести с нами время. Вот насколько волшебна Вэл. Она даже привлекла его внимание, а все мы знаем, как сильно Картер ненавидит людей в целом.

— Должен сказать, что никогда раньше не видел, чтобы кто-то так стремился прокатиться на школьном автобусе. — Хихикаю я, пытаюсь вывести Вэл из ее тревожного состояния.

— О Боже. Я, должно быть, кажусь тебе жалкой, да?

— Это мило, что ты взволнована.

— Ты смеешься надо мной? — Она приподнимает бровь с игривой улыбкой.

— Даже и не мечтал об этом. Твой отец свернет мне шею, если я высмею его маленькую девочку, — поддразниваю я и, оглядываясь назад, вижу мужчину, о котором идет речь, который ерзает на крыльце так же сильно, как и его дочь рядом со мной. — Говоря об этом, я думаю, он выглядит более нервным, чем ты.

Вэл смотрит через плечо в сторону своего отца и слегка машет ему рукой.

— С ним все будет в порядке.

— Как скажешь, но, похоже, он хочет пойти с нами.

— Заткнись! Даже не говори это так громко, иначе он может услышать тебя и сделать это. — Хихикает она.

— Ты идешь в школу, это довольно серьезное дело, да?

Ее лицо вытягивается, заставляя меня пожалеть, что я не держал свой длинный язык за зубами.

— Так и есть. Я всю свою жизнь обучалась на дому. Так было легче следить за всеми моими процедурами, — признается она несчастно, и когда мы оба смотрим, как приближается желтый школьный автобус, Вэл выглядит еще более нервной, чем раньше.

— Эй, эй, — шепчу я, хватая ее за руку своей. — Ты справишься, Вэл. Я буду с тобой на каждом шагу, хорошо? — Она слегка улыбается мне, ее золотисто-карие глаза искрятся благодарностью, и мое сердце буквально пропускает удар.

Когда автобус останавливается прямо перед нами, я захожу первым и наклоняю голову, чтобы она следовала за мной. Она не сбивается ни на шаг и следует за мной в шумный автобус с подростками, которым не терпится рассказать всем о своих летних каникулах. Я вижу два места сзади и иду прямо к ним. Вэл садится рядом со мной и молча берет меня за руку. Время от времени я вижу, как другие дети украдкой поглядывают на новенькую, и не знаю почему, но я сжимаю ее руку в своей каждый раз, когда любопытный взгляд задерживается на ней слишком надолго.

— Она далеко отсюда? Я имею в виду школу?

Я качаю головой.

— Мы будем там через десять минут.

— Хорошо, — бормочет она.

— Ты все еще напугана или взволнована?

— Немного того и другого. Если честно, я чувствую, что меня сейчас вырвет. — Она кротко улыбается.

— Пожалуйста, постарайся не делать этого. Мне потребовалась вечность, чтобы выбрать этот наряд, — поддразниваю я, указывая на свою обычную белую футболку и джинсы.

Когда она раздражается искренним смехом Валентины, мои внутренности превращаются в кашу. Мы продолжаем разговаривать, и, прежде чем я успеваю опомниться, мы наконец добираемся до средней школы Джона Спайсера. Моя улыбка становится шире, когда я замечаю, что Картер и Куэйд уже на месте нашей встречи. В отличие от меня, им не нужно ехать на автобусе, поскольку оба они предпочитают ездить в школу на велосипедах. Я бы тоже так делал, если бы мой не был передан мне по наследству от моих сестер. Если бы я приехал в школу на своем розовом велосипеде с наклейками в виде бабочек на корзине и розовыми лентами на ручках, я бы никогда не услышал конца этому. Раньше я ненавидел быть единственным из нас, кому приходилось ездить на автобусе, но, думаю, больше не ненавижу.

И это все из-за Вэл.

Когда мы выходим из автобуса, Куэйд подбегает к нам, в то время как Картер неторопливо идет. Куэйд наклоняется и целует Вэл в щеку, прежде чем стукнуть меня кулаком. У меня немного защемило сердце от того, как нервозность Вэл ослабевает с ласковым обращением.

Почему я не поцеловал ее?

— Готова надрать задницу восьмому классу?! — Выпаливает Куэйд, подпрыгивая на месте.

— Держу пари, что да, — отвечает Вэл, выглядя менее обеспокоенной.

— Что ж, тогда оставайся с нами, милая. Ты очень скоро узнаешь все тонкости средней школы. — Он хватает ее рюкзак, а затем кладет руку ей на плечо, ведя ее к главному входу в нашу школу. Картер бросает мне всезнающую ухмылку, пока мы идем позади них обоих.

— Ребенок заигрался, — бормочет Картер себе под нос, подталкивая меня локтем в плечо.

— Он такой, не так ли? — Отвечаю я в бешенстве.

— Ты ревнуешь? — Картер насмешливо ухмыляется.

— С чего бы мне ревновать? Она наш друг.

— Я думаю, она нечто большее, но ты продолжай говорить себе все, что тебе нужно. Я знаю, что твоему эго нанесен серьезный удар.

— Заткнись! — Я делаю выговор с постоянным хмурым выражением лица.

— Как скажешь, — насмехается он.

Я бросаю на него неприязненный взгляд и ускоряю шаг, чтобы быть рядом с Вэл, оставляя Картера плестись позади нас. Когда я подхожу к ним, Куэйд говорит со скоростью мили в минуту о той или иной ерунде. Я думаю, что даже Вэл с трудом поспевает за его бессвязной болтовней. Я тяну ее за локоть, чтобы отвлечь ее внимание от моего лучшего друга.

— Вэл, разве тебе не нужно идти в кабинет директора перед началом занятий? Я могу

отвести тебя туда, если хочешь?

— Спасибо. — Она улыбается и просит Куэйда отдать ее рюкзак. Лицо Куэйда на долю секунды вытягивается, но затем его довольная ухмылка появляется еще раз.

— Хорошо. Не беспокойся. Увидимся на занятиях, и я займу тебе место, — кричит он, пока я беру Вэл за руку, чтобы отвести ее в административный кабинет.

Она машет им на прощание через плечо, и, хотя я стою к ним спиной, я все еще чувствую самодовольную ухмылку Картера и взгляд Куэйда, прожигающий дыры у меня на спине. Когда мы добираемся до кабинета директора, Вэл просят зайти внутрь.

— Я подожду тебя здесь, — говорю я ей.

Я знаю, что мне следует самому идти на урок, но опоздание не мешает мне отвести Вэл на урок, чтобы она не потерялась. Секретарша время от времени оглядывает меня с головы до ног поверх своих очков скорее всего потому, что я не могу удержаться от того, чтобы моя нога не дрыгалась вверх-вниз. Когда Вэл наконец покидает кабинет директора, она бледна, как привидение.

Что, черт возьми, там произошло?

— Вэл, ты в порядке? — Я спешу быть рядом с ней.

— Я должна идти домой, — говорит она со слезами, сверкающими в ее глазах.

— Почему?

— Мне просто нужно идти, — непреклонно заикается она, подбегая к двери, а затем набирая скорость по коридору.

— Вэл! Подожди! — Кричу я, бегу за ней, но она так далеко впереди, что я сомневаюсь, что она даже слышит, как я зову.

Когда мы выходим на улицу, я ускоряю шаг и протягиваю руку, чтобы взять ее за руку. Я разворачиваю ее, и Вэл рыдает во все горло.

— Что, черт возьми, директор Тротт с тобой сделал?! — Кричу я, прижимая ее к себе, пока ее слезы текут, впитываясь в мою футболку.

Она качает головой слева направо, прижимаясь ко мне. Самое близкое к инстинкту убийцы, что у меня было, это взрывать дерьмо в своих видеоиграх, но вид того, как Вэл плачет подобным образом, разбудил во мне другого зверя. Который искалечит, ранит и убьет того, кто причинил ей грусть. Я убью мистера Тротта за все, что он сказал, что заставило Вэл выбежать из его кабинета в слезах таким образом.

— Вэл, — шепчу я ей на ухо, когда она не успокаивается. — Скажи мне, что не так? Как я могу это исправить?

— Ты не можешь, — причитает она. — Боже, мне так стыдно.

— Почему?

Она откидывает голову назад, ее глаза опухли и покраснели, когда она вытирает ладонями мокрые щеки.

— Я испортила его стул.

— А? — Спрашиваю я, совершенно сбитый с толку.

— Я сказала, что испортила его стул, — повторяет она, а я все еще не понимаю смысла.

Я отчаянно пытаюсь сложить все воедино, но я в тупике. Она вскидывает руки в воздух и поворачивается, ее голова через плечо, смотрит вниз на ее задницу.

— Когда я встала, я увидела, что его стул был красным. — Она шмыгает носом, указывая на большой круг на своих шортах.

— О.

— У меня начались месячные, Логан. В первый день в школе у меня начались месячные! — Причитает она, закрывая лицо руками от стыда. Я облажалась.

— Ну и что? Это совершенно нормально.

Она смотрит на меня так, будто у меня только что выросло две головы.

— Что? — Повторяю я, стирая ее слезы подушечками больших пальцев.

— Ты не понимаешь. У меня никогда раньше не было месячных, и вот в мой первый день в школе я испортила кресло директора. Как я собираюсь это пережить? — Заикается она между приступами икоты.

— Мистер Тротт ничего не скажет. Не волнуйся, — пытаюсь я утешить, но она слишком взволнована и смущена, чтобы принять мои слова близко к сердцу.

— Я просто хочу домой, — говорит она и отстраняется от меня, направляясь в направлении нашей улицы.

— Я провожу тебя.

— Нет. У тебя будут проблемы, если ты пропустишь урок.

— И что? Это не беда. Ты мой друг, и я тебе нужен.

Она ничего не говорит и молча идет рядом со мной большую часть пути. На автобусе до нашей улицы всего десять минут езды, но пешком это добрых полчаса.

— Я даже не знаю, что купить, — бормочет она себе под нос, нарушая тишину между нами.

— Что ты имеешь в виду? Что-то вроде тампонов и прочего? — Спрашиваю я, получая от нее еще один странный взгляд.

— Как тебе так удобно говорить об этих вещах, когда я совершенно смущена этим? Ты парень. Ты должен съезживаться при одном упоминании месячных.

— У меня четыре старшие сестры-подростка и мама, которая не верит в границы. Поверь мне, если речь идет о чем-то, имеющем отношение к женщине, я знаю об этом и невосприимчив к любой неловкости, — шучу я, сжимая ее руку в своей.

— Это, должно быть, здорово, — шепчет она, страстное желание окрашивает ее приглушенные слова.

— Не для единственного мальчика в семье. Я всегда в меньшинстве практически по всем вопросам в моем доме.

— Хотела бы я, чтобы у меня была девушка, которая была бы другом, или тетей, или м... — Она проглатывает последнее слово, прежде чем оно слетает с ее губ.

Мама.

Это то, что она собиралась сказать.

Да, я думаю, когда такое дерьмо случается с девушкой, вполне естественно хотеть поговорить с мамой.

— Думаю, тебе повезло, потому что ты заполучила меня. Возможно, я не та девушка, которую ты хочешь, но если мне не хватает эстрогена, то всего остального у меня в избытке. Просто еще одно преимущество того, что ты воспитываешься с кучей девочек.

Даже при том, что это должно было рассмешить ее, Вэл не отрывает взгляда от тротуара, все еще обезумев.

— Твой папа дома?

— Нет. Сегодня ему пришлось поехать в город на строительную площадку. Хотя он сказал, что будет дома до того, как я закончу школу. Держу пари, он и представить себе не мог, что я не справлюсь даже в первый час, — сетует она, пиная маленький камешек на

своём пути.

— Тогда ты идешь ко мне, — решаю я непоколебимо.

— Твоя мама не наругается, что ты прогулял школу?

Я успокаивающе качаю головой. Конечно, моя мама разозлится, но, когда она увидит, в каком состоянии Вэл, она поймет, что у меня не было другого выбора, кроме как быть с ней. По крайней мере, я надеюсь, что она поймет. Когда мы наконец заходим в наш район, я продолжаю держать ее за руку, чтобы она не побежала к своему дому вместо того, чтобы зайти ко мне. Я открываю ключом входную дверь и слышу жужжание пылесоса наверху. Поскольку все мои сестры в школе, мама делает уборку.

— Оставайся здесь, хорошо? — Умоляю я, на что Вэл натянуто кивает.

Я быстро взбегаю по лестнице, потому что не хочу оставлять Вэл одну надолго, вдруг она сбежит или что-то в этом роде. Когда я тыкаю маму в плечо, она испуганно подпрыгивает.

— Милая Мария, мать Иисуса, ты напугал меня, Логан! — Кричит она, прижимая обе ладони к груди. — Что ты делаешь дома, мальчик? Ты болен? — Спрашивает она, осматривая мое тело в поисках сломанных конечностей.

— Нет, мама, но мне действительно нужна твоя помощь.

Я рассказываю ей, что случилось с Вэл, и мгновенно ее лицо смягчается.

— Где она сейчас?

— Внизу.

— Хорошо, я поговорю с ней.

Я неторопливо иду за мамой, и она останавливается посреди зала, когда понимает, что я иду прямо за ней.

— Иди в школу, Логан. Твоя подруга будет здесь, когда ты закончишь.

Ага, этого не произойдет. Я скрещиваю руки на груди, и моя мама подражает моей позе.

— Ты действительно собираешься меня послушаться?

Я продолжаю молчать.

— Понятно. Что ж, ты можешь с таким же успехом быть полезным, — возражает она, заходя в одну из комнат моей сестры и беря блокнот и ручку. Она записывает список, а затем возвращает его мне.

— Сходите в магазин или аптеку. Купи все, что я записала, а затем возвращайтесь прямо домой. Я позвоню в школу и расскажу им, что произошло, чтобы они не высылали поисковую группу на поиски вас двоих. У тебя есть номер телефона мистера Росси? Ему мне тоже придется позвонить.

Я киваю и просматриваю свои контакты, чтобы вернуть информацию маме.

— Хорошо. Иди, пока я не передумала, — говорит она, и я торопливо бегу вниз по лестнице.

Вэл переминается с ноги на ногу в нашем фойе, когда я подхожу к ней.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я в тот же момент, когда она говорит, что это была плохая идея прийти. Я собираюсь сказать, что это не так, когда рядом с нами появляется моя мама.

— Привет, милая. Я слышала, у тебя была небольшая неприятность в твой первый день.

Вэл прикусывает нижнюю губу, ее голова все еще склонена к полу.

— Пойдем со мной, Вэл. Давай приведем тебя в порядок и наденем чистую одежду. Логан отлучится на минуту, но он вернется с кое-какой провизией для тебя.

— Тебя это устраивает? Я могу остаться, если хочешь.

— Со мной все будет в порядке. Ты можешь идти.

Я наклоняюсь и целую ее в щеку, мои глаза обращены к моей матери, умоляя ее помочь моему другу.

— Она в надежных руках, детка. Иди сейчас. Мы будем здесь, когда ты вернешься.

Я киваю и неохотно оставляю их обоих. Я хватаю свой розовый велосипед и так быстро, как только могу, направляюсь в местный продуктовый магазин. В списке, составленном мамой, есть большинство материалов, которые я ожидал бы увидеть, и некоторые, о которых я и не подозревал, были обязательны, когда у девушки были месячные. Помимо тампонов и прокладок, в списке также было много нездоровой пищи, такой как шоколад и мороженое. У меня в кошельке было сорок баксов, которые я откладывал, но я потратил их все, чтобы купить каждую плитку шоколада, которую смог найти. Купив в аптеке несколько обезболивающих, я полетел к своему велосипеду и поехал обратно, как профессиональный велосипедист, готовящийся к Тур де Франс.

Когда я наконец прихожу домой, волосы Вэл все еще влажные после душа, она одета в пижаму моей сестры Кэссиди. Они с мамой оживленно разговаривают на кухне, и, хотя мороженое в пластиковом пакете тает, я не хочу их прерывать. Вэл первой чувствует мое присутствие, и благодарная счастливая улыбка, которая играет на ее губах, поражает меня до глубины души.

— Дай это сюда, Логан. Я заберу эти вещи и приготовлю тебе ланч. Тебе нравится Sloppy joes, милая?

Вэл кивает с той же яркой улыбкой на лице.

— Хорошо. Как насчет того, чтобы вы, дети, пошли посмотрели фильм или еще что-нибудь, пока я тут разберусь.

— Спасибо вам, миссис Купер. За все.

— Не нужно меня благодарить. Ты друг Логана, а это значит, что ты теперь семья. Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, просто заскочи, и мы сможем поговорить, хорошо?

Вэл кивает, а затем спрыгивает с кухонного табурета и подходит ко мне. Я беру ее за руку и веду нас в гостиную.

— Что ты хочешь посмотреть?

— Что-нибудь забавное. Что-нибудь, что отвлечет меня от сегодняшних мыслей о том, как я полностью испортила свой первый день в школе, — говорит она оптимистично, выглядя и звуча больше, как она сама.

— Вот. Выбирай сама — говорю я, передавая ей пульт и садясь на диван.

В этом доме, когда мне везет получить пульт от телевизора, требуется целая армия, чтобы выпустить его из моих рук, поскольку кто знает, когда мне снова представится такая возможность. Но с Вэл я отдаю его, даже не задумываясь об этом. Она выбирает романтическую комедию с каким-то симпатичным парнем-актером и устраивается поудобнее на диване. Она обхватывает мою руку своей и кладет голову мне на плечо. Несколько минут проходят в тишине, и я провожу взглядом по ее лицу, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, только чтобы обнаружить, что Вэл отключилась, как свет. Она, должно быть, устала от сегодняшних событий. Она так нервничала из-за начала занятий в школе, и сегодняшние первые месячные, должно быть, действительно стали той соломинкой, которая сломала спину верблюду. Но пока она спит рядом со мной, я

прижимаю ее к себе, слегка поглаживая ее руки, странно благодарный за то, что именно в моих объятиях она искала утешения.

Я вздрагиваю, когда краем глаза вижу тень моей мамы.

— Господи, мама! Ты чуть не довела меня до сердечного приступа.

— Считай, что это расплата за то, что ты дал мне сегодня утром, — подталкивает она, сидя на подлокотнике рядом с нами. Она смотрит на спящую Вэл, и я не могу не смотреть на нее тоже.

— Она тебе нравится, не так ли? — Шепчет мама рядом со мной.

Я просто киваю в ответ, мой взгляд все еще задерживается на ангельских чертах лица Вэл.

Моя мама вздыхает.

— Она действительно особенная, не так ли?

Я снова киваю.

— Так я и думала. Помни, что я всегда говорю о хрупких красивых вещах. Их легко разбить. Особенно изнашивающее от любви сердце.

Мои брови хмурятся, я не помню, чтобы моя мать когда-либо говорила последнее.

Я и не подозревал, насколько правдивым было ее предупреждение.

ГЛАВА 9

СЕЙЧАС

ВАЛЕНТИНА

Я смутно осознаю, что еда здесь вкусная. На самом деле, идеальная, наверное, более подходящее слово для этого, но я не могу насладиться этим так, как, я уверена, оно того заслуживает, потому что я слишком погружена в них. Я думала о том, на что это будет похоже, если бы у меня действительно был шанс снова быть с ними тремя, но это перечеркивает все, что я могла ожидать.

Я и забыла, какой забавный Куэйд, как приятно быть в центре внимания Логана. Я даже забыла, как сильно мне нравилась мрачная интенсивность Картера, хотя я уверена, что все эти годы назад она не была такой интенсивной.

— Итак... — начинает Картер, и я готовлюсь к тому, что он собирается спросить. Он в режиме полной жопы, так что мне нужно быть готовой. — Есть ли ревнивые мужья, которых ты оставила позади в этой своей маленькой фантазийной увеселительной поездке?

Куэйд и Логан бросают на него взгляд, но я могу сказать, что они оба хотят знать ответ на вопрос Картера. Я полная противоположность, мне не интересно знать, с кем они встречаются или встречались. Я достаточно доверяю их честности, чтобы знать, что они не оставили бы жену, и, по крайней мере, для Куэйда было легко подтвердить это, поскольку

его действительно никогда не видели с одной и той же девушкой дважды за его футбольную карьеру.

Я отвлекаюсь от мыслей о множестве любовниц, которые, я уверена, у них были за эти годы, и думаю о моей собственной жалкой истории свиданий. Там был Дэнни, парень, с которым я познакомилась, когда училась в Оксфорде, на вечеринке с несколькими подружками. Дэнни был плохим мальчиком и был тем отвлечением, в котором я нуждалась после ухода от парней. Отвратительная привычка к наркотикам, которая у него была, сильно отвлекала, как и преследование, которым он занимался после того, как я порвала с ним, обнаружив его нюхающим кокаин в моей ванной прямо перед тем, как он должен был встретиться с моей матерью.

Потом был Брайан, ошибка, которую я допустила после Дэнни. Брайан был примерно таким же скучным, как наблюдать, как сохнет краска, но я нашла его безопасным. Он был так увлечен своей учебой, что даже не заметил того факта, что наши отношения никуда не продвинулись. Расстаться с ним было легко. Я думаю, ему потребовалась неделя, чтобы осознать, что это произошло.

В медицинской школе не было ни с кем серьезных отношений. Я была слишком занята учебой каждую секунду, чтобы иметь время на отношения. Я попробовала снова только в ординатуре. Лукас был врачом в больнице. Он влюбился в меня сильно и быстро, и какое-то время я думала, что он был тем, единственным парнем, который мог заставить меня забыть Логана, Куэйда и Картера. Но как только я узнала, что заболела, я бросила его. Потому что я не могла провести свои последние дни с кем-то, кого на самом деле не люблю. По какой-то причине я думала, что провести последний год в одиночестве, пока я проходила лечение, было правильным решением. Глядя на троих мужчин, которые все еще с нетерпением ждали ответа, я думаю, что на самом деле была права.

Я бы чувствовала себя одинокой с кем бы я ни была, если бы не была с ними. Это заняло некоторое время, но я наконец поняла это.

— Вэл? — Мягко спрашивает Логан. Возвращаясь к настоящему, я понимаю, что все трое, очевидно, думают, что у меня действительно есть какой-то муж, которого я оставила позади.

— Извините, я иногда так делаю, — бормочу я, мои щеки пылают. — И нет, никакого мужа... или парня... или кого-то еще, кто на самом деле ждет меня.

Я беру фаршированный гриб и кидаю его в рот, чтобы сдержать рвотное позыв, который вырывается у меня изо рта.

— Судя по вашему присутствию, вас тоже никто не ждет? — Комментирую я после того, как доедаю свой огромный кусок.

Все ребята кивают, на лицах Логана и Куэйда появляется странное выражение, которое трудно интерпретировать. Неловкость снова накатывает, и я благодарна, когда дружелюбный официант возвращается с основными блюдами, которые шеф-повар выбрал для нас.

Вся еда пахнет восхитительно, но мой желудок начинает выворачивать. Я ждала этого дня целую вечность, и теперь я измотана. Врач сказал, что я начну чувствовать все большую усталость по мере приближения к концу, но я только в начале своих трех месяцев. Надеюсь, это просто стресс и долгий перелет заставляют меня так себя чувствовать.

Я отчаянно хочу каждую секунду следующих трех месяцев. Я извиняюсь и иду в ванную, чтобы принять еще одну таблетку, которую дал мне доктор.

Все ребята едят свою еду, напряженное молчание сигнализирует, что у них, очевидно, был неприятный разговор, пока меня не было. Я сажусь, одариваю их всех улыбкой и пытаюсь снова начать есть. Оглядывая модный ресторан, когда я вонзаю нож в тонко нарезанный кусок мяса, я внезапно чувствую, что все не так. Это не мы. Мы выросли не в таком мире, и, хотя я полна решимости наслаждаться жизнью в полной мере в течение следующих нескольких месяцев, я не думаю, что мы можем начать все вот так.

— Давайте убираться отсюда, — говорю я, внезапно вставая. Они все смотрят на меня в замешательстве.

Куэйд понимает первым. Он хватается за свой бумажник и вытаскивает несколько купюр, которые шокируют мою совесть. Я почти уверена, что шеф-повар приготовил это блюдо из-за Картера, но сумма денег, которую Куэйд только что выложил на стол, легко могла бы покрыть это блюдо и многое другое.

— Выпендриваешься, — бормочет Картер, вставая следующим. Подходит официант и спрашивает, все ли в порядке.

— Лучше, чем когда-либо. Передайте наши наилучшие пожелания шеф-повару Рамзи, мой добрый друг, — говорит Куэйд с нелепым английским акцентом, обнимая меня. Я хихикаю, когда мы вчетвером выходим из ресторана, привлекая множество взглядов.

— Так куда мы направляемся? — спрашивает Логан, как только мы выходим на травянистое поле перед Эйфелевой башней. Я сбрасываю туфли на каблуках, предпочитая носить их в руке, внезапно чувствуя себя более свободной и счастливой, чем когда-либо в своей жизни. Я поворачиваюсь.

— Не могу поверить, что мы в гребаном Париже, — радостно кричу я, когда мои волосы развеваются вокруг лица. Куэйд хватается за талию и кружит вместе со мной.

— Мы в гребаном Париже, — громко кричит он, и моя улыбка почему-то становится еще шире.

Логан подбегает к нам.

— Мы в гребаном Париже, — кричит он. Люди смеются над нами. Некоторые даже фотографируют.

Мы трое перестаем танцевать и поворачиваемся, чтобы посмотреть на Картера, который смотрит на нас троих так, словно мы сошли с ума.

И, возможно, так и есть.

— Сделай это, — прошу я, и его губы подергиваются от удовольствия.

— Сделай это, — кричит Куэйд.

Губы Картера расплываются в улыбке, первой настоящей, которую я вижу с тех пор, как мы воссоединились, и я на мгновение ослеплена ее красотой.

— Мы в гребаном Париже, — наконец кричит он, вскидывая кулак в воздух.

Я беру Логана и Куэйда за руки, Картер идет рядом с нами, и мы уходим в парижскую ночь.

Есть миллион вещей, о которых нам нужно поговорить, и впереди нас ждут три месяца. Но прямо сейчас, в этот момент, все идеально.

Мы совершенны.

Мы гуляем по улицам Парижа допоздна, покупаем выпечку в маленькой пекарне, мимо которой проходим, и шоколад в другой кондитерской, мимо которой проходим. Куэйд потчует нас историями о знаменитостях, с которыми он встречался, о том, на что был похож Суперкубок, на что был похож день драфта НФЛ.

Я в восторге от всего этого.

Логан рассказывает нам о том, как ему удалось стать партнером за пять лет, что стало самым молодым достижением в истории фирмы, совершившим подобный подвиг. Картер даже присоединяется к нам, рассказывая о некоторых местах, которые он посетил по всему миру. Я уверена, что Картеру есть что рассказать, больше историй, чем любому из нас, но для меня сейчас достаточно того факта, что он вообще готов говорить. Я приму все, что он может мне предложить.

Смена часовых поясов в конце концов настигает меня. Сейчас мне нужно больше отдыха, чем когда-либо, и я подталкиваю себя каждую секунду с тех пор, как начала свое безумное путешествие. Мне кажется, я не сплю уже двадцать восемь часов подряд. Я еле держусь на ногах, но я немного боюсь, что если я засну, то проснусь и обнаружу, что все это было сном или, что еще хуже, галлюцинацией из-за моей опухоли мозга. Когда я была ребенком в самом болезненном состоянии, я видела то, чего там не было. Мои родители приходили и заставляли меня плачущей, потому что мне привиделся весь этот ужасный разговор с ними, которого на самом деле не было.

На этот раз я впервые поняла, что что-то не так, когда начала терять счет времени. Я заходила в дежурную комнату и полностью пропускала серию раундов, вообще не осознавая, что время идет. Галлюцинации на самом деле еще не начались, и я была благодарна, что ничего не случилось, пока я работала в больнице. Я бы не хотела вообразить что-то и прийти в себя, узнав, что я убила пациента.

— Валентина? — спрашивает Логан, обеспокоенно глядя на меня. — Ты выглядишь измученной, детка. Нам нужно отвезти тебя обратно в твой отель. Где ты остановилась?

Я благодарно улыбаюсь ему, счастливая, что мне не пришлось просить закончить ночь, но в то же время в отчаянии от того, что они оставят меня. Я как будто слышу обратный отсчет в своей голове, отсчитывающий минуты и секунды, которые у меня остались. Я бы сочла любую минуту без них пустой тратой этого драгоценного времени.

— Я остановилась в Four Seasons, — говорю я застенчиво, глядя на них троих. Мы стоим на случайном углу улицы, вокруг нас дует легкий ветерок. Где-то в квартирах над нами кто-то играет на аккордеоне, и я вижу вдалеке Эйфелеву башню.

Это идеальная ночь.

— Где вы остановились? — Наконец спрашиваю я после долгой паузы. Я понимаю, что мне, вероятно, следовало бы включить инструкции о путешествиях в свои письма к ним, хотя, если бы я была достаточно трезва, чтобы составить четкие планы поездок, тогда у

меня, скорее всего, вообще не хватило бы духу писать письма.

Каждый из них остановился в случайных отелях по всему городу, и я сразу же решаю, что это не сработает. Я приобрела полный люкс не просто так. Я не смогу забрать свои деньги с собой, когда умру.

— У меня есть люкс. В нем несколько спален. Мы все могли бы поместиться. — Дрожаящим голосом говорю я им, пока Куэйд ловит нам такси.

— Я согласен, — немедленно говорит Логан, и Куэйд не отстает. Мы втроем поворачиваемся к Картеру, как всегда, ожидая его решения.

— Я думаю, мне нужно переночевать в моем отеле сегодня вечером, — натянуто отвечает он.

Мое сердце замирает, и я сразу же думаю о своей реакции на то, что я, очевидно, не преодолела свою жадность. У меня есть двое из них, которые останутся со мной, но без Картера этого недостаточно. Дело не в том, что их самих недостаточно, просто мое сердце давным-давно разделилось на три части, и эта треть моего сердца жила только для Картера.

— Хорошо, все, как пожелаешь — говорю я Картеру, когда он поднимает руку, чтобы вызвать другое такси.

Он спешит, у него миллион дел на уме, и это очевидно по тому, как быстро он прощается и садится в свое такси, как только оно подъезжает к обочине.

— Давай, любимая, — мягко говорит Логан, когда ведет меня в наше такси. Логан и Куэйд сообщают водителю названия своего отеля и объясняют, что им потребуется несколько минут, чтобы забрать свои сумки.

— Вы жалеете, что пришли? — Наконец-то спрашиваю я. Логан тянет меня за подбородок, чтобы я смотрела на него. Я хочу закрыть глаза, но напряженность в его глазах не позволяет мне отстраниться.

— Мне кажется, я медленно умираю с тех пор, как ты ушла. И сегодня вечером я впервые почувствовал, что мое сердце действительно бьется, Валентина. Так что нет, я, блядь, не жалею, что пришел.

Мое сердце стучит так громко, что я уверена, что он это слышит. Он нежно берет мое лицо в свои руки и запечатлеывает нежнейший поцелуй на моих губах, как будто я самое дорогое, к чему он когда-либо прикасался.

Еще одна частичка моего расколотого сердца встает на место, и я удивляюсь, насколько несправедливо, что мое сердце наконец-то исцелится после всего этого времени только для того, чтобы моя голова убила меня.

Сначала мы останавливаемся в отеле Logan's. Это великолепный бутик-отель, который является прекрасным примером знаменитой архитектуры Парижа.

— Я сейчас вернусь, красотка, — говорит он мне, его голос звучит немного грубо. Я не могу не восхищаться его задницей, когда он уходит, а он оглядывается через плечо и подмигивает мне, давая понять, что раскусил меня.

— Ты хочешь услышать мой ответ? — Удивленно спрашивает Куэйд. — Или ты просто собираешься с вождением пялиться на его задницу? Я могу показать тебе свою, если ты этого хочешь. Я почти уверен, что журнал People три года подряд называл ее самой сексуальной задницей.

Я смеюсь и переключаю свое внимание на него. Его глаза сверкают, когда он смотрит на меня, и прядь его волнистых волос упала ему на лицо, к которому мне не терпится прикоснуться. Я понимаю, что ничто не мешает мне прикоснуться к нему. Это лучшее

чувство на свете. Мне больше не нужно жутко обводить его лицо на страницах вышеупомянутого журнала People. Хотя в мою защиту скажу, что он был признан "Самым сексуальным мужчиной". Я не думаю, что у них есть функция "Самая сексуальная задница".

Я бы знала об этом наверняка.

— Ты собираешься погостить у меня? — Нерешительно спрашиваю я, с трудом отводя свое внимание от его идеальных губ.

Его ухмылка исчезает, когда мы продолжаем смотреть друг на друга.

— Перестань так на меня смотреть, когда я прямо сейчас ничего не могу с этим поделать, — рычит он.

Я краснею, наконец отрывая взгляд от Куэйда, чтобы взглянуть на водителя такси, который пристально смотрит на нас через зеркало заднего вида. Блеск в его глазах говорит мне, что ему нравится наблюдать за нами. Этого достаточно, чтобы временно охладить мое либидо. В этот момент Логан стучит по багажнику, чтобы таксист открыл его, чтобы он мог убрать свою сумку. Водитель такси бормочет что-то по-французски, а затем идет помочь Логану загрузить его сумку.

Логан садится в машину, и он выглядит намного счастливее, намного больше с тех пор, как я впервые увидела его. От него как будто исходит внутренний свет с удвоенной яркостью, чем раньше.

Нуждался ли он во мне так же сильно, как я в нем?

Хотелось бы так думать.

Логан, должно быть, заметил сексуальное напряжение, все еще витающее в кабине. Он ухмыляется.

— Что я пропустил?

Теперь моя очередь стонать и откидываться на спинку стула.

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Я думаю, у нас есть все лето, чтобы это изменить, — шепчет Куэйд мне на ухо, и я закрываю лицо, уверенная, что вот-вот вспыхну.

Затем мы останавливаемся в отеле Куэйда, и он подмигивает мне, прежде чем зайти внутрь. Я поворачиваюсь и смотрю на Логана.

— Я боюсь, что проснусь, и это окажется просто сном, — шепчу я ему.

— Я тоже, — отвечает он, и мы молчим все оставшееся время ожидания, оба погруженные в свои мысли.

Куэйд выходит со своей сумкой. Когда он почти подходит к такси, он останавливается и поводит плечом с раздраженным, страдальческим выражением на лице.

— Он был довольно сильно травмирован, не так ли? — Тихо спрашиваю я Логана, обеспокоенно наблюдая за ним.

— Это была довольно серьезная травма, но он мог вернуться к игровой форме, приложив достаточно усилий. По крайней мере, так я читал, — говорит Логан.

— Значит, ты тоже не отставал от него, — комментирую я.

Он издает ни к чему не обязывающий звук.

— Собирается ли он потерять свой шанс играть, находясь здесь? Я разрушаю его карьеру?

Куэйд продолжает идти к машине, и таксист снова бросается ему на помощь.

— Я думаю, что Куэйду, возможно, грозила опасность потерять больше, чем его карьеру, прежде чем он получил это письмо, — наконец комментирует Логан после долгой

паузы.

— Что это значит? — Спрашиваю я обеспокоенно.

— Просто у меня появилось такое чувство, — отвечает он, отодвигаясь, когда входит Куэйд и эффективно прекращает разговор.

Куэйд и Логан болтают о всяких пустяках по дороге в мой отель. Я не думаю, что когда-нибудь перестану удивляться тому, как легко мы снова сошлись. Или, по крайней мере, то, как легко Куэйд, Логан и я, кажется, снова сошлись воедино.

У меня в животе появляется неприятное чувство, когда я думаю о Картере. Я знала, что с Картером будет сложнее. Он всегда был сложнее. Мое предательство было просто еще одной ножевой раной способности Картера доверять, и я не уверена, что трех месяцев достаточно, чтобы залечить эту рану. В случае с Картером я не хочу, чтобы он снова влюбился в меня перед моей смертью, я просто хочу, чтобы он не ненавидел меня.

Возможно, я прошу слишком многого.

Я снова думаю о словах моего отца о родственных душах, и я задаюсь вопросом, не в первый раз, возможно ли нанести такой ущерб этой связи, чтобы она была разрушена навсегда. Я просто молюсь, чтобы я этого не сделала. Что моя ложь сейчас этого не сделает. Мои молитвы сейчас не о том, чтобы мне стало лучше, я отказалась от этого. Все они связаны с надеждой на то, что после того, как ребята проживут долгую и успешную жизнь, я смогу воссоединиться с ними во всем, что ждет меня после смерти.

Несомненно, такая любовь может длиться даже после смерти.

Я спотыкаюсь, выходя из такси, как только мы подъезжаем к Four Seasons. Я невероятно измотана, и мое умирающее тело кричит на меня.

— Ты в порядке? — Спрашивает Логан, подбегая, чтобы обнять меня и помочь устоять на ногах.

— Просто очень устала от смены часовых поясов, — вру я. — Утром я буду в порядке.

Мы добираемся до номера, и все ребята кивают, впечатленные, просто не так, как я, когда приехала. У этих двоих был гораздо больший доступ к более прекрасным вещам в жизни. Неловкость охватывает нас троих теперь, когда пришло время ложиться спать. Слишком быстро просить их спать со мной сегодня вечером. Не так ли?

И я имею в виду просто спать.

Какое бы сильное сексуальное напряжение я ни испытывала сегодня вечером, мое тело все равно не сможет собрать энергию, чтобы справиться с этим. Не с тем, насколько я устала сегодня вечером.

Три месяца. Эти внутренние часы, которые у меня идут, гудят у меня в голове.

Я просто собираюсь это сделать.

— Я провела последние десять лет в полном одиночестве, — говорю я им, заламывая руки. — И я действительно это имею в виду. Я думаю, что всегда буду чувствовать себя совершенно одинокой, если меня не будет с вами обоими, независимо от того, кто был рядом. Вы будете спать со мной сегодня ночью? Со всем остальным мы разберемся утром, но сегодня вечером я просто хочу сохранить это чувство сопричастности. Потому что мне показалось, что прошла целая жизнь с тех пор, как я это чувствовала.

Куэйд убирает волосы с лица, в его глазах появляется уязвимое выражение.

— Я бы хотел этого, — тихо говорит он.

— Я тоже, — говорит Логан с улыбкой.

Они следуют за мной в главную спальню. Она оборудована ванной комнатой и

огромной двуспальной кроватью, достаточно большой для нас троих.

Добавление Картера может немного усложнить задачу, но это была бы жертва, на которую я бы охотно пошла, если бы мне дали шанс.

— Я просто собираюсь привести себя в порядок, — говорю я им усталым голосом. — Я думаю, что где-то здесь есть по крайней мере еще две ваннные комнаты.

Оказавшись в ванной с закрытой дверью, я смотрю на себя в зеркало, внезапно испытывая нежелание стирать косметику. Смогут ли они определить, что я выгляжу неправильно? Что я слишком бледна, что у меня огромные мешки под глазами, что со мной что-то не так. У меня больше нет того юношеского сияния. Его у меня вырвали силой.

Я вздыхаю, набираясь храбрости и ненавидя свою неуверенность. Я не могу прожить три месяца без того, чтобы они не увидели меня без макияжа. И со временем будет только хуже.

С таким же успехом можно было бы покончить с этим сейчас.

Я умываю лицо и надеваю майку и шорты для сна, даже не взглянув в зеркало. Мои таблетки действуют дольше, чем что-либо другое. У меня есть целая сумка, набитая, кажется, всеми лекарствами и витаминами на планете, которые могут продлить мою жизнь. Я наполняю чашку водой и послушно принимаю каждую из них, стараясь не задохнуться от нескольких огромных.

Я вздрагиваю, когда беру последнюю таблетку и быстро прополаскиваю горло ополаскивателем для рта. Это средство хуже всего на вкус, но доктор говорит, что оно самое важное.

Ура мне.

Сделав глубокий вдох, я открываю дверь и выхожу из ванной.

Когда я выхожу, ни одного из парней еще нет в комнате, поэтому я бросаюсь в кровать и кидаюсь под одеяло, нервно ожидая, когда они войдут. Куэйд входит первым. Он без рубашки, просто одет в пару свободных баскетбольных шорт, которые расположены неприлично низко. Или, может быть, они были бы непристойными, если бы он не был ожившим греческим Адонисом. Он буквально идеален. Это все, о чем я могу думать, когда мой взгляд скользит по долинам и гребням на его торсе. Он всегда был хорошо сложен в детстве, но это совсем другой уровень. Одно дело видеть его в этих журналах People Magazine, но, когда видишь это вблизи, слюнки текут.

Кажется, у меня текут слюнки.

Его телосложение — не единственное, что изменилось с тех пор, как мы были подростками. У него также довольно много татуировок по всему торсу, некоторые из которых выглядывают из-под края его шорт. Я просто молюсь всем, кто слушает, чтобы у меня был шанс открыть для себя все без исключения из них.

— То, что я поднимаю тяжести каждый день в пять утра и тренируюсь три раза в день, внезапно это того стоит, принцесса, — горячо говорит он, пока я беззастенчиво пожираю вид.

В этот момент входит Логан и вздыхает.

— Конечно, на тебе нет рубашки, — комментирует он, закатывая глаза. — Просто нужно было убедиться, что не будет конкуренции.

С моей точки зрения, Логан такой же вкусный. Более худощавый, чем Куэйд, с телом пловца, а не футболиста, очевидно, что Логан хорошо заботится о своем теле. Я хочу сорвать с него майку и облизать каждый дюйм его золотистой кожи. Я уверена, что Куэйд и Логан

оба были бы восхитительны.

Как и Картер.

Я в очередной раз насильно выталкиваю Картера из головы.

— Вы оба прекрасны, — внезапно выкрикиваю я, отчего Куэйд фыркает, а в глазах Логана появляется проблеск облегчения.

— Возвращаюсь к тебе, принцесса, — протяжно произносит Куэйд, подходя к кровати.

В этот момент я чувствую себя робкой девственницей. Как будто у меня не только никогда не было секса, но и я никогда раньше не была так близко к парню. Они выворачивали меня наизнанку. Подростком я была без ума от их тел, но эта похоть, которую я испытывала, была на совершенно другом уровне.

Куэйд ложится рядом со мной, притягивая мое тело к своему, как будто мы занимались этим последние десять лет. Хотя он пытается вести себя уверенно, я чувствую, как дрожат его руки, когда они прикасаются ко мне. Трудно понять, что я могу оказывать такое влияние на бога, лежащего со мной в постели.

Логан наблюдает за нами в течение минуты, и, похоже, миллион мыслей проносятся у него в голове, пока он это делает. Кажется, он наконец приходит к решению и подходит к кровати садясь, с другой стороны, от меня.

Честно говоря, мне трудно дышать, когда они оба вот так рядом со мной. Образы той волшебной ночи, которую я провела с ними тремя, проносятся в моем мозгу, только усиливая накал внутри меня.

Внезапно мою голову пронзает острая боль, еще один сигнал о том, что я перестаралась. Я в агонии зажмуриваю глаза, мое дыхание вырывается со свистом, не из-за того, насколько я возбуждена, а из-за того, какую сильную боль я испытываю.

— Вэл? — Настойчиво спрашивает Логан, нежно касаясь моего лица. Я издаю тихий стон от его прикосновения. Когда у меня начинает вот так болеть голова, я на самом деле ненавижу, когда ко мне прикасаются, но почему-то рука Логана успокаивает. Я наклоняюсь к нему и приоткрываю глаза, из которых выступают слезы, потому что у меня не может быть даже одной гребаной ночи отдыха от осознания того, что я активно умираю.

— Просто смена часовых поясов, — наконец выдыхаю я, когда понимаю, что они оба вот-вот взорвутся, если я не дам какого-нибудь объяснения.

В моем прошлом были мужчины, которые в этот момент расстраивались из-за того, что у них явно не будет счастливого конца, которым я искушала их всю ночь. Но не эти мужчины. Куэйд осторожно притягивает меня еще ближе к себе, в то время как Логан придвигается с другой стороны.

Обычно в этот момент я бы приняла еще больше таблеток, что угодно, лишь бы вырубиться и избавиться от пульсирующей головной боли, но на этот раз я этого не делаю. Не только потому, что я не хочу показывать, как плохо у меня с головой, но и потому, что их прикосновение к моей коже после стольких лет, честно говоря, ощущается как лучшее лекарство в мире.

Логан на мгновение отстраняется, чтобы выключить лампу, погружая комнату в блаженную темноту. Я вздыхаю, когда он возвращается ко мне, и я оказываюсь между ними обоими. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я чувствовала себя так комфортно... так безопасно.

Есть миллион вещей, которые все еще нужно сказать. Есть миллион вещей, которые нам все еще нужно обсудить, но каким-то образом мы втроем засыпаем.

И впервые за целую вечность у моих снов есть только счастливый конец.

ГЛАВА 10

ТОГДА КУЭЙД

— В миллионный раз отвечаю нет, Куэйд. Мы просто слишком взрослые для таких розыгрышей. — Говорит Логан, продолжая атаковать зомби, которого он пытался завоевать, кажется, целую вечность.

— Это богохульство, Логан!

— Нет, это не так. Нам по тринадцать. — На самом деле, если подумать, в следующем месяце мне исполнится четырнадцать. Так что я ни в коем случае не собираюсь вести себя как какой-то маленький ребенок.

— Но мы же дети! — Кричу я.

— Ты, может быть, и такой, но я нет. Пойди спроси Картера, если тебе так сильно хочется.

— Он просто скажет нет. Ты же знаешь, что в это время года ему всегда тяжело.

— Верно, — Логан морщится, понимая, что только что замолчал.

Пьяный водитель сбил родителей Картера в ночь дьявола семь лет назад. Насколько я помню, поскольку Картер не часто говорит об этом, его родители возвращались домой со свидания, и какой-то идиот, который не мог удержаться от выпивки, врезался в них и убил его маму и папу на месте. Картер ненавидит все, что связано с Хэллоуином, поэтому он ни за что на свете не согласился бы получить со мной бесплатные конфеты. Логан полный придурок, раз даже предложил это.

— Поскольку он не будет готов к этому, это означает, что тебе просто придется пойти со мной, — настаиваю я.

— Этого не произойдет. И, кроме того, тебе все равно не стоит есть такую дрянь, как конфеты. У тебя брекеты, помнишь? — Он насмешливо ухмыляется, демонстрируя свои идеальные жемчужно-белые зубы, данные богом.

— К черту брекеты. Они все равно снимутся через несколько месяцев. Немного сахара не повредит.

— Твоя мама разозлится, если у тебя не будет такой же улыбки, как у нее, — предупреждает он, прежде чем снова переключить внимание на свою игру.

Я закатываю глаза, потому что я почти никогда не вижу эту женщину достаточно долго, чтобы она даже вспомнила, что у меня есть брекеты, не говоря уже о том, чтобы огорчить

меня заботой о них. Бьюсь об заклад, она бы не заметила, если бы я съел сахара на целую конфетную лавку, пока не принесли бы счет от дантиста. Но это к делу не относится. У меня есть более неотложные дела, о которых нужно беспокоиться, например, убедить Логана вытащить палку из его задницы на время, достаточное для того, чтобы он смог пойти со мной сегодня вечером за угощением.

— Если это из-за того, что у тебя нет одежды, мы можем пойти в торговый центр, и я куплю тебе что-нибудь, — говорю я ему на случай, если он откажет мне, потому что не может позволить себе купить костюм.

— Мне не нужна твоя благотворительность, Куэйд, — отвечает он с рычанием на губах.

— Это не благотворительность, придурок! Это я хочу провести Хэллоуин, угощая своего лучшего друга. Могу ли я что-нибудь сказать или сделать, чтобы ты передумал?

— Нет.

— Серьезно? Это твой окончательный ответ?

— Ага.

Чертовски злой из-за того, что он умудрился испортить то, что, вероятно, будет моим последним шансом насладиться Хэллоуином как нормальный ребенок, я наступаю ему на носок каблуком своих Air Jordan's, заставляя его уронить пульт. Я беру его и ровно за десять секунд побеждаю всемогущего зомби-босса на экране, на борьбу с которым он потратил последние пять месяцев.

— Ты такой засранец! — Орет он на меня, его большие голубые глаза вылезают из орбит.

— Нужно знать одного! — Я рявкаю в ответ и вальсирую из его комнаты, хлопая дверью по пути. Ему повезло, что все, что я сделал, это испортил его игру. Я так зол, что мог бы врезать ему.

Когда я выхожу на улицу, мой взгляд сразу же падает на темно-синюю дверь через дорогу, и мой гнев мгновенно улетучивается.

Валентина.

Пошла бы она со мной за угощением или сказала бы, что это по-детски, как Логан? Позволил бы ее отец вообще пойти со мной? Я думаю, есть только один способ выяснить. Я бегу к ее дому и начинаю колотить в дверь, стремясь увидеть, смогу ли я убедить Вэл в радостях Хэллоуина. Мистер Э открывает дверь, выглядя немного не в своей тарелке, стирая сон с глаз.

— Извините, мистер Э. Я вас разбудил? — Я смотрю на свои часы и вижу, что уже одиннадцать утра, а не тот час, когда можно было бы ожидать, что кто-то еще спит.

— Нет, нет. Ты не разбудил меня. Я просто сосредоточился на работе, вот и все. — Зевает он.

— Должно быть, интересная штука, — поддразниваю я, получая ухмылку от старика Вэл.

— Что ты хочешь, Куэйд? Ужина не будет еще несколько часов. Или ты зашел на ланч? — Я думал, ты сегодня тусуешься у Логана, — говорит он в замешательстве, глядя через мое плечо на дом Логана.

— Нет, со мной все в порядке, — шепчу я, глядя себе под ноги, чтобы он не увидел румянец на моих щеках.

С того дня, как Вэл и ее отец переехали на нашу улицу, я практически всегда питаюсь здесь. Мои родители даже не заметили, что на их кредитной карте не было никаких

платежей за доставку, а если и заметили, то, черт возьми, ничего мне не сказали. Но опять же, единственное общение, которое у нас есть друг с другом, это несколько текстов по одному предложению каждые пару дней. Если бы у меня была хоть капля стыда, я бы не приходил так часто, но мне нравится семейная атмосфера этого дома. Больше всего мне нравится, как Вэл и мистер Э заставляют меня чувствовать себя частью семьи. Для такого ребенка, как я, чьим собственным родителям насрать, иметь кого-то, кто это делает, это удивительно.

— Ты уверен, малыш? Я могу быстро приготовить сыр на гриле, если ты хочешь?

— Нет. Я зашел не поэтому.

— О? Тогда зачем ты здесь? — Говорит он, прислоняясь к двери, в его золотистых глазах появляется любопытный блеск. Они выглядят точно так же, как у Вэл, и каждый раз, когда я смотрю на них, меня охватывает чувство умиротворения.

— Я хотел задать вам вопрос, мистер Э. Вэл когда-нибудь ходила за сладостями в этот день?

Свет, который сияет в его карих глазах, немного тускнеет, печаль начинает покрывать все его лицо.

— Нет, не совсем. Там, в Детройте, это было просто не то, что она могла делать, и, если честно, я даже не спрашивал ее, хочет ли она этим заниматься. Я вроде как проиграл в этом, не так ли, малыш? — Произносит он, в отчаянии проводя пальцами по волосам.

— Еще не поздно спросить ее.

Он смотрит на меня сверху вниз, в его взгляд возвращается истинная доброта.

— Дай угадаю. Ты хочешь взять с собой сегодня за угощениями мою малышку, не так ли? — Он улыбается.

— Да, сэр. Я действительно хочу. — Я киваю, выпрямив спину, чтобы он увидел, что я серьезен.

— Хорошо, малыш. Я помогу тебе. Будь здесь к ужину в своем костюме, после того как мы что-нибудь съедим, вы двое можете идти.

— Вы не пойдете с нами? — Подозрительно спрашиваю я, поскольку отец Вэл не обязательно относится к разряду спокойных людей.

Кто-то может сказать, что он написал учебник о том, как быть заботливым родителем, но я знаю, что вся его забота о Вэл исходит из хороших побуждений. Я имею в виду, после всего, через что она прошла со своим здоровьем, когда была ребенком, вполне нормально, что он чувствует себя защищающим по отношению к ней. Я даже не знал ее, когда она проходила через все это, и даже я становлюсь настороженным всякий раз, когда она выглядит усталой или у нее болит голова. Это чувство беспомощности. Если бы я ничего не знал о человеке, который является Эриком Росси, любви и преданности, которые он проявляет к Вэл каждый день, достаточно, чтобы я его чертовски уважал.

— Нет, Куэйд. Я доверяю тебе оберегать мою девочку, — признается он, подмигивая, отчего моя грудь распирает от гордости. — Просто держитесь поблизости, всегда держите при себе телефоны, и с вами все будет в порядке.

Волнение и счастье бегут по моим венам, и прежде, чем я даже понимаю, что делаю, я прыгаю и обнимаю его. Он хлопывает меня по спине и обнимает в ответ с той же силой, с какой я обнимаю его, и внезапно у меня на глазах появляются слезы.

Когда в последний раз меня по-настоящему обнимали? Ко мне прикасались и обо мне заботились?

Я продолжаю удерживать его, но, когда чувствую, что слезы начинают стекать по моим щекам, я отстраняюсь, чтобы вытереть их, прежде чем они упадут на его рубашку. Мистер Э. немного наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза, кладя обе руки мне на плечи.

— В чем дело, сынок? — Шепчет он с той же теплотой и добротой в голосе, что и в его золотистых глазах.

— Ничего особенного. Просто аллергия. — Я пытаюсь отыгаться, качая головой, чтобы он не увидел, что я разбит из-за одного объятия. К сожалению, судя по тому, как он озабоченно хмурит брови, мое оправдание его не убеждает.

— Знаешь, если ты когда-нибудь захочешь о чем-нибудь поговорить, ты можешь прийти ко мне. Я знаю, что некоторые вещи бывает трудно выразить даже своим друзьям, но я хочу, чтобы ты знал, что я здесь ради тебя, малыш.

Я сухо сглатываю и опускаю глаза, чтобы он не увидел, как его слова влияют на меня.

— Я никогда не говорил этого вам. Ну, на самом деле, любому из вас, но я буду вечно благодарен за дружбу, которую вы, мальчики, подарили моей дочери. Она самая счастливая из всех, кого я когда-либо видел, и вы трое, причина этого счастья. И благодаря этому вам всегда будет место за моим столом и в моем сердце. Ты понимаешь? — Мягко объясняет он, сжимая мое плечо, как настоящий отец сделал бы сыну.

— Вэл тоже делает нас счастливыми. Я имею в виду, она делает счастливым меня.

— Я знаю, что она любит вас, сынок. И каждый заслуживает немного счастья в своей жизни, не так ли?

Я просто киваю вместо того, чтобы сказать ему, что заслужить что-то и получить это, две совершенно разные вещи. Логан заслуживает того, чтобы не беспокоиться о том, вернется ли его отец на своих двоих или в сосновом ящике. Картер заслуживает того, чтобы не сидеть взаперти в своей комнате на Хэллоуин, переживая смерть своих родителей каждый раз, когда закрывает глаза.

А я?

Я просто хочу сладости, чтобы притвориться беззаботным ребенком, у которого нет проблем больше, чем выбрать конфету. На одну ночь я просто хочу не быть один. Вести себя так, как будто я самый счастливый ребенок на нашей улице, когда на самом деле я просто самый одинокий.

— Я знаю, иногда жизнь становится сложной, иногда даже одинокой, — объясняет он, как будто читая мысли в моей голове, — но если в твоей жизни есть настоящая дружба, люди, на которых ты можешь положиться, тогда это переносить легче. Семья необязательно означает ту, в которой ты родился, она та, которую ты выберешь сам. Имеет ли это смысл?

— Вэл моя семья, — шепчу я, мое горло хрипит от эмоций.

— Я знаю, и ты ее.

Я вытираю слезу с глаз, втайне желая, чтобы мистер Э. был моим отцом, а не тем, который у меня есть. Но я думаю, основываясь на том, что он только что сказал, отец Вэл на самом деле не обязательно должен быть моим отцом, чтобы я мог считать его таковым. По крайней мере, единственная реальная фигура отца, которая у меня есть. На моем лице появляется улыбка, и внезапно я чувствую себя легче.

— Ладно, малыш. Как насчет того, чтобы позвать Вэл вниз и отправиться в торговый центр, чтобы купить ей идеальный наряд на вечер?

— Вы думаете, она подумает, что это ребячество?

— Я думаю, ей понравится эта идея. Пока она с тобой, нет ничего, что не понравилось

бы моей малышке.

Еще одна широкая улыбка появляется на моем лице, его слова о выборе семьи, которую ты хочешь, все еще звучат в моих ушах, когда он зовет Вэл вниз.

— Я не спрашивал. В качестве кого ты идешь сегодня вечером?

— Я буду в роли Джокера, — отвечаю я, озорно подмигивая.

— Конечно, я должен был догадаться. — Он хихикает в тот момент, когда Вэл поднимается на последнюю ступеньку, ее красивая улыбка становится шире, как только ее глаза останавливаются на мне.

— Ну, если ты выступаешь в роли Джокера, тогда, полагаю, я твоя Харли Квин, — она как будто поет песни с легким смехом, успокаивая мои нервы и превращая то, что оказалось эпическим провалом Хэллоуина, в лучшее, что у меня когда-либо было в жизни.

ГЛАВА 11

СЕЙЧАС КАРТЕР

Я просыпаюсь со стоном. Солнце едва взошло, и я проклинаяю это. Сказать, что я плохо спал, было бы преуменьшением. Я проспал, может быть, часа два, мои мысли были заняты Валентиной. Самым ярким эпизодом, конечно, был тот поцелуй, которому я поддался в минуту слабости.

Я также не мог выкинуть из головы ее разочарованный взгляд.

Несмотря на ранний час, мой телефон жужжит. Логан отправил мне сообщение. Странно видеть его имя на моем телефоне после стольких лет. Было время, когда я и часа не мог прожить без того, чтобы он или Куэйд не присылали мне всякую чушь. Мы переписывались несколько раз после того, как наши пути разошлись, но никто из нас не удосужился сообщить остальным, когда мы сменили наши телефонные номера. Для этого не было причин. Мы стали незнакомцами друг для друга быстрее, чем друзьями.

Прошлой ночью мы обменялись номерами телефонов, и, глядя на их имена сейчас, я не уверен, сожалею ли я об этом или нет. Все было похоже либо на прекрасный сон, либо на начало моего худшего кошмара. Однажды я потерял их всех и мог с готовностью признать, что в их отсутствие я стал мрачнее, безжалостнее, хладнокровнее. Потерять их снова... особенно Валентину, возможно, избавит меня от последних остатков человечности, оставшихся во мне. Я уже тот парень, который сфотографировал мертвого солдата, чтобы получить награды. Мне страшно представить, какой была бы более сломанная версия меня самого.

Тряхнув головой, чтобы попытаться отогнать свои гнетущие мысли, я открываю текст, и сильная волна дежавю накатывает на меня, когда я это делаю. Текстовые сообщения его и Куэйда очень напоминают о нашей юности. Оба сообщения представляют собой строго

сформулированные команды, чтобы я не испортил день и не навредил Валентине.

Трудно понять, как они могли просто вернуться, как будто ничего не произошло. Как будто она не покидала нас. Они оба симпатичные парни. Как художник, я всегда замечал красоту в других, даже если мужские формы ничего не значат для меня. Я уверен, что за то время, пока мы были врозь, в их жизни не было недостатка в женщинах. Особенно у Куэйда. В конце концов, футбольная слава и киска идут рука об руку. И все же они здесь вдвоем, отчаянно возвращаясь на орбиту Валентины, как будто она, солнце и то, что им нужно для выживания.

Это действительно жалко. Мы больше не мальчишки-подростки, отчаянно пытающиеся найти признание везде, где только могли. Теперь она чужая. Теперь она ничто. Или, по крайней мере, это то, что я пытаюсь сказать себе. Но все же, тот поцелуй всплывает в моей памяти, или, может быть, удары по моему мозгу были более подходящим описанием. Воспоминание решительно требует признания, даже если я делаю все возможное, чтобы отбросить его в сторону.

Приходит еще одно сообщение от Логана.

Лувр в 10. Сначала позавтракаем в Les Doux Magots.

Я вздыхаю и плюхаюсь обратно на подушки, не уверенный, хочу ли я запятнать мой любимый город в мире воспоминаниями о ней.

Я должен был увидеть Париж с Валентиной. Мы говорили об этом, когда были только вдвоем, открывали книги о путешествиях и планировали воображаемые маршруты. Вместо этого я пошел один, через два года после того, как она ушла по раннему заданию в одной из первых газет, в которых я работал. Я бродил по городу, влюбляясь во все, что в нем было, и пытался исцелить свое сердце раз и навсегда.

Мое сердце не зажило, но Париж стал частью меня. Место, где я наконец был счастлив после двух долгих несчастных лет. И теперь Валентина собирается все испортить. Меня так и подмывает отправить ответное сообщение, которое я собирался передать, но снова этот поцелуй, ее глаза, ощущение ее кожи врезаются в мой разум. Я думал, что излечился от своей зависимости к Валентине, но очевидно, что она так же сильна, как и раньше.

Блядь.

Я вытаскиваю себя из постели, чтобы принять душ. На самом деле холодный душ, потому что я, по крайней мере, говорю себе, что не собираюсь дрончить на пухлые губы Валентины или ее карамельный вкус. К тому времени, как я выхожу из душа, у меня такое чувство, будто я провел девять раундов на боксерском ринге, собрав столько силы воли, сколько потребовалось мне, чтобы не поддаться своему ноющему члену.

Я смотрю на себя в зеркало, смотрю в свои бессердечные глаза и в миллионный раз задаюсь вопросом, что, черт возьми, я с собой делаю. Я мог бы поклясться, что я не увлекаюсь мазохизмом. Я притворяюсь, что не замечаю дополнительного времени, которое трачу на подготовку. Или тот факт, что я чувствую прилив энергии несмотря на то, что прошлой ночью я почти не спал. Я также притворяюсь, что не замечаю предвкушения, бурлящего у меня внутри при мысли о том, что я снова увижу Валентину.

Когда я готов, я проверяю свой телефон, почему-то удивленный, увидев сообщение от соблазнительницы, о которой идет речь.

Не могу дождаться встречи с тобой.

Это простое выражение ранит меня. Оно проникает мне под кожу, угрожая разрушить холодную внешность, над поддержанием которой я так усердно работал.

Я ненавижу ее.

И я люблю ее.

И я бы хотел, чтобы я никогда не отвечал на зов сирены в ее письме.

Напоминая себе быть сильным и говоря себе, что я попрощаюсь после этой небольшой экскурсии, которую я просто провожу в память о старых добрых временах, я выхожу из своего гостиничного номера, зная, что иду на пятнадцать минут раньше, но не в силах себя контролировать.

Сегодня она одета в синее. Это мой любимый цвет, и я рассеянно задаюсь вопросом, сделала ли она это нарочно, цвет просто еще одно оружие в ее зловещем арсенале. Ее волосы сегодня тоже распущены, мой любимый способ, которым она их носит. Они длиннее, чем были в подростковом возрасте, почти достигая идеального изгиба ее задницы. Синий подчеркивает золотистый оттенок ее кожи и глаз, придавая ей почти ангельский вид. Интересно, какого цвета белье у нее под платьем. Я ненавижу то, как отчаянно я хочу это выяснить. Я стискиваю зубы и, наконец, отрываю от нее взгляд, ненавидя себя за момент слабости.

Она нашла меня в ту же секунду, как вошла в кафе, как будто почувствовала меня. Ее золотистый взгляд встретился с моим, и я мог бы поклясться, что на мгновение весь мир вокруг нас исчез. Но затем Логан и Куэйд переступают порог вслед за ней, не в силах удержаться, чтобы не прикоснуться к ней, и момент испорчен.

Мне еще раз напомнили о том факте, что меня было недостаточно для того, чего я хотел для себя больше всего на свете. Осознание этой суровой правды в восемнадцать лет стало гвоздем в крышку гроба моей испорченной юности.

Похоже, ожог все еще присутствует, даже когда я взрослый.

— Это потрясающее место, — вздыхает она, когда их троица подходит к столику, который мне каким-то образом удалось найти в и без того переполненном кафе.

— Это ловушка для туристов, — огрызаюсь я, ненавидя удрученное выражение ее лица.

Я знаю, почему она хотела поехать сюда. Это было в той дурацкой книге о путешествиях. Первое место, где мы хотели поесть, когда приедем в Париж.

И вот я здесь, разрушаю это для нас.

— Выпечка и капучино очень вкусные, — говорю я ей примирительно, игнорируя то, как подпрыгивает мое сердце, когда ее лицо заметно просветляется. Она медленно улыбается мне, и я чувствую себя так, словно спрыгнул с гребаного обрыва, когда мой желудок подпрыгивает при виде этого.

Стройная блондинка-официантка подходит к столику с небольшим блокнотом, чтобы получить наш заказ. Она привлекательна, но по сравнению с красотой Валентины она все равно что краска на стене. Валентина отдает свой заказ, убивая иностранные слова настолько, что я почти улыбаюсь. Почти.

Куэйд и Логан не утруждают себя тем, чтобы сдерживать свои ухмылки. От Логана, в частности, тошнит, когда он намеренно сокращает слова, хотя я точно знаю, просматривая вчера вечером биографию его фирмы, что Логан за последние десять лет свободно говорит по-французски.

Долбаный придурок.

Официантка берет заказ, хлопая ресницами. Я замечаю, что щеки Валентины краснеют, и мне интересно, действительно ли она ревнует. Я не уверен, как она упустила тот факт, что Логан и Куэйд готовы целовать ей ноги, если она попросит.

Официантка кладет руку мне на плечо, когда спрашивает, какой я хочу эспрессо, и меня охватывает довольная улыбка, когда взгляд Валентины отслеживает это движение. Она выглядит так, будто собирается перепрыгнуть через стол и сорвать руку женщины с моего плеча. Похоже, что отсутствие личного пространства у французов в данный момент работает в мою пользу.

Куэйд бросает на меня взгляд, как будто он точно знает, что я делаю, но я демонстративно игнорирую это. Логан, засранец, дразнит Валентину, эффективно отвлекая ее внимание. Я стряхиваю руку официантки, заставляя ее фыркнуть и уйти, скорее всего плюнув в мой кофе. Я натягиваю воротник, чувствуя, что что-то упускаю без внимания Валентины. Я притворяюсь, что не слушаю, как Логан и Куэйд флиртуют с ней. Они не могут оторваться от нее, и мои глаза расширяются, когда я думаю о возможной причине их непринужденности с ней этим утром.

Они трахали ее прошлой ночью?

От одной этой мысли у меня перед глазами все краснеет. Я хватаюсь за стол, резко отпускаю, когда старое дерево трескается. Валентина удивленно смотрит на меня, когда слышит шум.

И снова Куэйд стреляет в меня взглядом. Это упражнение в том, чтобы честно пережить пытки.

Нам приносят еду, на этот раз официантка избегает меня. Валентина долгую секунду смотрит на свою еду, и на ее лице появляется выражение крайней тоски. Как будто, вместо парижской выпечки, лежащей на ее тарелке, это ее худший кошмар. Или особенно ужасное воспоминание.

— Вэл? — Логан осторожно спрашивает через мгновение.

Она одаривает всех нас неуверенной улыбкой.

— Не могу поверить, что я здесь, — шепчет она. — Почему я ждала всю свою жизнь, чтобы приехать в Париж и посетить это кафе?

Куэйд смеется.

— Ну, тебе всего двадцать восемь, — хихикает он. — Я не уверен, что большинство людей к этому возрасту побывали в Париже. Ты намного опережаешь события.

Она продолжает странно смотреть на выпечку, прежде чем покачать головой.

— Да, ты абсолютно прав. Я намного впереди.

По какой-то причине мне не нравится ее комментарий. Она не говорит правды.

Валентина, которую я знал, не лгала. Она носила все, что было в ней, на поверхности, видимое любому. Для нас троих это была работа на полный рабочий день, защищать ее от стервятников, которые хотели воспользоваться этим. Но эта Валентина, сидящая за столом напротив меня, лжет. Она окутана тайнами, и я ненавижу это. Это заставляет меня хотеть раскрыть все ее слои один за другим и обнажить ее догола.

Наши взгляды встречаются, и она быстро отводит взгляд, и я знаю, она может сказать, что я вижу ее насквозь. Приклеив на лицо широкую ухмылку и демонстративно игнорируя мой вопросительный взгляд, она берет свою выпечку и откусывает большой кусок, издавая громкий удовлетворенный стон, который имеет глупый и прискорбный эффект... у меня встает под столом. По крайней мере, два других долбоеба за столом страдают от того же аффекта.

Логан смахивает крошку с ее губ, и она благодарно улыбается ему, прежде чем продолжить есть свою выпечку.

— Это лучше, чем я представляла, — шепчет она, глядя на меня. Моя рука замирает, когда я смотрю на нее, и я снова вспоминаю, что когда-то я был просто мальчиком, отчаянно влюбленным в девушку, и я бы сделал что угодно, чтобы получить этот момент.

Этот мальчик был бы разочарован в том человеке, которым я являюсь сегодня.

Этот человек тоже.

ВАЛЕНТИНА

Картер видит слишком много. Он всегда видел. Это связано с тем, что нужно быть слушателем, а не оратором, он видит все. Даже то, что вы отчаянно пытаетесь скрыть. После моей неудачи моя выпечка и близко не кажется мне такой вкусной, какой была, когда я впервые откусила от нее. Я с трудом проглатываю последний кусочек и запиваю его своим напитком. Предполагается, что я должна воздерживаться от кофеина так же, как и от алкоголя, но я и так едва могу продержаться целый день. Если у меня есть только три месяца, я хотела бы иметь хоть какую-то энергию, пусть даже искусственную.

Черт.

Моя рука начинает дрожать, когда я ставлю свой кофе, и я расплескиваю кофе по девственно белой скатерти. На это обращает внимание только Картер. Всегда Картер. И он смотрит на меня с вызовом во взгляде, как будто если он будет смотреть на меня достаточно долго, правда в конце концов сорвется с моих губ.

— Просто побочный эффект моего последнего лечения, — беззаботно смеюсь я. — Еще одна причина, по которой завершение моего пути к профессии хирурга, вероятно, было бы непрактичным сейчас. Можете ли вы представить, если бы у меня вот так задрожали руки, и я случайно отрезала что-то важное? — Я улыбаюсь, говоря все это, даже если каждое слово убивает меня. Я хотела бы, чтобы дрожь была вызвана лечением, а не болезнью. Я могла бы найти способ облегчить это.

Но не было способа облегчить дрожь в сочетании с кратковременной потерей памяти, рвотой и тошнотой, вызванными опухолью головного мозга.

— А как насчет общей медицины? — спрашивает Логан, который всегда умел решать проблемы.

— Там все равно придется делать уколы, накладывать швы и т. д., — тихо говорю я, нервно убирая прядь волос с лица. У меня нет никакого интереса развивать эту тему. Однажды мне было достаточно тяжело потерять карьеру. Разговоры об этом только усугубляют ситуацию.

— Может, нам пойти в туалет? — Внезапно Куэйд говорит с ужасным британским акцентом, фактически обрывая все, что собирался сказать Логан.

— Тебе нужно в туалет? — спрашиваю я со смешком.

— Я имею в виду музей. Я неправильно сказал? — спрашивает Куэйд. Он пытается выглядеть невинным, но дьявольский блеск в его взгляде говорит мне, что он знает разницу между "туалет" и "Лувр" и просто пытается спасти меня от потенциально очень тяжелого

разговора.

Я встаю из-за стола, на секунду закрывая глаза от головокружения, которое испытываю. Это будет тяжелый день. Прекрасно, что мои симптомы решили обостриться после дня тяжелой ходьбы. Я незаметно достаю еще одну из своих волшебных таблеток и закидываю одну в рот, после чего быстро запиваю кофе.

— Готова к работе? — Приветливо спрашивает Куэйд, протягивая мне руку.

Несмотря на то, как паршиво я начинаю себя чувствовать, я пользуюсь моментом, чтобы насладиться тем фактом, что я действительно могу держать его за руку. Тот факт, что я получаю этот шанс с ними, невероятен.

Картер все еще испытующе смотрит на меня, и я дарю ему то, что, я надеюсь, выглядит как искренняя улыбка. Я должна верить, что он одумается, и у меня тоже будет этот шанс с ним. Черт возьми, я бы с радостью справлялась с его угрюмостью в течение следующих трех месяцев, если бы он делал это рядом со мной.

Мы выходим из кафе и направляемся в Лувр. Куэйд держит меня за руку все время, пока мы идем, в то время как Логан держится с другой стороны от меня, время от времени толкая меня, чтобы я не забывала, что он рядом. Картер — безмолвный страж позади меня, и я чувствую, как его вопросительный взгляд упирается мне в затылок, пока мы идем.

Мне нужно найти способ отвлечь его.

Мы выходим на большую площадь, и там нас ждет знаменитая стеклянная пирамида. Я отстраняюсь от Куэйда и визжу, возбужденно вскидывая руки в воздух, мои симптомы на короткое время исчезают, когда я понимаю, что собираюсь пойти в гребаный Лувр. Даже Картер выглядит взволнованным несмотря на то, что он был здесь несколько раз, основываясь на нашем разговоре прошлой ночью.

Я неожиданно хватаю Картера за руку, так что у него нет выбора, кроме как пойти со мной. Поскольку Париж всегда был нашим местом, мне кажется уместным, что я привязываюсь к нему, когда мы входим в музей.

— У меня есть список того, что, по мнению "Нью-Йорк Таймс" и нескольких других мест, мы должны увидеть, — выпаливаю я, дрожащей рукой вытаскивая листок бумаги из сумочки, продолжая крепко сжимать руку Картера. Вероятно, я могу успокоиться, он не делал никаких попыток отодвинуться и на самом деле выглядит скорее удивленным моими выходками, чем раздраженным... но я не хочу рисковать.

— Что у тебя в списке, принцесса? — спрашивает Куэйд, лишь наполовину заинтересованный. Он никогда не был любителем музеев по крайней мере, не был, когда мы были моложе. Судя по тому, что его, кажется, больше интересует, как мое платье сидит на моей заднице, чем бесценные произведения искусства, которые мы только начали рассматривать, я не думаю, что это вообще изменилось.

— Ну, конечно, Лиза. Ника Самофракийская, "Умеряющий раб" Микеланджело, "Венера Милосская" Ламассуса, "Свобода, ведущая людей" Эжена Делакруа, "Великий сфинкс Офтаниса" Боттичелли, "Три грации", "Кодекс законов Хаммурапи" и "Габриэль д'Эстре и ее сестра, герцогиня Вилларская", — цитирую я, читая свои заметки.

— Хммм, — Картер издает уклончивый звук, как будто он не согласен с моим тщательно подготовленным списком.

— Вы издеваетесь над моим списком, мистер Хейз? — спрашиваю я игриво.

Картер почти улыбается мне. Почти.

— Я бы не посмел, мисс Росси, — мурлычет он мне, и я клянусь, что мои трусики

становятся влажными. Картер Хейз был сексуальным подростком. Кому не нравится задумчивый плохой мальчик?

Но у него было десять лет, чтобы довести до совершенства ту задумчивость и таинственность, которые сводили с ума меня и всех девушек, и на это действительно стоит посмотреть.

— Возможно, тебе стоит закрыть этот рот, милая, не хотелось бы, чтобы в него что-нибудь влетело, — поддразнивает Куэйд, нежно щекоча мой подбородок, пока я восхищенно смотрю на Картера.

— Хорошо, мы пройдемся по моему списку, и ты можешь рассказать нам о своем списке, когда мы пройдемся по всем комнатам, — надменно говорю я Картеру после того, как оправилась от почти оргазма, который я испытала только от небольшого флирта с ним.

Мы начинаем прогуливаться по комнатам. Иногда я слушаю, как в наушниках звучит экскурсия с гидом, в другое время Картер может предложить разные вещи. Иногда Куэйд вставляет шутку о пенисе, поскольку они, кажется, повсюду, а Логан комментирует людей, за которыми он наблюдает, вместо рисунков.

Это практически идеально. Намного превосходя все, о чем я могла мечтать.

Да... потому что ты никогда не мечтала оказаться на пороге смерти, ноет моя внутренняя сучка.

Отбросив мрачные мысли, я снова сосредотачиваюсь на туре.

— Ты должна увидеть это, — внезапно взволнованно говорит Картер, хватая меня за руку и таща через зал туда, где висит картина, изображающая молодую женщину, то ли спящую, то ли мертвую, лежащую в луже воды, а темная фигура наблюдает за происходящим впереди.

Глядя на название картины, девушка, очевидно, мертва. "Юная мученица Поля Делероша, 1855", — тихо прочитала я.

— Это одна из моих любимых, — комментирует Картер торжественным голосом. — Ты можешь поверить, что она когда-то висела в сувенирном магазине, прежде чем ее перенесли сюда? — Спрашивает он, недоверчиво качая головой.

— Нет, я не могу себе этого представить, — отвечаю я, затаив дыхание. Чем больше я смотрю на картину, тем больше влюбляюсь в нее. Слезы текут по моему лицу, когда я смотрю на картину. Я не уверена, то ли дело в красоте падшей женщины, то ли в мужчине, наблюдающем за происходящим на расстоянии, а может быть, просто в том, что Картер проявил достаточно заботы, чтобы показать мне этот фрагмент, который так взволновал его.

Я не скрываю своих эмоций, я просто стою обнаженная перед Картером и всеми остальными в комнате, кто потрудился посмотреть. И я просто позволяю себе чувствовать. Еще через мгновение я отрываюсь от картины, и мы с Картером присоединяемся к Куэйду и Логану, которым через минуту стало скучно, и они перешли к другим работам.

Мы с Картером продолжаем украдкой смотреть друг на друга до конца нашего пребывания там. Что-то изменилось там в тот момент перед этой картиной, и это не то изменение, на которое я буду жаловаться.

Мы находим все произведения искусства из моего списка, и все они поражают меня, просто не так сильно, как те, что показывает нам Картер. Куэйду приходится поднимать меня, чтобы я увидела их. Мона Лиза. Вокруг нее столпилось так много людей с селфи-палками, что я никогда бы не смогла увидеть без его помощи.

Он опускает меня на землю, чтобы пощупать мою задницу, и я ухмыляюсь ему. Нет, я

вообще не нахожу ничего, на что можно было бы пожаловаться в этой небольшой экскурсии.

День проходит аналогично. Я стараюсь оставаться в настоящем, потому что легко пойти по пути ненависти к тому, что я упустила это за последние десять лет. Каково было бы заручиться их поддержкой, когда я училась в медицинской школе? У меня никогда не получалось заводить друзей. Было ли это, когда я была больна или когда я оплакивала своего отца и теряла ребят, я всегда оставалась на окраине, никого по-настоящему не впуская. Это привело к одинокой дороге, даже с теми парнями, которые у меня были. Я могла представить, какой была бы медицинская школа сейчас.

Логан приносил бы мне закуски, когда я допоздна занималась, и оставался бы со мной, пока я не закончу, Куэйд заставлял бы меня смеяться, когда я была напряжена, и давал понять, что это не конец света, если я не сдам тесты. Картер подтолкнул бы меня вперед своей спокойной настойчивостью, дав мне понять, что он верит в меня и что то, что я делаю, изменит мир к лучшему.

Ну, вот я и делаю то, чего пыталась избежать.

— Все в порядке, принцесса? — спрашивает Куэйд, когда мы выходим из музея. Я где-то читала, что если вы действительно не торопитесь, просматривая каждый экспонат в Лувре, на то, чтобы просмотреть все, уйдет семьдесят пять дней. У меня, очевидно, не было такого количества времени, поэтому я не планировала никакого дополнительного времени после сегодняшнего.

Но это было идеально.

— Все идеально, — говорю я ему с улыбкой, и он берет мою руку и сжимает ее.

ГЛАВА 12

ТОГДА КАРТЕР

Я чувствую ее присутствие еще до того, как вижу ее. Довольная ухмылка тронула уголок моих губ, когда Вэл опустилась на пол рядом со мной. Прислонившись спиной к книжным полкам, она подтягивает колени к подбородку и одаривает меня одной из своих великолепных улыбок.

— Ты снова прячешься, — говорит она, толкая меня локтем в плечо.

— Я не прячусь, — отвечаю я отстраненно, мое внимание возвращается к книге в моей руке.

— Да? Тогда как ты называешь то, что ты всегда проводишь свой обеденный перерыв в одиночестве в школьной библиотеке?

— Я называю это социальной избирательностью.

— Это твой способ сказать, что ты не хочешь, чтобы я была рядом? — Она издает тихий смешок.

Я наклоняю к ней голову, эти потрясающие орехово-золотистые глаза смотрят в самую мою душу, как, кажется, они всегда так делают.

— Ты никогда не услышишь этих слов из моих уст, Вэл.

Она пытается скрыть румянец, который начал покрывать ее щеки, заглядывая в свою сумку для книг в поисках чего-то. Она достает коричневый бумажный пакет, а затем продолжает раскладывать каждый предмет в нем перед нами. Два сэндвича с куриным салатом, два пакета чипсов и две диетические кока-колы разложены на голубом ковре библиотеки, словно для импровизированного пикника.

— Хорошо, что тогда я пришла подготовленной, — отвечает она, протягивая мне сэндвич.

Без колебаний я беру его, кладя книгу на колени.

Я всегда беру все, что предлагает мне Вэл. Будь то улыбка, нежный смех, приглушенный шепот или даже гребаный сэндвич. Для меня не имеет значения, что она мне дает, мое голодное сердце всегда готово принять от нее все и сохранить нежность в самой середине моей души.

— Я думала, когда мы перейдем в среднюю школу, ты хотя бы будешь обедать в кафетерии.

— Почему ты так думала?

— О, я не знаю? Может быть, чтобы вписаться? — Она дразняще щелкает меня по лбу.

— Я спрошу еще раз. Зачем мне это делать?

— Ты невозможен. Я никогда не встречала человека, испытывающего большее отвращение к людям, чем ты. — Она разочарованно вздыхает.

— Это неправда. Мне нравятся люди.

— Да? Кто? — Она обвиняюще шевелит бровями.

— Ты мне нравишься, — говорю я невозмутимо, не сбиваясь с ритма.

Она снова краснеет, наклоняет голову, чтобы открыть пакет с чипсами, а затем передать его мне.

— Я должна тебе нравиться. Я одна из твоих лучших подруг, — наконец отвечает она более сдержанно.

Я переворачиваю страницу своего блокнота вместо того, чтобы ответить ей. Сейчас нет смысла вести этот разговор. Дружба, это не то, что связывает меня с Валентиной, и даже если она не готова это признать, это тоже не то, что связывает ее со мной. Ни с кем из нас.

— Что ты читаешь? — Она указывает на книгу в моей руке, ее отчаянная попытка уйти от темы.

— Я не читаю. Я учусь. Это домашнее задание.

— Домашнее задание? Правда? — Подозрительно спрашивает она, глядя на книгу у меня на коленях.

— По крайней мере, это своего рода домашнее задание для меня.

Она закатывает глаза на мою неопределенность и забирает блокнот у меня из рук. Вместо того, чтобы забрать его обратно, я откусываю большой кусок от своего сэндвича, позволяя ей. В отличие от большинства блокнотов, которые я ношу с собой, в этом блокноте, наполненном фотографиями и коллажами, она не является моей музой, поэтому я не вижу

никаких проблем в том, чтобы она немного заглянула, чтобы утолить свое любопытство.

— Что это? — Она замолкает, ее глаза расширяются, когда она начинает понимать, на что смотрит.

— Просто несколько изображений, которые папа Логана привез мне из своего последнего тура по Ираку.

Она рассматривает каждый снимок, ее пальцы обводят их с деликатной осторожностью. Моя грудь раздувается от гордости, когда она уделяет соответствующую минуту таким снимкам. Война никогда не бывает красивой, но иногда, даже среди такого опустошения, надежда все еще может быть запечатлена на пленке.

— Они прекрасны и завораживают одновременно. Их сделал отец Логана?

— Нет. Это копии снимков, сделанных фотожурналистом для публикации, который несколько месяцев следил за майором. Видишь? На этом изображен отец Логана, играющий в футбол с несколькими детьми рядом со своим танком.

— Они довольно пугающие, независимо от того, насколько безупречно они выглядят.

— Правда всегда пугает, Валентина, — объясняю я, заправляя один из ее длинных иссиня-черных локонов за ухо.

Она наклоняется ко мне, кладя голову на изгиб моей шеи и кладя открытый блокнот обратно мне на колени.

— Это то, чем ты хочешь когда-нибудь заняться? Побывать в подобных местах?

Я киваю.

— Да. Ты удивлена?

— Думаю, мне не следует этого делать. Я знаю, как сильно ты любишь фотографию. Я просто думала, что ты собираешься фотографировать горы или озера, или что-то в этом роде. Я всегда представляла тебя в какой-нибудь прекрасной экзотической далекой стране. Не в таком месте, как это, где ты можешь пострадать, — заикается она, страх покрывает каждое ее слово.

— Съемка ландшафта не передает той уязвимости и красоты, которые может вызвать в воображении человеческое существо, Валентина. Правильно сделанный снимок может заставить тебя почувствовать то, что чувствует тот или иной человек в этот самый момент. Будь то боль, страдание или ничем не сдерживаемая радость. Это иронично, но смотреть сквозь призму, единственный раз, когда я действительно предпочитаю находиться среди людей. Как будто они неосознанно позволяют мне увидеть, что лежит в их душе. Горная вершина не может этого сделать, не так ли?

— Но, по крайней мере, это было бы безопасно, — шепчет она.

— Это то, что тебя беспокоит? Моя безопасность?

— Ты будешь дразнить меня, если я скажу да.

— Нет, я не буду. — Я беру ее руку и слегка сжимаю, прежде чем поднести к губам и запечатлеть поцелуй на ее запястье. — Ты можешь бояться за меня, но я бы предпочел, чтобы ты гордилась мной.

Она запрокидывает голову, чтобы посмотреть мне в глаза, наши лица всего на волосок друг от друга.

— Я горжусь тобой, Картер. Тебе не обязательно ехать в зону боевых действий, чтобы получить это от меня, — шепчет она, ее водянисто-золотистые глаза запечатлелись в моей мрачной душе.

Я обхватываю ее лицо обеими руками, и она мгновенно наклоняется к ним, наслаждаясь

моим прикосновением.

— Я хочу быть там, детка. Я хочу, чтобы в мире остался отпечаток моего большого пальца. Чтобы что-то изменить. Это единственный известный мне способ. Картинка заставляет людей задуматься. Реагировать. Изменять. Это откровение, и никто не сможет опровергнуть его правдивость.

— Я ведь не смогу переубедить тебя, не так ли?

— Не об этом и не о том, чтобы обедать в кафетерии, — отвечаю я, пытаюсь разрядить окружающее нас тяжелое настроение.

Она слабо улыбается мне, заставляя мое сердце сжиматься в грудной клетке. Мое дыхание сбивается, когда она закрывает веки и наклоняется ко мне, прижимаясь своими губами к моим. Сначала нежный поцелуй застает меня врасплох, но, когда я смакую ее вкус на своем языке, все мои чувства пробуждаются. Я провожу пальцами от ее щеки к основанию ее шеи, баюкая ее, чтобы ее губы оставались прижатыми к моим так долго, как она позволит. В этом я ощущаю ее страх за меня, ее нежелание отпускать меня. Но самое главное, я чувствую вкус ее любви. Это единственная правда, которую мне не нужно запечатлевать на камеру. Она навсегда запечатлется в моем сердце, и никакая фотография, которую я мог бы сделать, никогда не передаст ее должным образом. Как я могу когда-либо бояться ехать в такие охваченные войной страны, когда у меня есть любовь этой девушки, которая помогает мне выздороветь? Война меня не пугает. Резня и кровопролитие меня несколько не пугают. Единственный невысказанный страх, который у меня есть, это отсутствие Валентины в моей жизни, и я бы сделал практически все, чтобы этого не произошло. Но темная часть во мне, та, что кричит о том, что истинное счастье не может длиться вечно, шепчет мне на ухо свое предупреждение.

Я пытаюсь запихнуть это обратно в заточение своего разума, но чувствую, как это загрязняет мою душу, поскольку ее сладкие губы продолжают обещать мне, что то, что у нас есть, неприкосновенно, нерушимо и вечно. Если я продолжу целовать ее вот так, именно так, может быть, однажды я поверю в сладкую ложь о том, что ничто не сможет разлучить нас.

ГЛАВА 13

СЕЙЧАС ВАЛЕНТИНА

Мы только что закончили потрясающий ужин и пытаемся решить, что делать дальше. Я знаю, что хочу сделать, но не уверена, что остальные трое будут готовы к этому. Опять же, я все еще так мало знаю о том, кто они сейчас. Я делаю глубокий вдох, решая быть храброй. Меньше трех месяцев и все такое.

— Я хочу пойти в клуб, — выпаливаю я.

Все трое смотрят на меня с поднятыми бровями и одинаковыми растерянными лицами. На самом деле это довольно мило.

— Ты ненавидишь толпы, — отвечает Картер как ни в чем небывало, его брови, возможно, выше, чем у других.

— Раньше я ненавидела толпы, — тихо поправляю я. Его лицо вытягивается при моем комментарии.

— Ну тогда, какого черта мы ждем? Пойдем по клубам! — Восторженно говорит Куэйд.

Я смотрю на Картера, ожидая, что он оттолкнет меня, но, на удивление, он выглядит невозмутимым.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я его, мои собственные брови приподнимаются теперь от его молчаливого согласия. Он бросает на меня испепеляющий взгляд, от которого мои трусики становятся неприятно влажными.

— Думаю, посмотрим, — загадочно говорит он. — Я как раз знаю одно место.

Короткая поездка на машине, и мы оказываемся перед большим зданием промышленного вида. Я слышу музыку, доносящуюся изнутри, и там больше людей, ожидающих попасть внутрь, чем было у Лувра.

— Эм, ребята, я не уверена, что готова ждать до завтрашнего вечера, чтобы попасть сюда. Я действительно хочу увидеть Версаль, — шучу я.

— Я говорил тебе, что у меня есть связи в этом городе, — сухо комментирует Картер, снова нехарактерно подмигивая мне, что опять же производит на меня немалый эффект.

Все трое этих мужчин, похоже, изучили "Как быть сексуальным 101" за время нашей разлуки. Я не жалуясь на результаты.

Картер берет меня за руку, отчего по моей руке пробегают мурашки, когда он выходит вперед, где четверо очень внушительных вышибал стоят на страже перед фиолетовой веревкой. Куэйд отходит в сторону от нас, а Логан идет немного позади меня, его рука прижата к моей пояснице, на том месте, которое я всегда называла "убийца женщин", прямо над началом твоей задницы. Обычно от этого жеста у меня мурашки бегут по коже, но, зная, что сейчас это делает Логан, эффект получается почти чрезмерным. В течение дня мой мозг начал давать сбои из-за того, что я находилась в такой непосредственной близости от них троих.

Я предполагаю, что это может быть и рак мозга, но я бы предпочла думать, что это фактор остроты трех из них вместе взятых.

Картер добирается до каната, игнорируя возмущенные крики толпы, которая, скорее всего, ждет часами. У меня отвисает челюсть, когда он отпускает мою руку, чтобы врезать кулаком двум самым крупным вышибалам. Они выглядят так, что, вероятно, могли бы оба дотянуть мою машину до дома, если бы захотели, и Картер, похоже, с ними лучшие друзья.

— Селеста сойдет с ума, когда увидит тебя, братан, — комментирует один из них с явным американским акцентом. Он окидывает взглядом нас четверых, его взгляд останавливается на мне. — Ты просто напрашиваешься на неприятности, не так ли? — Говорит он со смехом, качая головой.

У меня много вопросов, первый из которых, кто такая, блядь, Селеста, но второй в какие неприятности, по мнению этого парня, попадет Картер, приведя меня в этот клуб.

Опять же... кто, блядь, такая Селеста?

Вышибала отстегивает фиолетовую веревку, и Картер снова хватает меня за руку, таща

за собой в темноту впереди нас. Мы идем по коридору, который был выкрашен в черный цвет. На нем разбросаны неоновые граффити из миллиона французских слов, которые я не узнаю, и каждые пару секунд включается фиолетовый прожектор, подсвечивающий разные секции коридора.

Я не часто бывала в клубах. Отсюда и то, почему идея пойти во всемирно известный французский клуб казалась такой привлекательной раньше, когда я думала об этом. В медицинской школе мне несколько раз удавалось встречаться с некоторыми одноклассниками в клубах, но я никогда не чувствовала себя комфортно, полностью расслабляясь перед ними. В школе было слишком жестоко, чтобы я могла по-настоящему расслабиться или натворить каких-нибудь глупостей, которые они потенциально могли бы использовать против меня позже.

Глядя на трех мужчин вокруг меня, я почти уверена, что с ними это не будет проблемой. Музыка звучит громко, даже при ходьбе по коридору, и я уже подпрыгиваю в такт глубоким техно-ритмам. Мы поворачиваем за угол, и перед нами дверь, похожая на хранилище, за которой стоят еще два вышибалы, одетые в черное с головы до ног. Они кивают Картеру подбородком в стиле "как дела", в котором, похоже, все парни профи, а затем открывают тяжелую дверь.

Музыка звучит так громко, что мне приходится сделать шаг назад. Куэйд хватается за локоть и вопросительно смотрит на меня. Я отвечаю с ухмылкой, которая, я уверена, напоминает ухмылку чокнутого, но что я могу сказать... Я взволнована.

Мы заходим в комнату и видим массу корчащихся людей, разбросанных по трем этажам. Женщины и мужчины, одетые в черную кожаную экипировку Доминитрикс, висят в клетках по всей комнате, соблазнительно танцуя под пульсирующие ритмы. Я смотрю на все с благоговением.

Куэйд и Картер оба выглядят как дома, поскольку Картер продолжает уводить нас в сторону от массивного главного этажа. По бокам зала установлены изящные черные кабинки в форме полукруга, но все они заполнены. Официантка, одетая в черные кожаные шорты и красный кружевной топ без косточек, подходит к нам и визжит, обнимая Картера.

Ревность не была тем чувством, с которым я была знаком за последние десять лет, но прямо сейчас я думаю, что это хорошо, что у меня нет ножа, потому что сука, вероятно, подверглась бы риску быть зарезанной, если бы я это сделала.

— Ревнивая девчонка, — шепчет мне на ухо Куэйд. Я посылаю ему надменный, невеселый взгляд, который вызывает только один из его глубоких, сводящих с ума смешков. Однако это делает свое дело, потому что, когда я оглядываюсь назад, Картер высвобождается из рук официантки, и теперь она ведет нас к чудесным образом пустой кабинке, которая, я почти уверена, была полностью заполнена всего секунду назад.

Она целует Картера в щеку, как только мы садимся за столик, а затем плавной походкой уходит, выглядя до смешного безупречно в своих вишнево-красных лабутенах.

— Я так понимаю, ты часто сюда приезжаешь? — Комментирует Логан, когда мы устраиваемся на прохладных кожаных сиденьях. Логан обнимает меня за плечи, в то время как Куэйд становится как можно ближе с другой стороны от меня, собственнически кладя руку мне на колено. Взгляд Картера задерживается на том месте, где Куэйд ласкает кожу на моем колене. Как только он замечает, что я смотрю, он намеренно отводит взгляд.

Я дрожу, и, честно говоря, это немного противоречиво. Прикосновения Куэйда и Логана угрожают воспламенить меня, но без внимания Картера внутри меня также ощущается

ощутимая пустота.

Со мной что-то серьезно не так.

— У меня есть хороший друг, которому принадлежит это место. Я пытаюсь зайти несколько раз каждый раз, когда бываю в Париже по заданию, — отвечает Картер, хотя мне требуется секунда, чтобы вспомнить, о чем идет речь, поскольку Куэйд начал медленно водить рукой по моему бедру.

Официантка приносит напитки, дружелюбно подмигивая мне, отчего я чувствую себя немного менее сумасшедшей. Следующий час мы проводим за выпивкой, а люди смотрят... и есть на кого посмотреть.

Решив, что я готова начать танцевать, я допиваю свой напиток и две порции шотов, которые принесла нам официантка, и встаю.

— Хорошо, мальчики, кто собирается пойти туда со мной? — спрашиваю я, позволяя жидкой смелости захлестнуть меня.

— Я в деле, — быстро говорит Куэйд, вставая и энергично хватая меня за руку. Я смеюсь над его выходками, втайне наслаждаясь чувством того, что я желанна.

— Я буду там через некоторое время, — комментирует Логан, поднимая свой бокал с бурбоном в знак приветствия нам обоим.

Я не утруждаю себя просмотром Картера. Он придет, когда захочет... если захочет.

Куэйд танцует как бог.

Я едва осознаю, что мои потные конечности бьют меня, потому что контроль Куэйда над моим телом абсолютен. Его бедра соблазнительно двигаются напротив моих, никогда не переходя ту грань, за которой вы, по сути, просто трахаетесь на танцполе, как многие люди вокруг нас. В более тонких движениях Куэйда есть что-то более горячее... как будто он просто дает мне попробовать, но вкуса мне достаточно, чтобы понять, что его навыки в постели меня не разочаруют.

Его руки скользят вниз по бокам моего тела, сжимаясь на мне. Его голос мрачен и опасен, когда он шепчет мне на ухо, как сильно он любит мое "гребаное тело" и как ему не терпится затащить меня в постель. Я делаю дополнительный выпад бедрами, и он рычит, посылая возбужденные ударные волны по моей коже. Я никогда не видела эту сторону Куэйда, и на это стоит посмотреть.

Он разворачивает меня так, что передние части наших тел прижимаются друг к другу. Он выглядит опасным и диким в свете мигающих ламп в своем темно-синем Henley и облегающих черных джинсах, которые, должно быть, были сшиты специально для него, учитывая, как хорошо они смотрятся. Он смотрит в мои глаза, голод и возбужденность, самые яркие эмоции, которые видны, когда я смотрю на него в ответ.

Одна из его рук перемещается с моего бедра вверх к основанию шеи. Кончики его пальцев нежно проводят невидимую линию от моей ключицы вниз к верху платья и обратно, оставляя след на моей коже. Я резко вдыхаю, когда острая волна возбуждения снова накрывает меня. Он снова разворачивает меня и зарывается лицом в мою шею, как будто он на грани потери контроля.

Я раздумываю, пытаюсь найти здесь место для быстрого секса, пока не поднимаю глаза и не вижу великолепную женщину, сидящую на коленях у Картера. Я замираю на месте, наблюдая, как она любовно поглаживает руку Картера ногтем с красным кончиком. Логан неловко наблюдает за ними, его пристальный взгляд с беспокойством перебегает на меня, что говорит мне, что все, что она говорит Картеру, это именно то, что я представляю.

На секунду у меня возникает искушение проигнорировать это.

Картер не мой. Больше нет.

Сердитый голос внутри меня называет меня лгуницей. И я согласна с этим.

— Давай вернемся, — говорю я Куэйд, уже таща его за собой обратно к столу.

— Черт, — бормочет он себе под нос, когда видит богиню, восседающую на Картере.

И она богиня. Ее волосы подстрижены в гладкий боб. На ней ярко-красная помада и черное мини-платье без бретелек, которое идеально подчеркивает ее гибкие формы. Когда мы подходим ближе, я вижу, что у нее глаза шоколадного цвета, обрамленные длинными черными ресницами. Проклинаю французов за то, что у них так много привлекательных женщин.

И все они действительно хотят Картера?

Мы садимся за стол, и взгляд Картера немедленно встречается с моим. На его губах легкая ухмылка, как будто он ждал этого момента всю ночь. Меня охватывает дурнота, когда я понимаю, что он, вероятно, был с ней.

Почему он выбрал этот клуб? Почему у него было такое хорошее настроение от перспективы прийти сюда? Я сразу решаю, что не собираюсь показывать ему, что мне не все равно. Если он хочет поиграть в эту игру, то пусть играет.

Я упорно игнорирую жажду убийства, которую чувствую внутри в данный момент.

— Картер, ты собираешься представить меня своей подружке? — Спрашиваю я небрежно, протягивая руку и делая глоток напитка Логана. Куэйд пододвигает ко мне стакан с водой, и я отставляю алкоголь Логана в сторону, чтобы с благодарностью выпить воду.

Я притворяюсь, что не стесняюсь, но я хорошо осознаю, какой мокрый вид у меня после того, как я так сильно потанцевала там с Куэйдом.

— Селеста, я хотел бы познакомить тебя с моей старой подружкой Валентиной, — говорит он, его ухмылка несколько тускнеет, поскольку я реагирую не так, как, я уверена, он себе представлял.

Логан снова обнимает меня, очевидно, не заботясь о том, что я вся в поту, а Куэйд снова кладет руку мне на колено, успокаивающе поглаживая кожу, как будто они оба хотят придать мне сил пережить маленькую игру Картера.

— О, разве она не прелесть! — Воскликает Селеста с сильным французским акцентом. Ее комментарий явно саркастичен, и я кладу руку на ногу Куэйда, чтобы попытаться держать себя в руках.

Я упоминала, что страдаю от внезапных эмоциональных всплесков из-за опухоли головного мозга? Я бы очень хотела, чтобы они не появлялись прямо сейчас.

— И откуда ты знаешь моего Картера? — Она говорит, "мой" явно собственническим тоном.

— Мы знакомы с детства, — уверенно отвечаю я, но она уже что-то шепчет на ухо Картеру, поглаживая кожу, выглядывающую из-под его дымчато-серой рубашки.

Я ненавижу ее. Чувство возникает очень сильно, и я просто принимаю это. Картер все еще смотрит на меня с вызовом, и я задаюсь вопросом, насколько она, должно быть, самонадеянна, чтобы не заметить, что он не обращает на нее никакого внимания.

Я в ярости от того, что он это делает. Заставлять кого-то ревновать, это блядь такой детский поступок. Мой гнев быстро проходит, хотя я признаю, что Картер, вероятно, думает, что я заставляю его ревновать, танцуя, флиртуя и делая все остальное с Логаном и Куэйдом. Он все еще не понимает, что моя любовь к другим, не то, чтобы я признала, что я

все еще чувствую любовь, не умиляет того, что я чувствую к нему. Он не понимает, как все они могут существовать в моем сердце одновременно. Я полна решимости не тратить время на попытки играть в эту бесполезную игру.

Вставая, я игнорирую Картера и Селесту и беру Логана и Куэйда за руки. Они не спорят, когда я веду их на танцпол, и мы растворяемся в музыке. Логан не так хорош в танцах, как Куэйд, он никогда не был любителем вечеринок или клубных мероприятий вроде этого, но его глаза горят, когда он смотрит, как я танцую. Он пытается двигаться в такт. И он в основном успешен... Ему удается наступить мне на ноги всего несколько раз.

Несмотря на все это, я чувствую горячий взгляд Картера на нас троих. Те несколько раз, когда я смотрю на него, Селеста все еще сидит на нем, но она могла бы делать ему минет, и я не думаю, что он отвел бы от меня свой пристальный взгляд.

Еще через час я говорю парням, что мне нужно в туалет. Они провожают меня до очереди в дамскую комнату, оставаясь со мной, пока не подходит моя очередь заходить внутрь. Я ценю этот жест, никогда не знаешь, какие мудаки будут в таком месте, как это.

Я захожу в туалет и мою руки, немного маниакально улыбаясь своему потному виду. За последний год я не тратила много энергии. Мои процедуры лишили меня тех немногих сил, которыми я обладала. Позволить себе быть такой свободной, это бодрит, даже если мое тело протестует, и я буду чувствовать это утром.

Когда я выхожу из ванной, я нигде не вижу Куэйда или Логана. Нахмурившись, я оглядываюсь в сторону мужского туалета, гадая, не решились ли они воспользоваться им, пока ждали.

Но от них нет и следа.

Я иду по коридору. Прежде чем я успеваю далеко уйти, меня хватают и тащат в нишу. Я пытаюсь сопротивляться, пока не оборачиваюсь и не вижу, что это Картер схватил меня. Он смотрит на меня так, словно в отчаянии. Отчаянно хочет моего вкуса, моего тела или моей души?

— Что ты... — начинаю спрашивать я, но его губы, прижимающиеся к моим, обрывают меня.

Он целует меня так, как меня никогда раньше не целовали. Как будто он собирается на войну. Как будто ему плевать на дыхание. Как будто что-то в нем так отчаянно нуждается в чем-то во мне, что он должен найти это или умереть, пытаюсь.

Его руки повсюду на мне. Он сдвигает мое тело так, что я седлаю его бедро, откидываю голову назад, пока он проводит языком по основанию моей шеи. Мой клитор пульсирует от его прикосновений. Мои руки сжимаются на его спине. Я шепчу его имя... и он отталкивает меня. Как будто услышав свое имя, он сигнализирует об окончании сцены, которую мы снимали, он кладет руки мне на плечи и отступает назад, разделяя нас. Мы смотрим друг на друга в тишине, наши груди поднимаются и опускаются от учащенного дыхания. Его глаза затуманены чем-то, что я не могу прочесть, я вижу в них желание, но также и боль.

— Это была ошибка, — рычит он, прежде чем удалиться, оставляя меня в шоке смотреть ему вслед.

Мне требуется минута, чтобы прийти в себя, но в конце концов я оказываюсь снова за нашим столом, где Логан и Куэйд оба видят мои распухшие губы и понимающе ухмыляются. Однако Селесты нигде нет.

Картер все равно возвращается в свой отель после того, как мы закончили танцевать.

И я засыпаю, мечтая о его губах и о том, какой он на вкус, даже находясь в безопасности

между телами Куэйда и Логана.

Думаю, Картер Хейз не забыл, как свести меня с ума.

ГЛАВА 14

ТОГДА

ВАЛЕНТИНА

Губы Картера впиваются в мою шею, мое сердцебиение бешено колотится от того, как его зубы царапают мою разгоряченную кожу. Он страстно шепчет мое имя, пока его язык проводит по моей коже, пока его рот не делает мой заложенным. Я уступаю его доминирующему поцелую, наслаждаясь тем, как его палец трется о мой чувствительный бугорок над шортами. Я вздыхаю в его теплый рот, когда внезапно дверь моей спальни широко распахивается, удивляя нас обоих, застывших на месте. Неодобрительное лицо моего отца, маячащее на пороге моей двери, это ведро ледяной воды, которое мне нужно, чтобы оттолкнуть Картера от себя.

— Это то, что вы двое называете подготовкой к большому тесту? Потому что я могу сказать вам прямо сейчас, не похоже, что кто-то из вас справится с ним, — возмущенно заявляет мой отец.

Картер не произносит ни слова, когда поднимает свои книги с пола и начинает собирать вещи, чтобы уйти. С его губ не слетает ни слова извинений. Оправданий тоже нет. Но я думаю, что Картер это Картер. Он не стыдится того, что он делает. Я, с другой стороны, и мне невероятно стыдно, что мой папа только что застукал нас целующимися в моей спальне.

— Увидимся завтра, Валентина, — говорит Картер, целуя меня в висок, прежде чем направиться к двери.

Его лицо остается невозмутимым, когда он проходит мимо моего нахмурившегося отца, и если взгляды могут убивать, то взгляд, которым мой отец одаривает Картера, это смертный приговор, ожидающий исполнения. Хотела бы я быть такой же смелой, каким кажется Картер, но в ту минуту, когда он выходит из комнаты, я отворачиваюсь от отца и бросаюсь подбирать учебники с пола. Это единственное, что я могу придумать, чтобы не столкнуться лицом к лицу с неодобрительным взглядом моего отца. Нежная рука сжимает мое плечо, останавливая мои неистовые усилия, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть, что гнев на лице моего отца превратился в чувство, которое я слишком хорошо знаю, видя в его глазах, беспокойство.

— Это может подождать, малыш. Нам нужно серьезно поговорить прямо сейчас, — восклицает он суровым тоном.

Я поднимаюсь с пола и сажусь на край своей кровати. Это чувство вины и стыда мне незнакомо. Но опять же, я никогда не видела, чтобы мой отец разочаровывался во мне.

— Сколько тебе лет, Вэл?

Мои брови в замешательстве хмурятся.

— Мне пятнадцать. Ты так злишься на меня, что забыл, сколько мне лет, папа?

— Нет. Мне просто нужно было, чтобы ты сказала это вслух, чтобы ты могла услышать себя. Тебе пятнадцать, Вэл. Чертовски молода для того, что я только что увидел.

— Мы всего лишь целовались, — бормочу я.

— Нет, вы делали гораздо больше, чем просто целовались. Тот парень пытался добраться до второй базы. С моей дочерью, под моей крышей, пока я был в доме! — Кричит он, его гнев берет верх с каждым произносимым им заявлением. — Это было не только неуважительно по отношению ко мне, но и не очень уважительно по отношению к тебе.

— Папа, я думаю, ты придаешь этому большее значение, чем оно есть на самом деле. Это был поцелуй. Больше ничего, — настаиваю я, надеясь, что он сможет разглядеть сквозь свою ярость и понять, что мы с Картером не делали ничего плохого.

Он недоверчиво смотрит на меня, испуская долгий преувеличенный выдох после долгой паузы.

— Не могу поверить, что говорю это, но ты наказана, Валентина.

— Наказана? Ты не можешь быть серьезным?!

— Боюсь, я очень серьезен. В течение следующего месяца ты ходишь в школу, а затем возвращаешься прямо домой. Никаких вечеров кино с Логаном. Никаких возни с Куэйдом после ужина и уж точно никаких занятий с Картером.

— Папа, я думаю, ты преувеличиваешь! Это был всего лишь поцелуй! — Отчаянно кричу я.

— Нет, малышка. Это было началом чего-то, к чему ты просто не готова. По крайней мере, морально.

— Папа, я не ребенок! — Возражаю я, мое тело дрожит от ярости.

— Да, это так! Ты мое дитя!

Мы оба смотрим друг на друга, и я понимаю, что это первый раз, когда мой отец когда-либо кричал на меня. Кроме того, это первый раз, когда я тоже злюсь на него, так что, думаю, эта ночь полна открытий для нас обоих. Он не может оторвать меня от моих друзей. Сама мысль о том, что я не смогу проводить время с мальчиками вне школы, парализует. Он не может разлучить нас вот так, из-за одного безобидного поцелуя. Особенно с учетом того, что я уже много раз целовалась с Картером, Логаном и Куэйдом. Хотя я не склонна делиться этой информацией со своим отцом.

Я отворачиваюсь от него и заползаю на свою кровать, лицом к стене, слишком злая, чтобы смотреть ему в глаза. Это мой молчаливый способ сказать отцу, что я закончила говорить, но, к сожалению, он такой же упрямый, как и я, подходит к моей половине кровати и садится рядом со мной, давая мне понять, что мы продолжим этот разговор, хочу я того или нет.

— Я знаю, ты злишься, детка, но поверь мне, это для твоего же блага, — шепчет он.

— Верно, — с горечью отвечаю я в ответ.

— Возможно, ты сейчас так не думаешь, но это так.

Я сажусь обратно, прижимая колени к груди.

— Это был просто невинный поцелуй, папа. Можешь ли ты честно сидеть здесь и осуждать меня за то, что ты, вероятно, делал в моем возрасте?

Его взгляд становится мягким, но тот оттенок беспокойства, который меня начинает

возмущать, все еще отражается в его золотистых крапинках.

— Я никогда не был в такой же ситуации, как ты, малыш. Выбор, который ты сделаешь, повлияет не только на тебя, но и на людей, которых ты любишь. Дай себе время вырасти и разобраться в своих мыслях, прежде чем действовать в соответствии со своими импульсами. Я знаю, что прямо сейчас за тебя говорят в основном твои гормоны, и они будут говорить в течение следующих нескольких лет, но я хочу, чтобы ты принимала правильные решения, Вэл. Увлеченность моментом принесет тебе больше вреда, чем пользы, тем более что тебе придется учитывать сердца более чем одного человека. Скажи мне, как ты думаешь, что бы почувствовал Логан, если бы застал тебя и Картера, как это сделал я? Как ты думаешь, что бы почувствовал Куэйд?

— Я не знаю, — вру я.

— Да, это так. Не принимай поспешных решений, если ты не учла всех желаний своего сердца.

— Я все еще думаю, что ты делаешь из мухи слона, — шепчу я, хотя логика моего отца начинает проникать в мое сердце, даже если я делаю все, что в моих силах, чтобы оттолкнуть это.

— И пока ты не увидишь серьезность своего выбора, ты будешь оставаться наказанной.

— Это нечестно!

— Жизнь несправедлива, малыш. Прежде всего, ты должна была уже это усвоить.

Ужин проходит в тишине. Слишком тихо.

Обычно за нашим обеденным столом звучит вызывающий привыкание смех Куэйда, но этим вечером даже мой лучший друг-шутник знает, что нужно держать рот на замке. Я убираю со стола и начинаю мыть посуду, Куэйд рядом со мной, вытирает ее, пока я передаю ему тарелки. Папа остается на своем месте, очевидно, тоже не желая оставлять меня наедине с Куэйдом. Это нечестно. Куэйд время от времени бросает на меня вопросительный взгляд, но я притворяюсь дурочкой, не желая говорить ему, почему мой отец так расстроен из-за меня.

Как только я заканчиваю мыть посуду, папа приказывает мне идти в мою комнату. Я кусаю нижнюю губу от злости, но делаю, как он говорит. Я почти на верхней площадке лестницы, когда до моих ушей доносится сердитый голос Куэйда.

— Почему вы ведете себя как полный мешок придурков с Вэл, мистер Э? — спрашивает он, в каждом его слове сквозит презрение. Предоставьте Куэйду так красноречиво спрашивать моего отца, что не так.

— Куэйд, может быть, тебе стоит пойти сегодня вечером домой. Я действительно не в настроении разговаривать, — отвечает мой отец, и его голос звучит так же удрученно, как и я чувствую.

— Нет. Этого не произойдет. Не произойдет, пока вы не скажете мне, почему вы с Вэл

храните молчание.

— Тебе не понравится то, что я должен сказать.

— Мне все равно. Просто скажите мне, чтобы я знал, как сделать это правильно. Вэл выглядела так, будто вот-вот расплачется на протяжении всего ужина.

— Ты хороший парень, Куэйд. Но ты все еще просто ребенок с чистым сердцем и благими намерениями. Не все твои друзья такие благородные.

— Что вы имеете в виду? — Куэйд спрашивает в замешательстве.

— Обещай мне, что не сделаешь ничего глупого?

— Обещаю.

— Сегодня утром я застал Вэл и Картера целующимися в ее комнате.

Куэйд молчит, и мое сердце падает куда-то в низ живота, интересно, что он, должно быть, думает обо мне.

— Я убью его! — Кричит Куэйд, и я слышу шум, доносящийся снизу, моя входная дверь открывается, а затем с силой захлопывается снова.

— Ты не сделаешь ничего подобного, малыш, — командует мой отец. — Рано или поздно это должно было случиться. Я мог бы легко застать тебя или Логана с губами, обнимающими мою дочь. Не думай, что я этого не знаю. — Мой отец издает еще один разочарованный выдох, показывая, что он знает больше, чем показывает.

— Я бы никогда не проявил к вам такого неуважения, мистер Э. Не в вашем собственном доме.

— Ты так говоришь сейчас, малыш, но через несколько лет твое либидо будет принимать решения за тебя. Я всегда знал, что рано или поздно это произойдет. Я просто думал, что у меня было больше времени. Я имею в виду, вы только что пошли в среднюю школу.

— Я поговорю с Картером, — непреклонно заявляет Куэйд со сталью в голосе.

— Действительно и что скажешь?

— Что ему нужно держать свои глупые руки подальше от Вэл!

— А как насчет Логана? Или тебя? Ты сделаешь то же самое? — спрашивает мой отец, не убежденный.

Следует долгая напряженная пауза, и с каждой секундой я чувствую, как краснеет мое лицо.

— Это нормально, когда вы все испытываете чувства друг к другу и хотите воплотить их в жизнь. Но вам всем четверым нужно действовать осторожно. То, что у вас есть, очень уникально и ценно, но одно неверное движение или эгоистичный поступок может повредить тому, что вы создаете. Боюсь, никто из вас не готов к тому, что должно произойти, и моя работа, подготовить сердце моей дочери любым доступным мне способом. Даже если она меня ненавидит.

— Вэл никогда не смогла бы возненавидеть вас, мистер Э.

— Если я буду держать ее подальше от всех вас, она так и сделает. Я это знаю. Я просто хочу, чтобы она поняла, что вам всем еще со стольким нужно разобраться, прежде чем приступать к физической близости.

— Вы имеете в виду секс, не так ли? — Куэйд смущенно замолкает, и мне приходится зажать рот руками, чтобы мой вздох не был услышан внизу.

— Да, сынок. Даже если вам, мальчики, шестнадцать и вы выглядите как мужчины, это не значит, что вы не дети. Ваши тела могут быть готовы к такому типу близости, но ваши

мозги и сердца нет. Моя работа как родителя, помочь моей малышке сориентироваться в этом, даже если прямо сейчас она этого не понимает. Невинный поцелуй может лишь надолго утолить вашу жажду друг к другу. Но когда вы все сделаете следующий шаг, вам также придется столкнуться с его последствиями.

— Я не понимаю, — замолкает Куэйд, его замешательство похоже на мое собственное.

— И поскольку вы ничего не понимаете, потому что никто из вас этого не делает, мне пока приходится быть препятствием на пути. Единственное, к чему я могу вас всех призвать, это не торопиться. Только дураки бросаются во что-то, когда они понятия не имеют, какими будут последствия. Дайте Вэл время разобраться в ее чувствах, и достаточно времени, чтобы вы все тоже поняли свои. У всех вас есть то, чего большинство людей не поймут, но пока вы понимаете, тогда все в порядке. Уделяйте время своей любви. Не торопитесь, потому что один неверный шаг может разрушить все, что у вас четверых есть.

— Я никогда не буду принуждать Вэл делать то, чего она не хочет, — искренне обещает Куэйд, снова получая один из долгих вздохов моего отца.

— Хотел бы я в это верить, но боюсь, что рано или поздно кто-то из вас загонит мою дочь в угол, и я не уверен, что кто-то из вас готов к тому, что означает это действие.

Я чувствую, как мои брови хмурятся посередине лба от предупреждения моего отца, витающего в воздухе. Я молча возвращаюсь в свою комнату, мой разум и душа находятся в противоречии с его зловещим предостережением. Проходя дальше в свою спальню, я замечаю, что Картер ждет меня у окна. Он поднимает свой телефон, показывая, чтобы я взяла свой. К счастью, папа не конфисковал его, но кто знает, не передумает ли он.

— Ты в порядке? — спрашивает Картер.

— Впервые в жизни я наказана, поэтому не уверена.

— Твой папа переживет это. Не волнуйся, — беспечно отвечает он, и я не уверена почему, но то, как он отмахивается от неодобрения моего отца, раздражает меня не в ту сторону.

— Ты мог бы что-нибудь сказать. Может быть, даже извиниться, — огрызаюсь я, показывая, что ни капельки не рада, что он может так легко пренебречь чувствами моего отца.

— За что? За то что целую тебя? Я никогда не буду извиняться за это.

Я смотрю на него и вижу убежденность в его темных глазах.

— Он не ошибается, понимаешь? Мы все еще дети.

— Мы с тобой не совсем уже дети, Валентина, и твой отец это знает, — беззлобно замечает он в ответ. — Но какая разница. Мы всего лишь целовались. Не трахались.

Мои щеки мгновенно вспыхивают. То, как Картер произносит это слово с такой легкостью, означает, что его полностью устраивает эта идея. Хотя меня и нет. Папа был прав на этот счет. Возможно, мне будет любопытно, но я знаю, что невинные поцелуи, это все, на что я готова пойти. По крайней мере, сейчас.

— Ты слишком много думаешь, — воркует Картер на линии, возвращая мое внимание к нему. — Мы просто дурачились. Я никоим образом не обесчестил тебя.

Я опускаю голову и нервно покусываю нижнюю губу, думая, не этим ли мы только что занимались.

— Посмотри на меня, Валентина. Мы не сделали ничего плохого.

— Тогда почему у меня такое чувство, что мы собирались это сделать? Разве ты не чувствуешь себя немного виноватым?

— Нет, — невозмутимо отвечает он.

— Ну, я чувствую.

— Почему?

— Я не уверена, справедливо ли это по отношению к Логану и Куэйду, — признаюсь я, и ноющее чувство вины наконец-то раскрывает его причину.

— Какое они имеют к этому отношение? — Картер отстраненно оглядывается.

Он шутит?! Они имеют к этому самое непосредственное отношение.

— Ты поцеловала меня, и я поцеловал тебя в ответ. Это то, что делают люди, когда чувствуют то, что мы чувствуем друг к другу. Наш возраст не должен быть фактором, — добавляет он, когда я замолкаю.

— Я не хочу делать то, к чему я не готова.

Несмотря на то, что окна наших двух спален находятся всего в нескольких футах друг от друга, кажется, что расстояние увеличивается с каждой секундой из-за его молчания.

— Хорошо, Валентина, — наконец произносит он, пожимая плечами. — Я ждал два года, когда ты снова поцелуешь меня, так что могу подождать еще два. — Ухмыляется он.

— Ты действительно настолько уверен в себе, не так ли?

— Да, я такой.

Я закатываю глаза, и, хотя мы далеко друг от друга, его тихий смешок дает мне понять, что он видел, как я это делаю.

— Тебе нужно время. Я дам его тебе.

— Спасибо. — Я благодарно улыбаюсь ему.

— Без проблем. Но, Валентина?

— Да?

— Однажды тебе придется выбирать. И в тот день тебе лучше поверить, что это буду я, — самоуверенно восклицает он.

— Спокойной ночи, — тихо говорю я ему и вешаю трубку.

Я закрываю шторы, чтобы он не мог заглянуть в мою комнату, мне нужно немного уединения, чтобы разобраться во всем этом, особенно в его последних словах. Картер считает, что это то, что я делала, целуя его? Что каким-то образом я выбираю его из двух других парней, которые значат для меня так же много, как и он? И это настоящая причина, по которой мой отец наказал меня? Потому что он беспокоится, что я выбираю одного из других, когда я еще не уверена, что это то, что я вообще хочу делать?

Потому что это не так.

Я не хочу выбирать. Ни сейчас, ни когда-либо.

Все советы моего отца начинают обретать смысл. Папа сказал, что я должна лелеять и защищать то, что у нас есть, нашу дружбу, нашу зарождающуюся любовь, так что это то, что мне нужно делать. Убедиться, что все они видят, что мое сердце принадлежит всем им, а не только одному.

У нас есть время. На самом деле нет никакой спешки.

У нас есть время.

Верно?

Время никогда по-настоящему не было моим другом, но я надеюсь, что сейчас это так, потому что мне это нужно. Мне нужно время, чтобы заставить мальчиков, которых я люблю, понять, что я никогда не выберу только одного, и заставить их смириться с этим. Во всех них есть частичка меня, и даже если они еще не осознают этого, я должна быть тем, кто поможет

им понять. И я не смогу этого сделать, если позволю себе поддаться соблазнительной ухмылке Картера, или заразительному смеху Куэйда, или застенчивой улыбке Логана. Мне нужно собраться с мыслями, потому что они нуждаются во мне.

Это то, о чем папа пытался меня предупредить.

Торопятся только дураки, а мой отец не растит дураков

ГЛАВА 15

СЕЙЧАС ВАЛЕНТИНА

После еще нескольких дней в Париже, в течение которых с Картером был достигнут очень небольшой прогресс, но было очень весело с Куэйдом и Логаном, мы отправляемся в Малагу, Испания. Поскольку авиабилеты между всеми европейскими странами очень дешевые, я не стала утруждать себя бронированием заранее. И поскольку я точно не дала ребятам полного маршрута, когда предлагала это приключение в своих письмах, ребята, очевидно, тоже ничего не забронировали.

Прошло много времени с тех пор, как у меня были попутчики в полете. Было приятно, что кто-то держит меня за руку, когда я волнуюсь из-за турбулентности, с которой мы столкнулись через двадцать минут. Картер только немного поиздевался надо мной по поводу того факта, что я закричала, когда самолет, казалось, падает в какой-то момент.

Возможно, мы будем путешествовать на поезде все остальное время.

Малага прекрасна своими пляжами с желтым песком, которые граничат со Средиземным морем, и всеми историческими зданиями и высотными отелями, которые повсюду перемешаны друг с другом. Цвет Средиземного моря почти нереальный, и я чувствую себя так, словно попала на открытку или что-то в этом роде. Малага и Париж такие разные, но одинаково красивы.

— Почему мы здесь? — спрашивает Картер со скучающим видом, надевая солнцезащитные очки и оглядываясь по сторонам, выглядя при этом как опасный плейбой. Мое сердце замирает, и мне требуется секунда, чтобы ответить на его вопрос.

— Мы пьем вино и дремлем под деревом, — говорю я.

— Ты действительно включила это в свой список? — спрашивает Логан со смехом, его золотые волосы сверкают на солнце, делая его немного похожим на сказочного принца.

— Конечно. У меня есть все, о чем мы говорили в тот день, прямо в этом блокноте, — отвечаю я с улыбкой, похлопывая по своей кожаной сумке, перекинутой через плечо, в которой лежит мой блокнот и все остальное, что у меня есть ценного в этом мире.

— Ты имела в виду конкретное дерево? — Ухмыляется Куэйд, его взгляд скользит по

бульвару, по которому мы идем. Пальмы мягко колышутся на ветру, а пляж прямо под нами. Мне не терпится найти туда дорогу позже.

— Мы оставим это на завтра. Прямо на пляже есть винное кафе, в котором я забронировала для нас столик, и я хочу провести день на пляже, прежде чем мы отправимся туда.

— Показывай дорогу, — шутит Куэйд.

Я провела исследование отелей и остановила свой выбор на Palacio Solesio. Я сразу же очарована, как только мы переступаем порог вестибюля.

— Раньше это был дворец, и его совсем недавно отреставрировали и открыли как отель, — объясняю я, пока ребята тоже зачарованно оглядываются по сторонам.

Мы регистрируемся, и возникает неловкий момент, когда нас спрашивают, сколько комнат мы хотим.

— У вас есть номер люкс? — спрашиваю я, прежде чем Картер успевает попросить предоставить ему отдельный номер. По крайней мере, если мы будем в номере люкс, он будет находиться в непосредственной близости от нас.

— Единственное, что у нас есть в наличии, это президентский люкс, — извиняющимся тоном объясняет он, полагая, что я никак не могу себе этого позволить.

Он определенно прав.

Прежде чем я успеваю просто попросить одноместные номера, Куэйд шлепает черной карточкой, от которой у всех расширяются глаза.

— Мы возьмем президентский люкс, — говорит он, и глаза служащего отеля загораются. Возможно, он получит комиссионные, когда ему удастся его забронировать.

Я касаюсь плеча Куэйда.

— Тебе не нужно этого делать. Мы можем просто снять одноместные номера. — Говорю я ему. Логан закатывает глаза и хлопает своей обычной цветной кредитной карточкой.

— Поместите четвертую часть этого на мою карточку, — говорит он.

Куэйд смотрит на него с недоверием.

— Одна четвертая?

— Ты намного богаче, ублюдок, — говорит Логан с дерзкой ухмылкой, и я не могу удержаться от фырканья, отчего они трое плюс сотрудник пялятся на меня.

— Я ничего не добавляю, — объявляет Картер.

— Не думал, что ты это сделаешь, придурок. Учитывая, что ты даже не хочешь быть здесь, — бормочет Логан, в то время как сотрудник делает вид, что не жадно слушает нас.

В глазах Картера на мгновение отражается боль от комментария Логана, но затем он быстро подавляет все свои чувства.

Сотрудник, которого, я думаю, вы бы классифицировали как коридорного, торопливо выходит из другого коридора, толкая большую золотую тележку. Он быстро начинает загружать наши скудные пожитки, а затем ведет нас к лифту, а затем на верхний этаж.

— Вид здесь не имеет аналогов в городе, — гордо объявляет он с лучезарной улыбкой. Мы все сдержанно реагируем, и его улыбка тускнеет.

Картер напряженно стоит в углу, намеренно увеличивая дистанцию, насколько это возможно, между собой и всеми нами. Двери лифта открываются, и я на мгновение забываю о маленьком припадке Картера, потому что вид действительно захватывающий. Перед нами расстилается Средиземное море, золотые пляжи усеяны пальмами, а вдалеке виднеется Ла

Манкита, знаменитый собор Малаги.

Дух захватывает.

— Знаете какие-нибудь хорошие деревья? — Невинно спрашивает Куэйд, протягивая нетерпеливому молодому парню несколько купюр на чаевые.

— Деревья? — Спрашивает он, сбитый с толку.

— Не обращай внимание на него, — говорят Логан и Картер в один голос, и я не могу удержаться от хихиканья.

— Что-то смешное? — Спрашивает Куэйд, и я просто закатываю глаза, поскольку это, очевидно, стало его любимым высказыванием в этой поездке.

— Я, пожалуй, пойду, — неловко говорит коридорный, но никто не обращает внимания. Звук отъезжающего лифта создает неловкое молчание, пока мы вчетвером просто смотрим друг на друга.

— Черная карта, да? — Картер саркастически сплевывает.

— С этим какие-то проблемы? — Спокойно отвечает Куэйд.

Картер просто уходит в одну из спален и громко хлопает дверью.

— Картер вроде как вырос и стал задницей, — комментирует Логан, и по какой-то причине этот комментарий снова заставляет меня хихикать.

— Может, нам пойти поискать твое дерево? — Спрашивает Куэйд, и в его глазах загорается озорство.

— Нет, не забывай, что сегодня пляжный день, — напоминаю я ему.

— Как я мог забыть, что увижу тебя в купальнике? — Флиртует он.

Я пытаюсь улыбнуться, но при мысли о том, чтобы предстать перед ними в купальном костюме, меня тошнит, поэтому я уверена, что выгляжу скорее гримасничающей, чем ухмыляющейся.

Куэйд и Логан оба подмигивают мне, а затем хватают свои сумки, чтобы пойти переодеться. Я беру свою сумку и направляюсь к спальне, поскольку полагаю или, по крайней мере, надеюсь, что один из парней проведет там со мной ночи, пока мы здесь. С меня хватит дразнящих поцелуев. Я готова к хоум-рану.

Я захожу в комнату, и вдруг пол у меня под ногами проваливается, темное облако затягивает меня под себя. Я прихожу в себя, когда слышу, как Логан стучит в дверь. Когда он видит, что я лежу посреди пола, он бросается ко мне.

— Валентина? Что случилось?

По моему молчаливому ответу и покачиванию головой я понимаю, что понятия не имею. Я помню, как захожу в комнату, но после этого все становится пустым. Я понятия не имею, сколько времени прошло, и я не хочу спрашивать. Я знаю, что это произошло из-за опухоли, и я не хочу терять остаток дня.

У меня еще есть время в запасе, напоминаю я себе.

Но напоминание больше похоже на слабую молитву, чем на истинный факт.

Впервые с тех пор, как я пустилась в это приключение, я начинаю беспокоиться о том, какой я на самом деле буду к концу трех месяцев... если я вообще зайду так далеко. Буду ли я мочиться, или меня будет постоянно тошнить, или я потеряю память и не буду помнить где я? Потому что все это происходило во время лечения. С тех пор симптомы утихли, но то, что я теряю сознание, не является хорошим знаком.

— Валентина? — Логан нажимает снова. — Куэйд, иди нахуй сюда.

Я запоздало понимаю, что Логан только что задал мне вопрос.

— Я в порядке, — вру я. — Я просто на чем-то поскользнулась, — продолжаю я с неловким смехом.

Логан пристально смотрит на меня, изучая мое лицо. Он знает, что я лгу. Вопрос в том, решит ли он вызвать меня на дуэль или нет.

Вбегает Куэйд, как и Картер. И теперь, очевидно, это вечеринка на четверых.

Я неуверенно поднимаюсь на ноги, наслаждаясь тем, как Логан обнимает меня за талию, помогая подняться. Странно, что меня так заводит такой простой жест, когда я по факту умираю.

— На самом деле, я в порядке, — уверяю я их. — Я собираюсь переодеться и сразу же выйду.

Все трое изучают меня, и я знаю, что они собираются поговорить о том, что только что произошло, как только выйдут из комнаты. Я просто не хочу, чтобы они знали еще некоторое время. Все изменится, как только они узнают правду. Я просто должна держать себя в руках. В моем списке есть еще так много вещей, которые я хочу с ними сделать. И если я сейчас выложу все начистоту, то я знаю, что на этом путешествие закончится.

Отбрасывая эту навязчивую идею, я достаю красное бикини из сумки и держу его перед собой. Пока я была в магазине, оно показалось мне таким сексуальным, но с тех пор, как я его купила, я похудела еще как минимум на пять фунтов и совершенно уверена, что буду выглядеть в нем ужасно.

Просто смирись с этим, кричу я на себя, быстро переодеваюсь в купальник и накидываю тунику, не глядя на себя в зеркало.

— Я готова идти, — объявляю я, выходя. Они немедленно замолкают, подтверждая мое подозрение об их склонности к сплетням.

Я игнорирую их и одаряю всех фальшивой улыбкой. Это быстро становится реальным, когда я понимаю, как восхитительно они выглядят в своих плавках и майках. Очевидно, Картер решил перестать дуться достаточно долго, чтобы присоединиться к нам на этот день. Мне вдруг не терпится поскорее добраться до пляжа и снять с них рубашки. Кого волнует, что я выгляжу ужасно?

Поскольку мне, вероятно, понадобятся мои таблетки, чтобы сделать этот день успешным, я бегу в другую комнату, запиваю их небольшим количеством воды, и затем мы выходим.

Мы буквально в пяти минутах от пляжа, и, клянусь, я чуть не испытала оргазм, просто ступив на песок. Прошло действительно много времени с тех пор, как я была на пляже, хотя это мое любимое занятие в мире. Я быстро сбрасываю сандалии, держа их в руке, погружая пальцы ног в теплый песок. Я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что ребята идут, и вижу, что они просто смотрят на меня с такими же ухмылками. И я почти уверена, что в их глазах сияют звезды.

Мужчины странные, думаю я, краснея от их взглядов.

— Вон там есть шезлонги, которые мы можем арендовать, — пишу я, указывая на ряды роскошных кресел с зонтиками перед кафе типа бара прямо на пляже.

Ребята, к счастью, выходят из транса, в котором они только что находились, и мы направляемся к стульям, заплатив служащему за полотенца и четыре шезлонга. Куэйд срывает с себя рубашку, и я начинаю буквально задыхаться, как собака во время течки. Мне неловко, но я не могу себя контролировать. Его пресс идеален, как будто его изваял Микеланджело, хотя я сомневаюсь, что даже он смог бы передать то совершенство, которое

я вижу прямо сейчас.

Логан раздевается следующим, делая это медленно, очевидно, для моего удовольствия. Его пресс не такой глубокий, но его все еще можно облизать. С другой стороны, на его руки стоит посмотреть. Облизывание определенно продолжилось бы именно там.

Следующий Картер, хотя он ведет себя так, будто ему наплевать, что я смотрю. Он быстро снимает рубашку, и эффект от того, что они втроем вместе, заставляет меня растаять. Я не уверена, где Картер находит время для тренировок в своих путешествиях по всему миру, но на его тело стоит посмотреть. От всех этих золотистых мышц у моей леди мурашки бегут по коже. Он стройнее двух других, больше похож телом на пловца. И я. Здесь. Ради. Этого.

— Приземлись, девочка, — бесполезно говорит Куэйд, и я сглатываю. Я перегреюсь, если в ближайшее время не доберусь до воды.

Не позволяя себе думать достаточно, чтобы быть застенчивой, я снимаю свою маскировку и начинаю бежать к морю. Я испытываю облегчение от того, что у меня лишь слегка кружится голова, когда я иду. Я как раз собираюсь добраться до воды, когда меня подхватывает на руки Куэйд, его футбольная скорость оказывается, как нельзя кстати. Он бросает нас обоих в набегающую волну, и я превращаюсь в брызжущее месиво, когда мы выныриваем. Вода чертовски ледяная. Волны на мгновение успокаиваются, а затем мы с Куэйдом просто смотрим друг на друга.

— Ты спасла меня, — хрипло говорит он, его зеленые глаза впиваются в меня.

— Я спасла тебя? — спрашиваю я, не понимая.

— Если бы ты не отправила мне письмо, я не знаю, что бы я делал.

Прежде чем я успеваю спросить его о чем-нибудь еще, Логан подходит к нам. Он оттаскивает меня от Куэйда как раз в тот момент, когда на нас обрушивается волна.

— Ладно, думаю, я достаточно остыла, — выдыхаю я, выплевывая изо рта соленую воду.

— Еще пять минут? — умоляет Логан, и я смеюсь над тем фактом, что он говорит как маленький мальчик.

— Ладно, малыш, — нахально смотрю на него. По какой-то причине Логан краснеет от моего комментария.

— Сделай заметку, Логану нравится, когда его называют малышом, — поддразнивает Куэйд, и румянец Логана становится еще ярче.

Срань господня!

Ему действительно нравится, когда его называют малышом.

Я раздражаюсь смехом, но это нервный, возбужденный смех, потому что у меня не было бы проблем назвать Логана "малышом", если бы мне дали такую возможность. Я оглядываюсь и вижу Картера, развалившегося на одном из наших шезлонгов. На нем темные очки, поэтому я не вижу его глаз, но я бы с уверенностью сказала, что он наблюдает за нами. Куэйд видит, куда я смотрю, и шлепает меня по заднице.

— Иди поговори с одиночкой, если хочешь, принцесса, — комментирует он, и я показываю ему язык, прежде чем отважиться вернуться на пляж.

По-видимому, я снова превратилась в подростка.

— Эй, — неубедительно комментирую я, стоя перед шезлонгом Картера, слегка дрожа от дуновения ветерка, овевающего мое промокшее тело.

Этот убудок приподнимает свои солнцезащитные очки, а затем просто насыщается

моим телом. Я готова к отвращению с его стороны, возможно, к отказу, но все, что я вижу, это голод. Я плюхаюсь на сиденье рядом с ним и накрываюсь полотенцем, прежде чем совершить что-нибудь безумное, например, наброситься на него. Он милосердно опускает свои солнцезащитные очки обратно.

Официант приносит мне пинаколаду, и я медленно потягиваю ее, пока мы сидим в тишине. Картер возится со своим телефоном, пока я наблюдаю, как парни прыгают в волнах. Они оба арендовали доски, и мне весело наблюдать, как они отдаются на милость волн.

Разрушения эпичны.

— Как думаешь, ты когда-нибудь простишь меня? — Выпаливаю я, краем глаза наблюдая за выражением лица Картера.

— Ты хочешь поговорить об этом сейчас? — Немедленно отвечает он.

То, как он это говорит, настолько вкрадчиво, что мне импульсивно хочется сорвать с него солнцезащитные очки и встряхнуть его, просто чтобы получить реакцию. Как я могу постоянно чувствовать себя на грани срыва, а он даже не притворяется затронутым вообще?

Если не обращать внимания на его реакцию на мое тело секунду назад, тон его голоса и общий язык тела такие, как я все это себе представляла.

— В последнее время я стала убежденным сторонником того, чтобы не тратить время впустую, — вызывающе говорю я ему. Особенно когда оно у меня заканчивается, добавляю я про себя.

Он просто смотрит на меня, или, по крайней мере, мне кажется, что он смотрит на меня, поскольку я все еще не могу видеть его глаз через темные линзы. Наконец он издает преувеличенный вздох, как будто я причиняю ему неудобства. По какой-то причине это еще больше выводит меня из-под контроля. Какая-то часть меня напоминает себе, что мои эмоции, вероятно, обострились из-за опухоли, а не потому, что Картер сделал что-то конкретное, но, конечно, я игнорирую это.

— Ты не извинилась, — наконец бормочет он, что окончательно сбивает меня с толку.

Извинилась?

Для меня почти смешно, что они не знают, как трудно мне было уйти. Как трудно было держаться подальше. Это была такая важная тема в моей голове, что казалось, что все должны знать. За эти годы я миллион раз думала о том, чтобы попросить прощения. Я думала о том, чтобы умолять их найти меня, полюбить меня, исправить меня.

Вначале, иногда по ночам, мне было так трудно удержаться от того, чтобы не позвонить им, что я отдавала свой телефон своей соседке по общежитию в колледже и просила ее оставить его у себя на ночь. Я куталась в свои одеяла и плакала, снова и снова повторяя в голове причины, по которым они никогда не вернутся ко мне снова, так что к тому времени, когда на небе всходило солнце, я была достаточно сильной, чтобы не звонить.

В тот первый год мне приходилось составлять списки того, что я собираюсь выполнить в этот день. И я вообще не могла отклоняться, иначе я потерялась бы в воспоминаниях о них и всех своих сожалениях. Это была самая мучительная боль, которую я когда-либо испытывала, и это о чем-то говорит, поскольку моя жизнь никогда не была легкой. Честно говоря, я не думала, что переживу это. Я почти не пережила.

С годами у меня становилось все меньше моментов, когда я выходила из-под контроля. Стало легче отвлекать свой разум от призраков прошлого. Но потом я слышала песню, или кто-то говорил что-то, что могли сказать только любимые всей моей жизни, и я

немедленно возвращалась к той отчаявшейся девушке с разбитым сердцем.

Я, наконец, сдалась примерно через два года после того, как ушла. Это был особенно ужасный день. Лондонский мрак был слишком сильным, и я видела, как Куэйд появился на экране телевизора в местном баре, его выступление было настолько рекордным, что оно даже попало через океан в страну, которая мало интересовалась американским футболом. В тот вечер, вернувшись к себе домой, я позвонила Куэйду, полагая, что звоню просто поздравить его.

Я разбила свой телефон, когда узнала, что его номер был изменен и что мой звонок не может быть завершен после набора. В панике я позвонила Логану и Картеру тоже, и результаты были такими же. Это была одна из худших ночей в моей жизни, и я пережила немало таких. Но это было особенно мучительно, потому что, хотя я изо всех сил старалась держаться от них подальше, они также перерезали шнур, и я только сейчас получила эту памятку.

— Это даже не приходило тебе в голову, не так ли? — Рычит Картер, вскакивая со стула в приступе ярости, на осознание которой мне потребовалась секунда.

Надо извиниться.

Он хочет извинений.

Пока все, что мне нужно, это он.

Он собирается уйти, как капризный ребенок-мужчина, в которого он, очевидно, превратился, поэтому я хватаю его за штанину плавок, не давая сдвинуться ни на дюйм.

— За что, по-твоему, мне нужно извиниться? — Выпаливаю я.

Он оборачивается и смотрит на меня сверху вниз, как на сумасшедшую. Что ж, думаю, по крайней мере, я получаю от него хоть какие-то эмоции. Не те, на которые я надеялась, но прямо сейчас я приму все, что смогу получить.

— Я не знаю. Как насчет того факта, что ты разрушила всю мою гребаную жизнь? Я уверен, что вереница девушек, которых я оставил после себя, поблагодарила бы тебя за то, что ты сделала меня эмоциональным инвалидом, боящимся обязательств, каким я был во всех этих отношениях. Если это вообще можно так назвать. Когда ты, блядь, тоскуешь по призраку все время, пока ты с кем-то, я не уверен, что это действительно называется отношениями. Или как насчет того факта, что я построил карьеру, бросаясь в опасные для жизни ситуации только для того, чтобы на самом деле почувствовать что-то на полсекунды, поскольку остальная часть моего существования состоит из того, что я хожу вокруг, как будто я гребаная пустота.

Его грудь вздымается, когда он смотрит на меня сверху вниз. Он только что много чего сказал, и мне требуется секунда, чтобы все это осмыслить. Просто доказывая, насколько я импульсивна, это, конечно, пробуждает мой интерес к его упоминанию о своих предыдущих отношениях.

— Ну? — Спрашивает он, вскидывая руки в воздух.

Я, наконец, вспоминаю, что мы сейчас не совсем одни. Несколько официантов заинтересованно смотрят на нас со своего места в нескольких рядах от нас.

— Может быть, нам стоит поговорить об этом где-нибудь в другом месте, — тихо говорю я.

— Ты сама об этом заговорила. Так что тебе лучше закончить этот разговор сейчас, — возражает он.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь открыть рот с резким замечанием, подходят

Логан и Куэйд, выглядящие как чья-то влажная мечта, с капельками воды, стекающими по их непристойным телам, провоцируя меня плотно сжать губы, чтобы сдержать слюнотечение, а также мой характер.

— Что происходит? — Осторожно спрашивает Логан.

— Валентина просто делает то, что у нее получается лучше всего, — шипит Картер.

— И что это? — спрашивает Куэйд, приподнимая бровь. — Потому что я уверен, что мы не думаем об одних и тех же вещах.

— Как ты, блядь, это делаешь? Как ты ведешь себя так, будто все в порядке, когда мы все знаем, что она, блядь, уничтожила нас? Она выбросила все и даже не оглянулась ни на секунду. И все же вы оба ведете себя так, как будто ничего не произошло. Вы оба веселая кучка придурков, притворяющихся, что все в порядке, когда вы должны ее ненавидеть. — Я думаю, настала их очередь почувствовать гнев Картера. Но поскольку я думаю, что он сказал все, что хотел, Картер обвиняюще указывает на меня. — Мне потребовались годы, чтобы хотя бы притвориться нормальным человеком, а ты даже не можешь ни разу извиниться. Один раз! Итак, вот мой ответ тебе, Валентина, я никогда не прощу тебя. Ты убила мальчика, который любил тебя и сделал бы для тебя все, и мужчина, которым я стал, не даст тебе шанса сделать это снова. — И с этими словами, душащими мое сердце, он разворачивается и уходит, даже не оглянувшись в мою сторону. Как бы мне ни хотелось побежать за ним, на этот раз я отпускаю его и смотрю, как он отдаляется от меня как физически, так и эмоционально.

— Вэл... — начинает Куэйд, поднимая руки вверх, успокаивая меня, как будто думает, что я тоже могу сбежать в любую минуту.

— Все в порядке, — говорю я ему, смирившись. — Не то, чтобы я этого не заслуживала.

Логан убирает волосы со своего загорелого лица, чтобы посмотреть мне в глаза. Он уже выглядит так, словно загорел просто от пребывания на солнце этим утром. Он больше, чем когда-либо, похож на бронзового бога.

— Ты думаешь, мне следует пойти за ним? — Нерешительно спрашиваю я, мой взгляд возвращается к удаляющейся фигуре Картера, когда все мое тело дрожит от боли.

Пока этот вопрос все еще висит в воздухе, Куэйд направляется ко мне. Внезапно он хватается за меня и перекидывает через плечо, так что я смотрю на его восхитительную задницу. Мое задумчивое состояние усиливается из-за мальчишеских выходов Куэйда, и, если честно, я особенно наслаждаюсь всем тем, как он сегодня хватался. Странно ли, что я испытываю искушение укубить его за задницу, когда он направляется обратно к океану? Логан плетется за нами, выглядя довольным, под несколько смешков окружающих нас людей.

Куэйд удивляет меня, мягко снимая меня с себя, вместо того чтобы сбрасывать в воду. Мой путь вниз по передней части его тела обратно к тому, чтобы встать на собственные ноги, мучителен для нас обоих, судя по тому факту, что определенная часть его тела стоит по стойке смирно, несмотря на холодную воду.

— Отвечая на твой вопрос, нет, я не думаю, что тебе следует идти за ним. Если он не видит, как сильно ты ему нужна, это его проблема, — говорит Логан, подходя ко мне сзади. Он прижимается ко мне, так что я зажата между ними обоими. Мне вдруг кажется, что я забыла, как дышать.

— Он прав. Я еще не извинилась. — Тихо говорю я им. Мне приходится отвести взгляд от Куэйда, потому что он смотрит на меня так, словно я все, а Картер довольно ясно

напомнил мне, что я ничто.

— Вероятно, у всех нас есть много вещей, за которые нам нужно извиниться с тех времен, — хрипло говорит Логан.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Серьезно? Ушли не вы, — без нужды напоминаю я ему. Мой уход написан шрамами на всех наших сердцах. Забыть невозможно.

— Тогда извинись, — лаконично заявляет Куэйд.

Внезапно я снова прихожу в ярость, и на этот раз я почти уверена, что это связано с моей опухолью мозга, потому что ни один здравомыслящий человек не рассердился бы из-за того, как легко Куэйд и Логан, похоже, смогли меня простить. Я отталкиваюсь от Куэйда, мне нужно некоторое расстояние, чтобы разобраться в беспорядке, который творится у меня в голове.

— Картер прав. Ты должен быть зол. Я зла. На самом деле в ярости. Мне пришлось прожить десять лет, просто сводя концы с концами из-за своего эгоизма. Я могла бы остаться. Мы могли бы что-нибудь придумать. Время так дорого. Мы могли бы остаться вместе. Мы могли бы быть рядом друг с другом. Мы могли бы избавить себя от стольких гребаных страданий.

— Принцесса — Логан прерывает меня нежным поцелуем. — Ты когда-нибудь задумывалась о том, что так и должно было быть? Ты предполагаешь, что мы бы передумали делиться тобой. Ты предполагаешь, что за последние десять лет все было бы идеально. Что мы все каким-то образом осуществили бы свои мечты и остались бы теми же людьми, какими были раньше, и так же легко уехали бы в гребаный закат.

— Ты бы возненавидела меня в колледже, — вставляет Куэйд. — Я мечтал о том, что ты будешь со мной все это время, но, если действительно подумать об этом... Я не уверен, что это сработало бы. Возможно, мы все извлекли именно те уроки, которые нам были нужны, чтобы дожить до этого момента. Десять лет, это много. Но прямо сейчас у нас впереди гораздо больше лет.

Рыдание вырывается из моего горла от серьезности и тоски в его глазах.

— Хорошо. Я просто собираюсь вернуться в отель. Мне просто нужно немного побыть одной. Я уверена, что Картер прямо сейчас гуляет по улицам, так что я смогу побыть здесь в полном одиночестве, пока вы, ребята, остаетесь здесь еще немного.

Куэйд и Логан выглядят разочарованными, но все равно кивают в знак согласия. Я практически бегу собирать свои вещи, только раз оглянувшись через плечо, чтобы увидеть, как они оживленно разговаривают друг с другом, продолжая наблюдать за мной.

Мои рыдания вырываются в ту секунду, когда я заворачиваю за угол и скрываюсь из виду. Эта ложь, в которой я живу, становится все больше и больше. Слова Куэйда эхом отдаются в моей голове. Я могу только представить, как сильно они меня возненавидят, когда узнают, что у нас на самом деле нет впереди никаких лет. Может быть, даже месяцев. И даже если они правы... что эти десять лет были бы тяжелее, чем я думаю, что мы, возможно, не пережили бы их... Я бы сделала все, чтобы вернуть эти десять лет назад. Я бы сделала все, чтобы прожить жизнь рядом с ними. Но теперь этого никогда не произойдет. Слишком поздно. Все, что у нас есть, это сегодняшний день.

Завтра может никогда не наступить.

Все, что у них останется от меня, это воспоминания о том, что могло бы произойти, если бы я выбрала по-другому. Если бы я боролась за них. Если бы они боролись за меня.

ГЛАВА 16

ТОГДА ВАЛЕНТИНА

— Черт возьми, — проклинаяю я себя, когда парень передо мной врывается в мой поднос с обедом, проливая апельсиновый сок на мою форму чирлидерши.

Тренер Мэтьюз не обрадуется, если увидит меня в таком состоянии. Я спешу в ближайший женский туалет, который могу найти, надеясь, что немного мыла и воды помогут. Я тру пятно на своей рубашке, и, к счастью, большая его часть отходит. Когда я слышу звон колокольчика, я благодарна за то, что у меня сейчас есть свободное время. Было бы отстойно, если бы мне пришлось вернуться в класс с мокрым пятном на декольте. Поскольку сегодня еще один прекрасный день в Сан-Антонио, я могу с таким же успехом выйти на улицу и просто позволить солнцу высушить его и понежиться в витамине D, пока я этим занимаюсь.

Прежде чем выйти на улицу, я решаю сначала воспользоваться ванной. Едва я запираю кабинку, как звук множества каблучков, стучащих по керамической плитке, возвещает, что я больше не одна.

— Я блядь ненавижу эту суку, — говорит кто-то с горьким южным акцентом.

— Не будь сукой, Трейси. Она не виновата, что твой мужчина запал на нее, — отвечает другая девушка с дразнящим хихиканьем.

— Трейси просто не может смириться с тем фактом, что Картер предпочитает ангелочков, а не распутниц — заявляет третий голос, но мой интерес к тому, о чем они говорят, усиливается только при упоминании имени Картер.

Через маленькую щель в двери мне удастся увидеть отражение трех девушек в зеркале. Это Трейси Холлис и две ее приспешницы, Бекки и Карен. Начиная со средней школы, они посещали большинство моих занятий, но в остальном едва ли сказали мне хоть слово. Однако на протяжении многих лет они не были так скупы на свои непристойные взгляды и насмешки, особенно Трейси.

— О, пожалуйста! Если бы я хотела Картера Хейса, я бы его заполучила. Я просто уже настолько устала от мисс Гуди Два ботинка. Я имею в виду, кого она думает, что обманывает? Все знают, что Валентина Росси, должно быть, помешанная на простынях, раз трое самых горячих парней в нашей школе пускают за ней слюни.

— В твоем голосе звучит горечь, Трейси, — провоцирует Бекки, освежая свой розовый блеск для губ bubble gum новым слоем.

— Я не озлобленная, сука! Я сыта по горло. Трахни ее и откуда бы она ни взялась! Я имею в виду, почему таких девушек, как мы, которые признаются в своей сексуальности, называют шлюхами, когда маленькую мисс совершенство, вероятно, каждую ночь трахают

все трое парней, и никто даже глазом не моргнет? Это чертовски отвратительно.

— О, я не знаю. Если бы Картер, Логан и Куэйд спросили, готова ли я немного поразвлечься вчетвером, я, возможно, согласилась бы, — поддразнивает Карен.

— Девочка, я бы тоже так поступила. Я имею в виду, черт возьми...! Ты видела Логана сегодня на уроке? Каждый раз, когда он открывает рот, мне нужен холодный душ. От одного его голоса у меня мурашки бегут по коже, — добавляет Бекки в обмороке, заставляя меня сжать обе руки в кулаки от ревности.

— Я сама хочу Куэйда. Он выглядит так, будто мог бы отжарить меня, не вспотев.

— Вы обе можете оставить их себе. Мне нравится этот задумчивый, тлеющий взгляд Картера. Клянусь, он мог бы довести меня до оргазма, просто взглянув на меня, — поет Трейси, поправляя свои двойные двойки перед зеркалом.

Все три девушки раздражаются смехом, в то время как я чувствую, что меня сейчас стошнит.

— Думаю, мы никогда не узнаем, потому что Валентина обвела их всех вокруг своего стервозного пальца. Боже, я ненавижу ее, — добавляет Трейси с рычанием на губах.

— Ты просто ненавидишь ее, потому что хотела бы быть на ее месте.

— Это самая глупая вещь, которую я слышала, Бекки. Я бы не поменялась местами с этой сукой ни за какие деньги в мире. Она чертовски скучная. Я не вижу в этом привлекательности. Она такая на любителя.

— Ты тоже на любителя, — подталкивает Карен, стучаясь бедрами с бедрами Бекки.

— Знаете что? Да пошли вы, девочки! Вы должны были прикрывать мою спину!

— И мы это делаем. Вот почему мы честны с тобой, хо! У тебя никогда не будет шанса с Картером, так же как у меня и Карен никогда не будет шанса с Логаном и Куэйдом. Нравится нам это или нет, они заняты. Даже если это с одной и той же девушкой.

— Пока, может быть, — кипит Трейси. — Но рано или поздно они увидят, что в их маленьком квадрате любви слишком много народу, и либо двое из них отступят, либо все уйдут. Попомните мои слова. Валентина может думать, что она такая умная, но она потеряет свое очарование, и они вышвырнут ее на обочину так быстро, что у сучки закружится голова.

— И я уверена, что ты будешь там, чтобы занять ее место, — воркует Карен.

— Ради Картера, вам лучше поверить в это. И если у вас, сук, есть хоть капля здравого смысла, вы тоже начнете действовать против Логана и Куэйда. Это только вопрос времени.

Раздается еще один взрыв хихиканья, когда я ерзаю на своем стуле, стискивая зубы так сильно, что, уверена, через несколько секунд у меня сломается зуб. Часть меня хочет выскочить и впечатать хорошенькое личико Трейси в зеркало в ванной и стереть дерзкие самоуверенные ухмылки с Бекки и Карен. Только инстинкт самосохранения удерживает меня на месте. Их трое, и, хотя я могу действовать быстро, я знаю, что не смогу справиться со всеми сразу. Гнев и ярость могут подпитывать мое желание оторвать им головы, но здравый смысл удерживает меня в моем стойле, молчаливую, как церковная мышь.

Эти девушки меня не знают. Они ничего обо мне не знают. И все же они здесь, несут чушь, как будто имеют представление о том, что происходит в моей личной жизни. Я киплю от злости, когда внезапно мне в голову приходит другая мысль, приводящая меня скорее в уныние, чем в ярость. Все ли в школе так думают? Что я просто какая-то паинька, которая за закрытыми дверями тайно какой-то девиант? Мысль тревожная.

Убедившись, что я наконец-то одна в ванной, я выхожу из кабинки и мою руки, глядя на свое отражение в зеркале.

Это то, что они видят, когда смотрят на меня?

Эти тревожные мысли преследуют меня еще сильнее, когда я выхожу на улицу. У меня такое чувство, как будто с моих глаз сняли шторы, и я впервые вижу реакцию людей на меня. Проходя по коридорам, я замечаю, что несколько детей смотрят на меня и что-то шепчут друг другу на ухо. Моя кожа горит от их затяжных взглядов и язвительных ухмылок. Когда я, наконец, добираюсь до двойных дверей, ведущих во двор, я делаю глубокий вдох, надеясь, что этого достаточно, чтобы избавиться от токсичной энергии. Но когда я пытаюсь найти где-нибудь место с тенью, те же самые сердитые взгляды следуют за мной, их приглушенный шепот покалывает мою кожу.

Как я раньше этого не замечала?

Ответ на этот вопрос приходит ко мне как пощечина, оставляя меня запыхавшейся. Я никогда не замечала, что обо мне думают другие, потому что все, на что я когда-либо обращала внимание, были они, трое моих лучших друзей и любовь всей моей жизни. Они, весь мой мир, а всему остальному просто не хватает блеска.

Даже если я хочу защититься от таких жестоких сплетен и мерзких домыслов, нет смысла отрицать, что нас четверых объединяет всего лишь дружба. Доказательством того, что мы нечто большее, является то, как наши взгляды встречаются в разных концах комнаты, или простые штрихи, которые мы пытаемся незаметно внести, когда думаем, что никто не смотрит. Это проявляется в том, как наши тела притягиваются друг к другу, как магниты, или наше дыхание замирает, когда мы находимся всего в нескольких дюймах друг от друга. Все это признаки близости и любви, а я идиотка, которая могла подумать, что никто другой ничего не понимает.

Неудивительно, что люди думают, что я их обманываю. Никто никогда не поверит, что я все еще девственница. Иногда я сама в это не верю, но я пообещала себе, что подожду, пока не удостоверюсь, что Логан, Куэйд и Картер понимают, чего я действительно хочу. На мой взгляд, я занималась любовью со всеми тремя парнями снова и снова, даже если у меня никогда не хватало смелости на самом деле это сделать. Что-то всегда тянет меня назад, когда я даже подумываю о том, чтобы сделать следующий шаг, и это потому, что каждый раз, когда я пытаюсь представить, что просто нахожусь с одним, я всегда чувствую, что предаю другие части своего сердца.

Хотя я ненавижу ее за то, что она открыла правду, которую я была слишком слепа от любви, чтобы увидеть сама, Трейси была права в одном отношении. Рано или поздно либо мне придется выбрать кого-то одно, либо они сделают выбор за меня. Мое сердце сильно сжимается в груди от этой идеи. Как я смогу решить, с каким парнем я хочу быть, когда только все трое могут сделать меня цельной? Я не могу. Это невозможно.

Я падаю на траву и прислоняюсь к дереву, подтягивая колени к подбородку, моя голова наклонена достаточно низко, чтобы никто не мог увидеть смятение на моем лице.

Родственные души.

Так однажды назвал нас папа. В то время папины объяснения мне означали, что родственная душа это та, кто просто заполучил тебя, как Логан, Куэйд и Картер заполучили меня. Но по мере того, как мы растем, я понимаю, что это гораздо больше, чем это. Это единение умов, взаимное уважение, безусловная любовь и полное понимание друг друга. Это значит быть самим собой и знать, что этот человек не только следит за вашими мыслями и понимает их, но и находится рядом с вами, бок о бок.

Так как же я могу отвернуться от своих родственных душ, даже если они сами попросят

меня об этом?

Я не смогу.

Пока я сижу, размышляя о надвигающейся гибели, в которой я даже не уверена, произойдет ли это, меня осенило еще одно прозрение. Логан, Куэйд и Картер могут быть моими родственными душами, но они также принадлежат и друг другу. Если настанет тот ужасный день, когда они попросят меня принять такое решение, все, что мне нужно сделать, это напомнить им об этом факте. Мы ничто друг без друга. И я это докажу. Каким-то образом я покажу им, что даже если мир не одобряет нашу любовь или не понимает ее, это не значит, что она менее реальна. Наша любовь, это сумма четырех сердец, красиво переплетенных и так неразрывно связанных, что вырвать одну часть означает разрушить ее совершенство.

И мы совершенны.

Может быть, я молода, но я знаю это очень много. Никто, даже мальчишки, по которым я тоскую и которых обожаю всеми фибрами души, никогда не убедят меня в обратном.

Я просто надеюсь, что никогда не окажусь в положении, когда они почувствуют необходимость выбора.

ГЛАВА 17

СЕЙЧАС

ВАЛЕНТИНА

Когда я возвращаюсь, номер пуст, как я и предполагала. Если Картер кардинально не изменился по сравнению с тем, как он обычно справлялся с конфликтами, он будет часами бродить по улицам, пытаясь избежать разговоров с кем-либо из нас о том, что только что произошло.

Я плачу не менее часа. Я переживаю множество эмоций, многие из которых связаны с тем, что я решаю просто сказать им правду. Я наконец погружаюсь в беспокойный сон, слова Картера эхом отдаются в моих ушах.

Я ненавижу дремать. Это первое, о чем я думаю, когда с трудом сажусь, пытаюсь понять, что меня разбудило. Быстрый взгляд в окно говорит мне, что я проспала большую часть дня. Солнце стоит в небе гораздо ниже, чем когда я сюда пришла, и у меня просто нет такого количества времени, чтобы тратить его впустую.

Я встаю и направляюсь к двери, но останавливаюсь, когда слышу, как Куэйд и Логан тихо разговаривают друг с другом в главной комнате. Я знаю, что не должна подслушивать, но давайте будем серьезны, это не худший из моих грехов. Ни в коем случае.

— Ты думаешь, она говорит правду? — Бормочет Куэйд. — О том, что ее симптомы являются следствием лечения?

— Она не стала бы лгать об этом, — твердо говорит Логан, отчего страх у меня в животе только усиливается.

Логан всегда был так уверен во мне, так уверен в нас. Я не могу избавиться от чувства, что глубоко предаю его. Думаю, это не просто чувство.

Я предаю его.

— Мы ее больше не знаем, — тихо говорит Куэйд. — Сегодня меня осенило. Она ни на что не реагирует одинаково. Она не улыбается одним и тем же вещам. У нее больше нет звездочек в глазах. Она не смеется всем телом. — Вздыхает он. — Я продолжаю искать ту девушку, в которую влюбился так давно, и...

— И ты чувствуешь, что предаешь ее, потому что влюбляешься в эту другую версию ее, — тихо заканчивает Логан.

Куэйд не отвечает, по крайней мере, устно. Я их не вижу, поэтому не знаю, покачал он головой или нет.

— Она все еще та девушка во всех отношениях, которые имеют значение, — уверяет его Логан. — Я все еще чувствую себя с ней более собой, чем когда-либо с кем-либо другим. Ее смех может быть более сдержанным, но мне все равно становится по-хорошему больно каждый раз, когда я его слышу. Ее глаза все еще загораются, когда она узнает что-то новое. Я все еще скучаю по ней в ту секунду, когда она выходит из комнаты.

— Но почему ты все еще так считаешь? Это потому, что ты тоскуешь по старым добрым временам? — В отчаянии вмешивается Куэйд.

Я почти чувствую, как закатываются глаза, которыми Логан только что наградил Куэйда.

— Я слышал тебя, когда мы там плавали. Я слышал отчаяние в твоем голосе. Не сомневайся в том, что ты чувствуешь сейчас.

После этого я закрываю дверь и перестаю подслушивать. Я не заслуживаю Логана. Я не заслуживаю никого из них, но я особенно не заслуживаю такой преданности. Проходит еще час, а я, как трус, остаюсь в своей комнате, в голове у меня все перемешалось.

Раздается стук в дверь. Логан засовывает голову прежде, чем я успеваю что-либо сказать.

— Привет, — говорит он с застенчивой улыбкой. Я грустно улыбаюсь ему в ответ. — У меня к тебе вопрос. И ничего страшного, если ты не в настроении, — начинает он.

— Какой? — Осторожно спрашиваю я.

— Не хочешь сходить на свидание? — спрашивает он.

У меня на секунду приоткрывается рот. Думаю, это было наименее вероятным, чего я могла ожидать от него.

— Это значит нет? — спрашивает он разочарованно, и я понимаю, что только что сидела на кровати, уставившись на него.

— Нет, конечно, нет! — Поспешно отвечаю я ему.

— О, хорошо. Может быть, в другой раз? — спрашивает он, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Подожди, я имею в виду, да, да, я хочу пойти с тобой на свидание!

Думаю, я запомню ответную улыбку на лице моего бога солнца на всю оставшуюся жизнь, сколько бы эта жизнь не продлилась.

Логан практически вибрирует рядом со мной.

— Все в порядке? — Спрашиваю я, нервно разглаживая свою темно-синюю юбку.

— Я просто не хочу, чтобы мы пропустили первую часть нашего свидания, — говорит он мне, подмигивая, прежде чем с тревогой заглянуть в окно нашего такси.

— Там закрывается рано?

— Что-то вроде этого, — загадочно говорит он, беря мою руку в свою и сжимая ее.

Машина петляет по холмам, пока я не вижу впереди руины замка Гибралфаро.

— Мы идем туда? — Взволнованно спрашиваю я. Это было в моем списке мест, куда стоит сходить, и теперь я практически пританцовываю на своем месте, когда мы подъезжаем к главному входу в древнюю каменную крепость.

Улыбающаяся пожилая женщина с серебристыми волосами машет нам, когда мы выходим из такси.

— Свидание Логана Купера? — Спрашивает она с сильным испанским акцентом.

— Так и есть, — отвечает он на безупречном испанском, и я смотрю на него с удивлением. И снова он просто бесит меня своим сексуальным подмигиванием.

Лючия водит нас на частную экскурсию по крепости. Я постоянно отвлекаюсь от того, что она говорит, из-за потрясающих видов на Средиземное море и город.

— Я пока оставлю вас двоих здесь и зайду за вами позже, — говорит она нам, указывая на зону отдыха, где мы можем все увидеть.

— Да будет тебе известно, что я просмотрел это и наблюдение за закатом из замка Гибралфаро было номером один в поиске Google по датам в Малаге, — говорит он мне притворно строгим голосом, когда мы устраиваемся на скамейке, чтобы полюбоваться самым потрясающим закатом, который я когда-либо видела.

Прохладный ветерок касается наших лиц, когда мы наблюдаем, как небо меняет цвета у нас на глазах. Я кладу голову на плечо Логана. Это кажется таким сюрреалистичным, что я действительно могу это сделать. Лючия не возвращается, пока солнце полностью не скрылось за горизонтом и не начали выглядывать звезды.

— Что думаете? — Восхищенно спрашивает она.

— Я никогда не видела более красивого заката, — честно говорю я ей, и ее улыбка расплывается по лицу, когда она хлопает в ладоши перед собой. Она выводит нас из крепости, где ждет другое такси, и целует в обе щеки меня и Логана, прежде чем отправить нас восвояси.

— Я думаю, это лучшее свидание, на котором я когда-либо была, — говорю я ему, прижимаясь к нему.

— Это было только начало, — говорит он мне, подмигивая. Я внезапно облизываю его, потому что он такой чертовски сексуальный, что я ничего не могу с этим поделать. Я облизываю его подбородок, как будто это долбаный рожок мороженого, тающий летним

днем.

Он вкуснее.

Он рычит и свирепо встречает мой рот. Ответный стон вырывается из моего горла. Мы целуемся, неистово, а затем медленно, жестко, а затем нежно, так долго, что мое тело находится в состоянии повышенной готовности. Он первым отстраняется, но я догоняю его и покрываю поцелуями его щеку и шею. Он прижимается к моим губам еще одним быстрым поцелуем, который я наклоняюсь, чтобы попытаться продлить, и мы оба стонем, когда такси останавливается.

Чувствуя легкое головокружение от того, насколько потрясающим был наш небольшой сеанс целования, мне требуется секунда, чтобы осознать, насколько удивителен наш следующий маршрут.

Мы на пляже чем-то похожем на загородный клуб.

— Это называется Баньос-дель-Кармен. Очевидно, это должно быть одно из самых романтических мест в городе для ужина, — объясняет Логан, обнимая меня за талию и ведя ко входу.

И это было романтично. Я не уверена, как можно не почувствовать этого, ужиная в баре на крыше с видом на Средиземное море под тихую музыку гитариста. Или, может быть, дело было в том, как Логан смотрел на меня. Как будто я была всем, чего он когда-либо хотел. Как будто он мог видеть все мои недостатки и все еще отчаянно хотел меня.

Думаю, я смотрела на него точно так же.

Мы поговорили о его отце, увольняющемся из армии, о его сестрах, некоторых из мужьях и его племянницах, которых он обожал. Я действительно впервые познакомилась с этой взрослой версией Логана. И, честно говоря... Он понравился мне так же сильно, как и версия мальчика, на которую я так запала.

Я задавала ему вопрос за вопросом, почти не позволяя ему спрашивать меня о чем-либо. Я хотела знать все о его жизни, что я пропустила. После еды он взял меня за руку, и мы пошли гулять по пляжу.

— Не думай, что я не заметил, как ты едва позволяешь мне задавать тебе какие-либо вопросы, — предупреждает он.

Я краснею, уверенная, что это видно даже в темноте, благодаря почти потустороннему свету луны, падающему на нас. Он останавливает нас и притягивает меня в свои объятия.

— Нет ничего такого о тебе, чего я не хотел бы знать. Ты не можешь рассказать мне ничего такого, что могло бы умалить тот факт, что ты написана в моей душе.

Он делает глубокий вдох, и я не могу отвести от него взгляд. Я очарована всем в нем. Он прекрасен. Все в нем так чертовски прекрасно.

— Тебе больше не нужно быть одной, — продолжает он. — Я не уверен, чего ты хотела, когда писала эти письма. Но теперь, когда ты вернулась ко мне, я никогда тебя не отпущу. На этот раз ты можешь позволить мне сохранить твое сердце. Я обещаю, что сохраню его в безопасности.

На этот раз позволить ему сохранить мое сердце? Как он не понимает, что я так и не забрала свое сердце обратно?

— Логан, — шепчу я. Все слова, которые я хочу сказать, вертятся у меня на кончике языка.

Меня совсем не удивляет, что он движется ко мне, а я к нему. Наши губы встречаются и переплетаются. Он обхватывает рукой мою шею и притягивает меня ближе к себе, крепко

обнимаю. Как будто он боится, что я отстранюсь. Однако я усвоила свой урок давным-давно. Я бы никогда больше не отстранилась от него. Пока меня не вынудят.

Логан нежно целует сначала мою нижнюю губу, затем верхнюю, не торопясь, хотя все во мне хочет двигаться быстрее. Его язык проникает внутрь, дразня меня, пробуя меня на вкус. Я открываюсь для него в сладкой капитуляции. Что еще слаще, он открывается для меня, отдавая мне всего себя, ничего не утаивая.

Мы целуемся, исследуя первый поцелуй. Сначала осторожно, затем с полной сосредоточенностью. Потому что, хотя наши губы касались друг друга раньше, это было по-другому. Мы были другими.

Мы задерживаемся в этом поцелуе. Мы расточаем. Мы наслаждаемся. Я обвиваю руками его шею, чтобы притянуть ближе, затем прижимаюсь крепче, чтобы поддержать мои слабые колени. Я растворяюсь в нем. Я таю. И он растворяется во мне. Заполняя мое пространство, заглушая мою пустоту. Делая меня цельной. Делая меня свободной.

Точно так же, как он всегда делал для меня в детстве.

— Может, нам вернуться в отель? — Шепчет он хриплым голосом, когда наконец отстраняется от меня. Я просто киваю, зная, что в данный момент не в состоянии говорить. Мы практически бежим обратно к дороге, почти отчаянно ловим такси и запрыгиваем в него, как только оно подъезжает. Логан быстро дает водителю указания, затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его глаза горят желанием и привязанностью.

Я ни разу не задумываюсь, прежде чем забраться к нему на колени, оседлав его. Наши губы встречаются в отчаянии. Его рука запутывается в моих волосах, а мои руки обхватывают его лицо, пока мой язык проводит любовными нотами по его. Это была прелюдия, которой мне не хватало последние десять лет. Это самая нежная, сладостная прелюдия, которую я когда-либо испытывала. Я знаю, что водитель, вероятно, наблюдает за нами, и мне следует немного опасаться, что он разобьется. Но я не могла найти в себе сил для беспокойства.

Все, что есть, это это. Все, что есть, это мы.

Рука Логана блуждает по моей рубашке, чтобы поднять лифчик и поласкать мою грудь. Его большой палец касается моего соска, пока я не начинаю задыхаться у него во рту. Он двигает бедрами вперед, и я плотно прижимаюсь к нему своим тазом, чтобы иметь возможность тереться о его эрекцию. Когда я не могу добиться нужного давления через юбку, я перестаю беспокоиться о себе и наклоняюсь, чтобы погладить его через брюки. Ощущение его, такого твердого, еще больше уплотняющегося в моей руке, заставляет меня хотеть большего.

Логан не сопротивляется моим прикосновениям, и я собираюсь расстегнуть молнию на его брюках, полностью забыв о том, что меня окружает, когда водитель громко прочищает горло и бормочет что-то по-испански.

Мы смотрим друг на друга в шоке от того, как далеко мы почти зашли, а затем я сползаю с него, устраиваясь на сиденье рядом с ним, когда мы оба взрываемся смехом. Один взгляд друг на друга снова, и наш смех прекращается, поскольку между нами продолжает накаляться жар. Логан проводит рукой по моей щеке, и я наклоняюсь к его руке. Я так долго жила без какой-либо привязанности, что отчаянно нуждаюсь в ней. Отчаянно нуждаюсь в нем и в том, что, я знаю, он может заставить меня чувствовать. Есть разница в сексе и занятиях любовью, и я знаю, что то, что мы с Логаном собирались сделать, было бы

последним.

Я не занималась любовью десять лет и отчаянно скучаю по этой близости.

После того, что кажется вечностью, такси останавливается у обочины отеля. Логан быстро вытаскивает водителю немного наличных из своего кошелька, прежде чем схватить меня за руку и вытащить меня из такси вслед за ним.

Прогулка по вестибюлю, самая длинная в моей жизни, за ней следует мучительно медленная поездка на лифте, во время которой пожилая пара все время со знанием дела смотрит на нас. Я не виню их, сексуальное напряжение между мной и Логаном настолько велико, что я уверена, мы излучаем феромоны, которые свели бы с ума монахиню.

Мы сжимаем и ласкаем пальцами, наблюдая, как медленно сменяются этажи. Пара выходит на том же этаже, что и мы, что еще больше продлевает пытку. Как только они сворачивают в другой коридор, помахав нам рукой, мы практически бежим к двери нашего номера. Никаких признаков Картера или Куэйда, но Логан все равно заталкивает меня в мою комнату, захлопывая за нами дверь, прежде чем уставиться на меня, его грудь вздымается, когда он наблюдает за мной.

Я роняю свою сумочку на пол, и мы налетаем друг на друга, как взрыв самого грандиозного фейерверка. Мои губы воспаляются напротив его, когда он принимается за мою одежду. Он стягивает с меня рубашку через голову, и когда его пальцы касаются моей кожи, по моей нервной системе пробегают искры. Мы двигаемся, пока я раздеваюсь, и к тому времени, как я снимаю лифчик, мы добираемся до края моей кровати. Логан снимает штаны, а затем поднимает меня и практически бросает на кровать. Его поцелуй грубый и требовательный... и отчаянный.

Именно такой, каким он мне нужен. Именно такой, каким он мне всегда нравился.

Именно так, как я всегда любила.

Я так сильно люблю его.

Он помечает мое тело, но такое чувство, что он клеймит мою душу. Я смотрю на него, пока он нависает над моим телом. Он восхитительный, горячий, я хочу каждую частичку его. Мой желудок скручивает, когда я смотрю на него. Его золотистые волосы, выбившиеся из моей хватки, падают ему на лоб. Тяжело дыша, его твердая грудь поднимается и опускается, отбрасывая рябь на его шесть кубиков в тени от струящихся городских огней.

Логан Купер. Ангел, которого я отчаянно хочу осквернить. На протяжении шести футов секса он огонь, который я отчаянно хочу взорвать внутри себя. У меня перехватывает дыхание. Мое сердце учащенно бьется, а кожа кажется живой, когда он снова проводит языком по моей шее. Только на этот раз он не останавливается, пока не стягивает с меня трусики, он раздвигает мои колени и наклоняется к центру передо мной.

Он улыбается, и это, блядь, озаряет мою душу. Он как солнечный свет, и я жажду его каждой клеточкой своего тела.

— Все еще хорошо? — Спрашивает он хрипло, и все, что я могу сделать, это кивнуть.

Он зарывается головой между моих бедер, и я вскрикиваю, когда он проводит языком по моим складочкам и вокруг клитора. Его руки массируют вверх и вниз по моим икрам, пока он продолжает работать со мной, доводя меня до грани оргазма, издеваясь надо мной, пока мир не начинает наклоняться и вращаться. Он ест меня так, словно умирает с голоду. Я хватаю его за волосы, когда его голова покачивается между моих бедер, его язык скользит по моим влажным складочкам, чтобы погрузиться в мой центр только для того, чтобы отступить и сделать это снова.

И снова.

Это так приятно.

Так хорошо.

Он стонет, и продолжительная вибрация щекочет мой клитор.

— Черт возьми, черт возьми, — бормочет он. — Ты такая восхитительная на вкус.

Дело не только в его голосе или виде его в позе, которую я представляла сотню одиноких ночей, когда только я и мой вибратор доводили меня до грани оргазма. Дело не только в его поцелуях с открытым ртом или в том, как он дразнит мой клитор.

Это звуки, которые сопровождают пир его души.

Мой стон, его рычание, влажное посасывание его губ. Его палец, когда он проскальзывает в мой канал, все это подводит меня к грани. Я извиваюсь, чтобы приблизиться, а затем отстраняюсь от удовольствия, пробегающего по моему позвоночнику, чтобы избежать прикосновения его щетины к моим бедрам. Этого слишком много и в то же время недостаточно.

— Пожалуйста, — умоляю я.

Он останавливается. Он, блядь, останавливается, встает и толкает меня обратно на кровать. Он изучает меня, поглаживая себя. Я уже вижу блеск предварительной спермы на его члене, и я хочу, чтобы она была на мне.

Во мне.

Я хочу, чтобы он забрал меня. Я готова пасть, куда бы это ни привело. Он наклоняется надо мной и устраивается между моих бедер, и я наблюдаю, как его зрачки окрашивают небесно-голубые глаза почти в черный цвет, как раз перед тем, как он целует меня. И затем он толкается в меня жестко и быстро. Я ахаю от его размера. Это было бы слишком для любой девушки, но тот факт, что я воздерживалась довольно долгое время, заставляет меня чувствовать себя особенно... наполненной.

Он делает паузу на мгновение, оставаясь погруженным в меня. Его бедра остаются неподвижными благодаря его постоянным прикосновениям, его ласкам и пощипыванию моей груди, моего клитора, его трению об меня, доводящему меня до исступления под ним. Все время, пока его рот находится на моем или шепчет что-то, что позволяет легко притворяться, что он любит меня своим телом. Я притворяюсь, что это означает все, что я хочу, чтобы это значило. Работает это или нет, я не знаю. Но так получилось, что я притворяюсь, что знаю. Я притворяюсь, что точно знаю, что он имеет в виду при каждом толчке в меня. Я притворяюсь, что он пробует меня на вкус везде.

Он не знает, но с каждым движением его губ я все больше принадлежу ему. Я зависима от темпа его бедер, когда они отводятся назад и скользят вперед. Я зависима от того, что я растянута и наполнена так, как я могла только мечтать в течение последних десяти лет.

Я зависима от него.

Входя, выходя, он наблюдает за мной, моими глазами, моими губами. Он впитывает каждую реакцию, каждый вздох и стон. Я держу его за щеку, любясь его лицом своим пристальным взглядом, пока он набирает темп.

— Он отступил, стараясь не смотреть на нее долго, как будто она была солнцем, и все же он увидел ее, как солнце, даже не глядя, — бормочет он.

Лев Толстой.

Он цитирует гребаную Анну Каренину, одну из моих самых любимых книг, когда мои губы приоткрываются в беззвучном "О", когда я не могу дышать, и каждый мускул в моем

теле натягивается.

Все это время он наблюдает. Поднимается, выпрямляет руки рядом со мной, его мышцы напрягаются под моими блуждающими пальцами, и он входит в меня. Я царапаю ногтями его плечи и впиваюсь в твердые мышцы. Первая дрожь, это шок, толкающий меня через край в спазм. Я сжимаюсь вокруг его члена, но он движется с каждым пульсирующим захватом, толкая меня к бурному оргазму. Это настолько интенсивно, что я поднимаюсь на самую высокую вершину и замираю, только чтобы рухнуть по другую ее сторону, дрожа и запыхавшись.

— Еще раз, ангел. На этот раз пойдём вместе, — рычит он, и один его голос заставляет меня двигаться по спирали к другому. Я подтягиваю колени и обхватываю лодыжками его талию, чтобы он мог войти глубже. Изменение угла позволяет его члену ударять меня во всех нужных местах, позволяет его тазу тереться об меня с нужным давлением. Новая стимуляция способствует приближению моего следующего оргазма. Как и его глаза, сцепившиеся с моими. Так же открыто, как мое тело для него в этот момент, для меня была открыта душа Логана, говорящая о тайнах в этом взгляде. Он рассказал мне то, о чем я не должна была знать: как сильно он скучал по мне. Он сказал мне, что я была всем, что ему было нужно. Он сказал мне, что он не трахается сейчас, а занимается любовью. И на мгновение мне показалось, что я могу перестать притворяться, что это любовь, и действительно поверить в это по-настоящему. Я уверена, что говорю все то же самое в ответ, потому что как я могла этого не делать? Я была влюблена в этого мужчину так долго, что не знала, каково это не любить. Ни время, ни расстояние этого не изменили. И когда я кончаю снова, с ним, как он и хотел, мой оргазм обрушивается и смешивается с его настолько полно, что я не могу сказать, какие звуки принадлежат ему, а какие мне.

Я не могу сказать, мое ли это сердце бьется о его грудь или его бьется о мою. Я не могу сказать, я ли это рыдаю в его кожу или он рыдает в мою. Но что я точно знаю, так это то, что большинство людей никогда не испытают того, что мы только что сделали. Разница между сексом с незнакомцем или даже с тем, кого ты просто любишь, отличается от секса с родственной душой. Слишком долго до этого наши души были заключены в тюрьму, но сегодня вечером наши души встретились, они улетели вместе, дикие и свободные.

Это было идеально.

Он еще долго держит меня после того, как мы закончили, проводя легкими движениями пальцев по моей спине и периодически целуя в лоб, как будто я самое дорогое, что есть на свете. Наши ноги переплелись, наши груди опускаются и поднимаются в тандеме, и я чувствую, что каким-то образом мы стали одним целым.

И я плачу.

Я уверена, он думает, что я плачу из-за нашего воссоединения, но на самом деле я плачу о том, как сильно буду по нему скучать, даже на небе.

ЭПИЛОГ

СЕЙЧАС

ВАЛЕНТИНА

Сердитое "что за хуйня" пробуждает меня от наполненного блаженством сна. Ругательства наполняют воздух, когда я резко просыпаюсь, садясь перед сценой, которая выглядит слишком знакомой.

Картер вытаскивает Логана с затуманенными глазами, из кровати, которую мы делили, швыряет его на землю и рычит на него. Я дрожу, наблюдая, как Логан полностью просыпается, отводит кулак назад и бьет Картера кулаком в горло, так что у него нет выбора, кроме как скатиться с него.

Вбегает Куэйд, его глаза расширяются при виде творящегося перед ним хаоса. Он бросается, чтобы схватить Логана, который теперь наносит удар за ударом по лицу и груди Картера, в то время как Картер борется под ним.

— Ты мудака, — рычит Логан, когда Куэйд тащит его прочь, пытаюсь преодолеть разрыв между двумя друзьями. Он так яростно борется с хваткой Куэйда, просто чтобы нанести Картеру больше урона, что в конце концов Куэйд получает удар в лицо.

Картер, пошатываясь, поднимается на ноги и, воспользовавшись этим, бежит к Логану, врезаясь в его торс с грубой силой, заставляя Куэйда тоже защищаться. Теперь они втроем сражаются друг с другом. Опять же, сводящее с ума чувство дежавю настолько разрушительно, что мне требуется секунда, чтобы крикнуть им, чтобы они прекратили это.

— Стоп! — Кричу я, бросаясь в драку, хотя знаю, что это глупая идея.

Я едва промахиваюсь мимо кулака перед своим носом, когда тяну Логана, пытаюсь оттащить его от драки. Кто знал, что у мальчика, которого я всегда считала любимцем группы, внутри была такая борьба? Логан позволяет мне оттащить его от парней, его грудь тяжело поднимается и опускается, когда он переводит дыхание. Куэйд и Картер обмениваются еще одним ударом, прежде чем они оба тоже отшатываются.

— Так вот оно что, ты наконец-то выбрала, — выплевывает Картер, глядя на Логана взглядом, полным ненависти.

— Я выбрала Логана? — Спрашиваю я, совершенно сбита с толку тем, как утро превратилось в это.

— Постарайся не казаться слишком взволнованным по этому поводу, — обиженно бормочет Логан себе под нос, бросая на Картера яростные взгляды.

— Я... Я даже не знаю, что сказать. Что происходит?

— Какого хрена? — Куэйд в замешательстве рычит, его внимание теперь приковано ко мне и Логану, а не к Картеру. — Ты выбрала его?

— Нет... — Я пытаюсь объяснить, пытаюсь разобраться в этом хаотичном недоразумении, но страдальческий взгляд, который Логан бросает на меня, говорит мне, что он, очевидно, услышал достаточно. Он вылетает за дверь, не сказав больше ни слова и ни разу не оглянувшись, его плечи обреченно поникли.

Картер самодовольно смотрит, как он уходит.

— Хороший выбор, Валентина. Ты действительно выбрала парня, который останется с тобой несмотря ни на что, не так ли? — Упрекает он, презрение сквозит в каждом его слове.

— Ты мудака, — хрипло шепчу я, когда слезы начинают наворачиваться на мои глаза.

Я чувствую, как развивается головная боль, и моему мозгу трудно следить за

происходящим.

— Кем бы ни был этот жестокий человек, которым ты стал, я не хочу иметь с ним ничего общего, — говорю я ему, сильно разочарованная тем, что он мог поступить так бессердечно со мной и друзьями, которые всегда были его семьей.

На щеке Картера появляется желвак, когда он стискивает зубы, прежде чем выругаться и выйти из комнаты, очевидно, закончив со мной, как, похоже, и Логан. У меня внезапно подкашиваются ноги, и я, спотыкаясь, добираюсь до кровати, чтобы сесть. Я в отчаянии смотрю на Куэйда, надеясь, что у него найдется какой-то ответ на то, что только что произошло, какое-то утешение.

— Я не собираюсь быть твоими объедками, принцесса, — презрительно отвечает он, но не его холодное заявление заставляет меня хотеть свернуться калачиком в углу этого гостиничного номера. Выражение полной потери и тоски, плавающее в его идеальных зеленых глазах, разрывает мое сердце на части.

Как и другие, он выходит из комнаты, опустив голову в печали и отчаянии, подражая моим собственным страданиям. Единственный звук, который остается, это хлопанье входной двери в номер, прежде чем захлопнуться.

А потом наступает просто тишина.

Я ненавижу тишину.

Большую часть последних десяти лет я провела, пытаясь избежать пустой тишины, которая свидетельствует о том, насколько я одинока в этом мире. Мои руки дрожат, когда я пытаюсь осознать, как прошлая ночь превратилась в утреннее шоу ужасов. Вчера я испытала толику счастья, о котором всегда мечтала только для того, чтобы ее у меня украли в тот момент, когда взошло солнце.

Я не могу дышать.

Такое чувство, что мне потребовалось все, чтобы дойти до этого момента. Я отдала все, что могла, и все же это не имеет значения. Этого было недостаточно.

Всхлипывая, я беру стеклянную лампу рядом с кроватью и пытаюсь бросить ее. Но, конечно, я даже это не могу сделать правильно, так как заглушка не позволяет ей далеко зайти, и в итоге он разбивается вдребезги по всей тумбочке. Я ахаю, когда осколок попадает в мою ладонь и разрезает ее, единственная капля моей крови падает на землю.

Я падаю на колени на ковер, крошечные осколки от разбитой лампы впиваются в мою кожу.

Три месяца.

Это все, что я хотела.

Я просто хочу быть с ними три месяца и, наконец, быть счастливой, даже если эта радость мимолетна. Но, может быть, я прошу слишком многого. Может быть, нам всегда было суждено закончить вот так. Сгорать до тех пор, пока внутри меня не останется ничего, кроме этого... щемящего одиночества. Возможно, мне всегда было предназначено совершить свое последнее путешествие одной.

Но я не хочу.

Я не могу сделать это без них.

Боже, пожалуйста.

— Вернитесь ко мне, — шепчу я в пустую комнату.

Но, конечно, никто не отвечает.

Они исчезли.

И они больше не вернуться.

Я смотрю на осколки лампы рядом со мной, как будто насмехающиеся надо мной, мол я могу избавиться от всех этих страданий всего несколькими ловкими движениями. Мне больше не будет больно, и кусочки моего сердца наконец-то смогут освободиться от меня. Мне не придется видеть, как проходят дни, зная, что у меня никогда не будет той жизни, о которой я мечтала, когда они рядом, и они, наконец, смогут начать свою жизнь заново без меня. Как и следовало сделать десять лет назад.

Это было бы так просто.

Всего одно движение, Валентина, и вся твоя боль исчезнет.

Всего один разрез.

Только один.

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](#)

Переводчик [_Sinelnikova](#)

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

